

18+

Андрей Снегов

**БОБРЫ
В КЛЕНОВОМ
СИРОПЕ**

Двадцать лет в Канаде

Андрей Снегов

**Бобры в кленовом сиропе.
Двадцать лет в Канаде**

«Издательские решения»

Снегов А.

Бобры в кленовом сиропе. Двадцать лет в Канаде / А. Снегов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986931-9

Канада — мифическая страна. Не потому, что на карте ее нет. Одно из немногих государств, принимающих значительное количество иммигрантов, она до сих пор остается для многих страной достаточно закрытой. В этой книге рассказывается о Канаде, ее сходстве с Россией и другими постсоветскими странами и об отличиях от них. Автор увлекательно повествует о реалиях страны кленового листа, о самой большой ее провинции Квебеке и его самом населенном городе Монреале, о путешествиях по канадской глубинке.

ISBN 978-5-44-986931-9

© Снегов А.
© Издательские решения

Содержание

От Автора	6
Предисловие	7
У канадцев собственная гордость!	10
Итак, Монреаль...	19
Нам не страшен серый волк?	37
«Товарищи ученые, доценты с кандидатами...»	52
О местных жителях...	65
Он сказал: «Поехали!...»	74
«О сколько нам открытий чудных...»	81
Призрак ходит по Квебеку, призрак сепаратизма...	88
Ловкость рук и... никакого мошенничества!	97
Наша служба и опасна, и трудна...	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Бобры в кленовом сиропе Двадцать лет в Канаде

Андрей Снегов

© Андрей Снегов, 2023

ISBN 978-5-4498-6931-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора

Если вы читаете этот текст, значит вы скорее всего уже знаете из аннотации, приведенной на обложке книги, что Канада – страна мифическая. И не в том смысле, что страна существует лишь в воображении любознательной публики. Все дело в мифах, до сих пор господствующих в умах как большинства россиян, так и других жителей постсоветского пространства. Ведь несмотря на то, что Канада – одно из немногих государств, ежегодно принимающих значительное количество иммигрантов, она до сих пор остается для россиян и их соседей страной достаточно закрытой. Мифической.

Что за люди здесь живут? О чем думают, что их заботит? Многие ошибочно считают Канаду чем-то вроде США, только поменьше (что само по себе удивительно, поскольку по площади Канада занимает второе место в мире после России). Но похожи ли канадцы на своих соседей – американцев, или они все-таки ближе к европейским предкам? А может и вовсе напоминают наших соотечественников, а если да, то чем именно? Ну и вообще, какова их повседневная жизнь, привычки, традиции?

Цель книги «Бобры в кленовом сиропе» и состоит в том, чтобы рассказать читателю обо всем этом, о самой стране, о ее сходстве с Россией и другими постсоветскими странами, а также о главных отличиях от них. Я постарался как можно точнее описать реалии страны кленового листа – от особенностей канадского жилья и отношения канадцев к природе до спортивных и политических пристрастий, поделиться с читателями своим взглядом на самую большую провинцию страны – Квебек, познакомить с самым населенным городом этой провинции Монреалем, а также провести читателя по квебекской глубинке и соседним провинциям.

Достоинством книги является то, что это не научное исследование, а срез реальной современной жизни Канады с точки зрения ее жителя. В то же время, в книге, рисующей портрет Канады первых двадцати лет третьего тысячелетия, приведен и значительный объем информации как по недавним событиям и фактам, так и по истории и перспективам этой огромной страны.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, тех, кто по разным причинам интересуется Канадой.

Даже если у читателя до сих пор и не возникала мысль посетить страну кленового листа, входящую в список наиболее развитых государств мира, ему безусловно будет интересно узнать о ней больше. Тот же, кто уже планирует такую поездку, или по крайней мере размышляет о ее возможности, после прочтения книги психологически будет готов к встрече с Канадой в любом качестве: гостя, туриста, иммигранта, делового партнера!

Андрей Снегов

Предисловие

Моим родителям посвящаю

Приехал болгарин из Канады на родину погостить, с друзьями, родственниками пообщаться. Ну, и рассказывает: «Я в Канаде устроился хорошо. Собираю деньги на улицах – кто что уронил. Тем и живу. На квартиру хватает, машину вот купил... В общем, все отлично!» Послушал его приятель и тоже надумал в Канаду податься. Оформил документы, сел в самолет, и привет – только его и видели! Прилетел в Канаду, спускается по трапу, выходит в зал аэропорта. Оглядывается. Все в новинку, все интересно... Вдруг – р-раз! – а перед ним на полу лежит стодолларовая бумажка. Потерял кто-то. Поглядел он на это дело и громко, с возмущением говорит: «Ничего себе! Это что же такое, я здесь с первого дня работать должен?»

Вообще-то в этой шутке главный герой мог быть кем угодно – русским, поляком, греком, татаринном, румыном, китайцем. Болгарином он стал лишь потому, что тот, кто рассказал мне этот анекдот, сам был болгаринном. Я познакомился с ним в Монреале. Случилось это в 1999 году. К тому времени я уже шесть месяцев жил и работал в этом городе. Впрочем, следует сразу пояснить: приехал в Канаду я не как иммигрант, а по рабочей визе, и вышел на работу на следующий же день после приезда.

Мой новый знакомый, который до приезда в Канаду был профессором университета в Софии, теперь обладал статусом иммигранта. Примерно через месяц после прибытия он принялся за поиски работы. Искал не очень усердно – в течение следующего месяца разослал три или четыре резюме и откликнулся на первое же предложение, которое пришло с Prince Edward Island. Население острова, обладающего статусом провинции, специализируется на выращивании картофеля и поставках его в другие провинции Канады, а также на туристах, приезжающих на остров отдохнуть. Но все это летом. Зимой жизнь на острове замирает, его заносит снегом, и население большей частью впадает в спячку до следующего картофельно-туристического сезона. Вот в этот-то сонный период и оказался там мой болгарин.

Однако он получил приглашение не копать картошку, а работать чертежником на Автокаде в маленькой проектной фирме за деньги, смешные даже по квебекским меркам. Увидел я его вновь менее чем через год, следующим летом, опять в Монреале и услышал примерно следующее (образность выражений я по понятным причинам опускаю): «С меня хватит! Вот уже где мне ваша Канада со всей ее картошкой, Автокадом и прочими „прелестями“ здешней жизни! Я возвращаюсь домой!» И укатил в Софию, где его все еще ждала профессорская должность в университете.

А я остался – работать, жить, попутно пытаюсь понять, что это за страна такая – Канада. Правда ли, что так уж похожа она на Россию, как поется в известной песне российского барда Александра Городницкого:

«Над Канадой небо синее.
Меж берез дожди косые.
Так похоже на Россию.
Только все же не Россия!»

Едва приехав в Канаду, я тут же принялся засыпать письмами с описаниями здешней жизни семью и друзей, оставшихся в Москве. Около года исправно проводил за этим занятием почти все выходные. Процесс достаточно распространенный среди новопривывших, тем более

что наличие интернета и электронной почты делали его простым, быстрым и не лишенным занимательности.

Прошло время, острота восприятия притупилась, впечатления сгладились. То, что казалось необычным и удивительным вначале, приобрело оттенок повседневности и рутинности. Писать стало почти не о чем – все знакомо и все неинтересно. Перестали удивлять и даже привлекать внимание весьма экзотичные для нашего уха названия типа King's Highway или Queen's Street, которых даже в ориентирующемся на Францию Квебеке полно на каждом шагу, и которые поначалу вызывали неподдельный восторг (ибо, как известно, в России с монархией и со всеми ее атрибутами покончили еще сто лет назад). Уже привыкаешь к повсеместно чистым (и бесплатным) туалетам с обилием туалетной бумаги везде, даже в лесу (буквально!). То, что так изумляло поначалу, просто перестало быть заметным, и бурная река писем-описаний пересохла до скромного ручейка.

И все же окончательно она не исчезла. Дело в том, что по мере знакомства с людьми, обычаями, привычками, правилами и законами, наступал следующий этап понимания здешнего уклада жизни со всеми его особенностями, преимуществами и недостатками. На смену эмоциям приходили оценки. Домой летели теперь уже нечастые письма-рассуждения. Но и они основывались все так же на примерах из реальной жизни.

Кроме того, во время поездок домой, в Москву, встреч с родными, друзьями, родственниками у меня сложилось совершенно четкое убеждение: для большинства россиян Канада по-прежнему остается мифической страной. Чего ни коснись – людей, их привычек, образа жизни, деловых качеств, образования и взаимоотношений друг с другом и с государством – везде господствуют мифы! В них свято верил и я до тех пор, пока самому не довелось взглянуть на все глазами очевидца и непосредственного участника. Тогда и возникло желание обобщить накопленный за эти годы материал и написать цельную книгу, в которой отразились бы самые разные стороны жизни Канады, а точнее Квебека (что зачастую далеко не одно и то же). Причем с позиций не канадца, а русского человека, волею судьбы оказавшегося в этой далекой и «так похожей на Россию» стране.

Тот факт, насколько мало россияне знают о Канаде, получил неожиданное подтверждение со стороны одного из моих знакомых. В 2007 году в Новосибирске вышло первое издание этой книги. Естественно, что все мои друзья получили возможность оценить мой труд. И вот летом 2008 года в Монреаль приехал приятель одного из моих московских друзей. Приехал не в иммиграцию, а в качестве официального представителя одной из российских компаний, то есть на работу. В одну из наших первых встреч он неожиданно заявил: «Как же здешняя жизнь отличается от привычного нам уклада! Хорошо, что я прочитал сначала Вашу книгу, по крайней мере, был в какой-то степени готов к этому шоку, хотя при чтении казалось, что многое в ней преувеличено. Теперь же вижу, что никакого преувеличения нет!» Затем, помолчав, добавил: «Жаль только, что прочитал ее слишком поздно. Если бы она попала мне в руки до того, как я дал согласие работать в Канаде, то скажу честно – никогда бы не согласился приехать сюда!»

Не скажу, что читателю следует руководствоваться лишь мнением вышеупомянутого знакомого. Немало других моих соотечественников заявляли, что ничего лучше Канады они не знают. Поэтому полагаю, что читатели сумеют составить собственное мнение, прочитав мою книгу.

Как бы то ни было, при ее написании я не задавался целью непременно кого-то или что-то, так сказать, вывести на чистую воду или же, наоборот, приукрасить! Отнюдь! Я с удовольствием восхищаюсь тем, что того достойно, но и оцениваю все, что меня окружает, с позиций опыта, воспитания и знаний, полученных в другом обществе. Я пытался донести до читателя дух сегодняшней жизни страны, не претендуя на глобальные обобщения и прекрасно понимая, что сегодняшняя Канада – совсем не та, что была двадцать лет назад, и абсолютно не похожа

на ту, что будет находиться на этом месте еще через четверть века. Да даже сегодня, спустя всего десять с небольшим лет после выхода первого издания книги, многое из того, о чем в ней рассказывалось, может кому-то показаться несколько устаревшим. Более того, возможно некоторые мои первые впечатления двадцатилетней давности современному читателю покажутся наивными. Однако я полагаю, что именно взгляд в недалекую историю и ее сопоставление с днем сегодняшним поможет лучше понять эту страну, ее людей, дать материал для размышлений думающему читателю.

Насколько мне это удалось, судите сами.

У канадцев собственная гордость!

Что же такое Канада?

В первую очередь поражают размеры: занимая площадь почти в десять миллионов квадратных километров, страна является второй в мире по величине после России. В то же время население ее составляет 37 миллионов человек – в 1.8 раза меньше, чем в Великобритании или Франции! Берега Канады омываются водами сразу трех океанов: Атлантического, Тихого и Северного Ледовитого.

Самый большой город – Торонто (Toronto) – с населением чуть менее 3 миллионов человек (хотя в так называемом Greater Toronto Area живет почти шесть с половиной миллионов) находится в провинции Онтарио (Ontario), которая, однако сама не является крупнейшей по площади. Это почетное звание носит другая провинция, Квебек (Quebec), занимающая более полутора миллионов квадратных километров. Зато в Онтарио проживает наибольшее количество населения – более 14 миллионов человек, или почти две пятых всего населения страны.

Можно вспомнить также несколько рекордов Канады из разряда «самое-самое».

Например, на севере Квебека установлен самый большой и мощный в мире экспериментальный ветряной генератор Éole с вертикальной осью вращения. Генератор высотой 96 метров и диаметром ротора 64 метра был построен в 1984 году как совместный проект с США и находился в эксплуатации с 1987 по 1993 годы. За шесть лет турбина произвела 12 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Здесь следует упомянуть, что 98% электроэнергии в Квебеке получают из возобновляемых источников (вода, ветер и солнце), что позволяет ее стоимости для потребителей быть самой низкой не только в Канаде, но и во всей Северной Америке. К примеру, стоимость электроэнергии в Эдмонтоне (Канада, провинция Альберта) в два раза выше, чем в Монреале, а ее стоимость в Нью-Йорке и Бостоне (США) выше монреальской в 4,27 и в 4,42 раза, соответственно.

Éole – ветрогенератор с вертикальной осью вращения

В Торонто в 1976 году была построена на тот момент самая высокая в мире телевизионная башня (553 метра).

Самый старый университет Британского Содружества вне Британских островов был открыт в провинции Новая Шотландия, или Нова Скошия (Nova Scotia), кому как нравится, в 1789 году. Назывался он в то время Университетом Королевского Колледжа (University of King's College). Сейчас он носит название «Королевский Колледж» и входит в состав Университета Далхаузи (Dalhousie University) в Галифаксе (Halifax).

Кстати, сам город Галифакс печально знаменит тем, что в его порту во время Первой мировой войны, 6 декабря 1917 года, в результате взрыва, произошедшего от столкновения бельгийского вспомогательного судна и французского грузового корабля, перевозившего боеприпасы, оказалась полностью разрушенной часть города площадью в три квадратных километра. Из-за возникшего пожара в 50-тысячном городе погибли более полутора тысяч человек, девять тысяч получили ранения. Двести человек лишились зрения от разлетевшихся во все стороны осколков стекол. Столб огня от взрыва поднялся на высоту около мили, а стекла от ударной волны дрожали за сто километров от места катастрофы в городе Труро (Truro). Столь крупное бедствие осталось в истории как самый мощный «рукотворный» взрыв в «дохиросимский» период.

В ряду грандиозных «достижений» можно отметить самый большой гидроэлектрический комплекс в Северной Америке, построенный в районе залива Джеймса (James Bay). Возводить его начали в 1971 году и длилось строительство несколько десятилетий. По плану, при завершении строительства, девять рек должны были изменить направление и оказаться перегороженными плотиной, затопив таким образом территорию, равную Бельгии! Так это на самом деле или нет, сказать не могу, но сегодня любой желающий может отправиться в автомобильное путешествие на север от Монреаля, к берегам залива Джеймса, и примерно через 1400 километров оказаться в городке Рэдиссон (Radisson). То есть там, «где кончается дорога», как называют эти места их коренные жители. Основное население Рэдиссона составляют вахтовые рабочие, технический и инженерный персонал, обслуживающие более десятка мощных гидроэлектростанций, построенных в регионе. Постоянных жителей в Рэдиссоне всего около 300 человек. Любознательные же туристы могут поехать на экскурсии, организованные «Гидро Квебеком» (HydroQuebec), главной энергетической компанией провинции, в том числе на уникальную подземную электростанцию.

К слову, электроэнергия, вырабатываемая в Квебеке, является экспортным товаром и поставляется не только в соседнее Онтарио, но также и южному соседу Канады – США; ГидроКвебек – самая большая энергетическая компания страны, а стоимость электроэнергии для квебекских потребителей, как уже говорилось, самая низкая во всей Северной Америке.

Самое дорогое здание Канады – монреальский Олимпийский стадион. В начале его строительство оценивалось в 120 миллионов долларов и должно было быть завершено к летним Олимпийским играм 1976 года. На деле же стройка затянулась до 1983 года, а окончательная стоимость составила около трех миллиардов! Долги за эту «ударную стройку» выплачивались до середины 2000-х годов, то есть через 30 лет после Олимпийских игр!

Что же знают европейцы о Канаде?

Не так уж и много, по крайней мере, так было еще в начале этого века, то есть всего 15 лет назад. Даже для французов она оставалась загадкой, они практически ничего не знали о заокеанской стране, где тоже все еще говорят по-французски. Исследование по этому вопросу проводилось в преддверии планировавшейся выставки «Экспо 2004» в Париже. Кстати, саму выставку, в конце концов, отменили из-за отсутствия интереса к ней со стороны иностранных государств. Из 80 приглашенных стран откликнулись всего четыре!

Королевская Канадская Конная Полиция

Говоря о Канаде, французы не могли вспомнить даже замусоленные стереотипы вроде конного полицейского в шляпе «боливар», лосей, хоккея и индейцев. Для большинства из них Канада – это безграничные пейзажи (это вам не тесная Европа, смахивающая на перенаселенную коммуналку) и франкоязычные артисты: Люк Пламондон (Luc Plamondon), Селин Дион (Celine Dion), Гару (Garou), Изабель Буле (Isabele Boulet), Феликс Леклерк (Felix Leclerc). Кто-то из опрошенных вспомнил Пьера Трюдо (Pierre Trudeau). Практически никто не назвал англоязычных канадцев, хотя «проскочили» Нейл Янг (Neil Yang) и Дональд Сазерленд (Donald Sutherland), но почему-то упустили Леонарда Коэна (Leonard Cohen). Вопросы по географии и экономике, о техническом прогрессе и значении Канады в мире вызывали у французов странную реакцию. Один из опрошенных так и сказал: «Канада – загадочная страна». Часто Канаду путали с Квебеком, заменяя одно другим: при упоминании о Канаде французы начинали говорить о Квебеке и его жителях, а англоговорящих канадцев регулярно «отправляли» жить в США.

И все же социологи считают, что жители Канады в чем-то больше напоминают американцев, а в чем-то – европейцев. Как свидетельствуют результаты опросов, проведенных в Канаде, большинство жителей страны придерживаются американского подхода к бизнесу. Однако в социальных вопросах, культуре и искусстве они больше следуют европейским традициям. Иными словами, ориентация на США уступает таковой на Европу: лишь 13% опрошенных выразили желание, чтобы Канада больше походила на Штаты, в то время как 16% выступают за то, чтобы их страна была ближе к Европе. И все же абсолютное большинство – 67% – посчитало, что Канада должна идти своим путем. «У канадцев собственная гордость!» Для этого имеются все предпосылки, особенно уникальные природные ресурсы, огромные запасы древесины и полезных ископаемых. К примеру, Канада находится на третьем месте по добыче алмазов (15% мирового объема) после Ботсваны и России, опережая ЮАР.

Впрочем, дело не только в экономике, но и в уровне исторического и культурного развития страны, но об этом у иностранцев имеются весьма смутные представления. Особенно что касается Квебека. И это несмотря на то, что сами квебекуа, при каждом удобном случае под-

черкивающие свою близость к Франции и французам, стремятся быть бóльшими французами, чем сами жители европейской страны. Чего стоит один только пример с дорожными знаками: если в самой Франции на стоп-знаках написано общепринятое и понятное всем «STOP», то в Квебеке на них красуется краткое французское «ARRÊT»!

Хотя, если говорить серьезно, то квебекский французский язык заметно отличается от классического французского – и в произношении, и в выстраивании фраз, и в употреблении отдельных слов. Забавная история произошла с одним моим знакомым, студентом из Франции, когда он только-только приехал в Монреаль. В один из первых дней пребывания здесь к нему на улице с каким-то вопросом обратился прохожий, судя по всему, местный житель. Обратился, естественно, по-французски, однако Пьер (так звали студента), земляк Бальзака, обоих Дюма, Гюго и Руссо, несмотря на столь солидную культурную поддержку, не разобрал, увы, ни слова. Увидев, что его не понимают, прохожий повторил вопрос, с тем же успехом. Безрезультатно задав вопрос в третий раз, прохожий, наконец, потерял терпение и несколько раздраженно перешел на другой язык: «Ну, хоть по-английски ты говоришь?» «Да!» – обрадовался мой знакомый. Так коренной квебекуа, потомок французских переселенцев, и урожденный француз нашли в Монреале общий язык – английский!

На самом деле, и английский, и французский вряд ли могут претендовать на роли исторических языков страны, поскольку задолго до прихода на континент европейских переселенцев местные индейцы вполне обходились без них. Более того, само название страны пришло не из Старого Света, а родилось именно здесь – на берегах реки Святого Лаврентия. Легенда рассказывает, что в один прекрасный день, когда французский путешественник и мореплаватель Жак Картье (Jacques Cartier) плыл вглубь континента, моряки заметили на берегу группу туземцев, приветливо махавших руками и что-то кричавших на незнакомом языке. Прислушавшись, пришельцы разобрали: «Каната! Каната!» Наверное, так называется эта страна, мудро решили они и столь же приветливо помахали в ответ. Первый контакт был установлен! Лишь значительно позже выяснилось, что на языке одного из местных племен слово «каната» означает всего лишь «группа хижин, селение» – гостеприимные индейцы пытались тем самым позвать в дом гостей! Таким образом, страна и получила свое название, трансформировавшись из «Канаты» в «Канаду».

Но помимо имени, у Канады имеется кое-что еще, что знакомо почти каждому жителю планеты Земля. Это знаменитый Кленовый Лист — канадский флаг, узнаваемый во всех странах и на всех континентах. Он красуется повсюду – от форменных свитеров канадской сборной по хоккею до уникального космического манипулятора, установленного на Международной космической станции!

Канадский лист в Ниагарском парке

Вообще-то, я не собирался писать исторических обзоров – пусть этим занимаются профессиональные историки. Однако по мере работы над книгой я понял, что нельзя рассказать о стране, нравах, привычках ее жителей и их жизненном укладе, не вспоминая о прошлом и не знакомя читателей с историческими событиями, предопределившими облик современной Канады. Ну и, кроме того, в истории каждого государства столько любопытного, что читателю, надеюсь, будет небезынтересно открыть для себя что-то новое.

Итак, Кленовый Лист... Он так хорошо знаком людям во всех уголках планеты, что кажется, будто существует вечно! Тем не менее, это далеко не так. Более того, современному канадскому флагу всего-то чуть больше 50 лет!

На первом канадском флаге был изображен крест Святого Георгия. Появился он благодаря находившемуся на английской службе итальянскому мореплавателю Джону (Джованни) Каботу (John (Giovanni) Cabot), высадившемуся на восточном берегу Канады в 1497 году. Позже, в 1534 году француз Жак Картье объявил о присоединении страны к Франции, и символом Канады почти до конца XVIII века была лилия (об этом цветке расскажу чуть позже). В 1763 году, в соответствии с Парижским договором, Канада вновь отошла к Британии и с того момента стала использовать флаг Соединенного Королевства вплоть до выбора собственного.

Государственная независимость Канады была провозглашена 1 июля 1867 года (сейчас 1 июля – День независимости, национальный праздник). Называлась страна Доминион Канада (Dominion of Canada) и включала в себя провинции Нью Брансуик (New Brunswick), Новая Шотландия (Nova Scotia), Верхняя Канада (Upper Canada) и Нижняя Канада (Lower Canada). Любопытно, что если смотреть на карту, то Верхняя Канада находится ниже, включая в себя основные территории современной провинции Онтарио, а Нижняя Канада, наоборот, выше, на территории современного Квебека. В то время флаг новой страны назывался Союзный Флаг (Union Jack) – поначалу Канада снова приняла британский национальный флаг, который символизировал ее связь с Великобританией. Именно под этим флагом в годы Первой мировой войны канадские солдаты сражались на фронтах в Европе.

В 1921 году английский король Георг V пожаловал Канаде новый собственный государственный герб, включавший в себя официальные цвета – красный и белый, которые на протяжении сотен лет ассоциировались с Францией и Англией. Поначалу, еще в XII веке рыцари Франции изображали на своих эмблемах красный крест, а англичане – белый. Позднее все перевернулось, и французские короли избрали белый цвет для королевского флага, а английский король для своего выбрал красный. Той же Королевской прокламацией 1921 года, которой доминиону было разрешено использовать красный и белый цвета, было предоставлено право и на военную эмблему. Новый герб добавили к английскому торговому флагу (Red Ensign), к тому времени ставшему также канадским морским флагом, под которым канадцы воевали во Второй мировой войне. В конце войны, в 1945 году, Парламент Канады одобрил этот флаг для государственных зданий, но только временно, до тех пор, пока у страны не появится свой собственный флаг. В то время Union Jack и Red Ensign развевались рядом.

После окончания Второй мировой войны снова встал вопрос о том, чтобы обзавестись, наконец, собственным, уникальным флагом, который представлял бы именно Канаду, а не Британскую империю. Национальные дебаты по этому вопросу достигли своего пика в 1963—1964 годах, незадолго до празднования Канадой своего 100-летия (1967 год). В 1964 году, когда до юбилейной даты оставалось три года, тогдашний канадский премьер-министр Лестер Пирсон (Lester Pearson) (кстати, его имя носит сейчас Международный аэропорт в Торонто) окончательно и бесповоротно решил, что откладывать дольше нельзя и дал старт официальной кампании. Пирсон организовал Флаговый комитет из 15 членов парламента, представлявших в палате общин пять различных политических партий. Задачей этого комитета было найти такой дизайн флага, который, в первую очередь, представлял бы Канаду, а также был поддержан всеми канадцами. Комитет обратился не только к специалистам по геральдике, но и выступил с призывом ко всем канадцам присылать свои предложения.

Начался настоящий бум! Сотни, тысячи людей отправляли свои идеи. Было прислано более трех с половиной тысяч предложений. Помещения комитета чуть ли не до потолка были завалены мешками с корреспонденцией. Не только люди, жившие в Канаде, но и канадцы со всего мира присылали рисунки, коллажи, фотографии и наброски на бумаге, салфетках, картонках. В посылках были целые флаги, сшитые из ткани, и даже одна 100-килограммовая модель флага, украшенная множеством мигающих лампочек.

Самой излюбленной оказалась тема кленового листа, она была предложена 2136 отправителями. 408 проектов взяли за основу Юнион Джек, 389 идей включали в себя изображение бобра, 359 предлагали использовать французскую лилию. Некоторые проекты были выполнены из двенадцати листиков разных цветов, символизировавших каждую провинцию или территорию. Среди других изображений преобладали бобры, конный полицейский, разнообразные религиозные знаки, бизон, а также, как считалось, менее типичные символы – кролики, орлы, канадские гуси и даже хоккейные клюшки. Хотя последние, на мой взгляд, очень даже типичны в качестве канадского символа. Многие авторы дополняли проекты стихами, песнями и целыми сочинениями, написанными в поддержку своих идей. По сей день все это историческое богатство (от простого карандашного наброска до профессионально выполненного живописного произведения) хранится в Национальном архиве Канады как важная часть ее исторического и культурного наследия.

В течение нескольких недель Флаговый комитет вел кропотливую работу, рассматривая проекты и выслушивая советы экспертов. Было решено выделить три основных направления, соответственно разделив проекты на три группы. В первую группу вошли вариации на тему Red Ensign и других исторически сложившихся символов, вроде французской лилии (fleur-de-lis). Вторая группа включала флаги с многолистными (не менее трех) изображениями кленовых листьев. Третья – состояла из флагов с одним кленовым листом, причем самых разных цветов, с бордюром, без него и так далее.

В самый последний момент в комитет поступило предложение от историка Джорджа Стэнли (George Stanley), профессора Королевского Военного Колледжа Канады (Royal Military College of Canada) в Кингстоне. Его идея флага для Канады основывалась на флаге колледжа, в котором имелось три вертикальные полосы – красные по бокам и белая между ними, и герб колледжа в середине. В проекте Стэнли в центре белого поля размещался кленовый лист того же красного цвета, что и боковые полосы, и такое сочетание цветов было ясно видно издали. Предлагая свой проект, Стэнли писал, что «крайне нежелательно создавать флаг, который включал бы в себя Юнион Джек или цветок лилии», а также, что флаг «должен избегать использования национальных или расистских символов, которые разделяют людей».

Когда же, наконец, многопартийный комитет проголосовал, к немалому удивлению его членов оказалось, что большинством голосов была выбрана одна и та же категория – одиночный кленовый лист! Тогда комитет представил проект на рассмотрение Парламента, и теперь уже пришлось попотеть народным избранникам. Дискуссии в зале заседаний длились пятнадцать дней, и это были одни из самых длинных дебатов в истории Канадского парламента!

Премьер-министр в своем выступлении призвал парламентариев выбрать такой флаг, который нельзя было бы спутать ни с каким другим. Впрочем, свои предпочтения он не скрывал – ему самому нравился дизайн с тремя листочками. Лидер же оппозиции выступал за Red Ensign, подкрепляя свои доводы ссылками на историческую связь Канады с Великобританией. На забитых до отказа публичных галереях в парламенте народ тоже волновался и активно сопереживал.

Но вот, наконец, в третьем часу ночи 15 декабря 1964 года дебаты завершились, и сразу было проведено голосование. Когда же огласили результаты, депутаты и зрители встретили их криками «Ура!», аплодисментами, а также хлопаньем крышек столов – традиционным способом выражения горячего одобрения: Кленовый Лист получил подавляющее большинство голосов! Именно этот день считается общегосударственным праздником – «Днем канадского флага» (Canada's Flag Day).

Через три дня Сенат направил предложение Королеве Великобритании (и Канады), и 31 декабря 1964 года Елизавета II дала свое высочайшее одобрение. Наконец, официально, после почти столетней истории над Канадой развевался собственный флаг!

Как оказалось, создание государственного флага невозможно без научного подхода. Причиной того, что канадский флаг настолько узнаваем и признан во всем мире, послужил его великолепно продуманный дизайн, который явился результатом большой работы, проделанной экспертами-дизайнерами, взявшимися за дело, едва был утвержден эскиз проекта. Как только этот проект был одобрен парламентом, член Флагового комитета Джон Мэтесон (John Matheson) продолжил его разработку. Он поработал над формой листа. В Канаде растет несколько десятков видов кленов, и Джон Мэтесон выбрал наиболее узнаваемую для всех канадцев форму – лист сахарного клена (Sugar Maple), из которого получают знаменитый канадский кленовый сироп. Однако лист этого клена имеет 23 конца, а на флаге изображено только одиннадцать – это стилизованное изображение было разработано художником Жаком Сен-Сир (Jacques Saint-Cyr). Причина разночтения проста: разработчики флага протестировали несколько его моделей в аэродинамической трубе Национальной научно-исследовательской лаборатории в Оттаве, чтобы оценить, как флаг будет выглядеть, развеваясь на ветру. В процессе тестирования выяснилось, что одиннадцатиконечный лист смотрелся визуально наименее расплывчато!

Впервые свой новый государственный флаг канадцы смогли увидеть 15 февраля 1965 года. Холодным и облачным, а затем и снежным, днем на Парламентском Холме в Оттаве народ стал собираться уже с раннего утра. К полудню собрались более 15 тысяч взрослых и детей. Хор школьников исполнил гимн «О, Канада!», генерал-губернатор и премьер-министр

произнесли торжественные речи, и в небо Канады взметнулся новый государственный флаг. Теперь тот самый стяг хранится в кабинете премьер-министра Канады.

Таким образом, Канада обрела свой оригинальный флаг. Однако на территории страны остался и древний символ французской монархии – цветок лилии. Украшает он теперь флаг франкоязычной провинции государства – Квебека, о которой далее и пойдет речь.

«Квебек» в переводе с одного из индейских языков означает «Там, где сужается река». Впервые это название было использовано французскими поселенцами для обозначения места, где впоследствии вырос город, а ныне столица провинции, которая до 1763 года носила название Новая Франция, а уже английские поселенцы переименовали ее в Квебек.

У Квебека есть свой праздник независимости – День Жана Батиста (Jean Baptiste), где за красивым иностранным именем скрывается хорошо знакомый нам Иоанн Креститель. Впервые костры в честь святого в Квебеке зажглись в 1638 году. Этот языческий обычай был привезен в Северную Америку первыми жителями Новой Франции, а древний языческий герой, воин Хлодвиг, стал основоположником французской символики. В 496 году от Рождества Христова он отправился в Реймс и со всеми своими воинами-франками, их женами и детьми принял святое крещение. По преданию, Хлодвиг получил от ангела ветвь лилий, которая помогла ему одержать победу над врагами, и благодаря которой он и решил принять христианство.

В XII столетии Людовиг VII, отправляясь во Второй крестовый поход, избрал лилию своей эмблемой. Причинами такого выбора стало, во-первых, созвучие названия цветка («лои») с его именем – Луи, а во-вторых, память о том, что король Хлодвиг именно с помощью лилии одолел врагов христианства. Кроме того, лилии должны были напоминать воинам геройский подвиг короля, изгнавшего из своей страны римлян и ставшего основателем французской монархии. Именно тогда впервые появилось белое знамя с тремя золотыми лилиями, которое впоследствии стало эмблемой королевской власти и преданности папскому престолу.

Спустя много лет Людовиг XI Святой изобразил лилию на своем гербе. Однако, как истинный француз, не удержался и присоединил к ней маргаритку в память о любимой жене Маргарите. Но уже наследник Людовика XII, Филипп III Смелый, устранил все излишества и стал первым французским королем, печать которого состояла просто из трех лилий.

За свою многовековую историю лилии пришлось пережить и тяжелые времена: при Великой Французской республике 1793 года якобинское правительство старалось всячески унижить эмблему королевской власти и приказало клеймить изображением лилии каторжников (читатель наверняка помнит образ миледи с клеймом лилии на плече из знаменитого романа Дюма «Три мушкетера»).

Тем временем в Квебеке лилии сопутствовала более счастливая судьба. 24 июня 1834 года, в День Святого, журналист Людже Дюверней (Ludger Duvernay) основал Общество Иоанна Крестителя, считавшегося покровителем франко-канадцев, и объявил этот день праздником, желая простимулировать национальный дух соотечественников. Это ему удалось, и с 1922 года этот день стал официальным праздником. С того же времени начались ежегодные парады в честь святого. В 1977 году по предложению премьер-министра провинции Рене Левека (René Lévesque) Национальная ассамблея Квебека утвердила 24 июня национальным праздником. Французская же лилия заняла достойное место на сине-белом флаге провинции.

Что же касается других атрибутов государственной символики, то здесь будет уместно добавить, что, несмотря на фактическую независимость Канады, главой государства формально является английская королева. Ее профиль отчеканен на канадских монетах и напечатан на канадских банкнотах. Вот уже четыре столетия королеву в Канаде представляет генерал-губернатор (Governor General of Canada) и в ее отсутствие осуществляет верховную власть: подписывает законы, распускает парламент и назначает выборы, а также представляет страну

в поездках за рубеж. В свое время на этой высокой должности находился этнический украинец Рэй Гнатишин (Ramon John Hnatyshyn). Первоначально, правда, обсуждали кандидатуру бывшего посла Канады в ООН графа Джорджа Игнатьева, но, с учетом того, что в разгаре была холодная война, посчитали, что это будет выглядеть слишком вызывающе, и остановили выбор на Гнатишине. Что интересно, 26-м по счету генерал-губернатором стала китаянка, приехавшая в свое время в страну в качестве беженки. С октября 2017 года пост генерал-губернатора занимает Жюли Пайет (Julie Payette), бывшая астронавт.

Еще в 1973 году правительством Пьера Трюдо была предпринята попытка отмены монархического строя в стране и замены его монархической республикой. «Революция» планировалась мирной, так сказать «бархатной», а посему ни к каким практическим результатам не привела. Хотя королева и отнеслась к поступившим из Оттавы предложениям серьезно, и даже согласилась принять некоторые из них, однако план введения президентского поста отклонила. Трюдо, будучи опытным политиком, вовремя осознал, что его настойчивость может привести к печальным для него и его кабинета последствиям, и спустил инициативу на тормозах.

Тем не менее, постепенно на некоторых денежных купюрах портрет английской королевы заменили портретами канадских политических деятелей. Но о полной отмене монархии речь все же не идет.

Что пока не подвергается опасности упразднения, так это институт «придворных поэтов». В Канаде существует должность парламентского поэта (Canadian Parliamentary Poet Laureate), так же, как и в Англии и США. Должность была учреждена в 2001 году с целью пропаганды литературы, культуры и языкознания в канадском обществе, а занимать ее может только человек, являющийся постоянным жителем или гражданином Канады, имеющий поэтические награды, множество публикаций, в том числе с канадской тематикой, а также опыт работы с начинающими авторами. Зарплата поэта составляет 20 тысяч долларов в год, к тому же предусмотрены различные пособия и компенсации, которые в сумме могут достигать еще 13 тысяч в год, не считая административных трат. Утверждают же поэта совместно спикеры Сената и палаты общин. С января 2018 года эту должность занимает квебекская поэтесса Жоржетт Леблан (Georgette LeBlanc).

Итак, Монреаль...

Итак, я оказался в Монреале. Этот мой визит в Канаду не был первым. За год до того, в мае 1998 года, я уже приезжал в Торонто, где проходила научная конференция по близкой мне тематике. Но тогда был десятидневный визит, а теперь я приехал на работу, которая должна была продлиться без малого четыре года.

Гостеприимные хозяева поселили меня в так называемый «Bed and Breakfast» – домашнюю гостиницу, полностью отвечающую своему названию и предоставляющую постояльцам кров и завтрак каждое утро. Таких гостиниц по Монреалю и всей Канаде пруд пруди. Располагаются они в частных домах, хозяева которых решили заняться гостиничным бизнесом и приспособили для этого свои собственные апартаменты. Очень часто это пожилая пара, дети которой выросли и живут самостоятельной жизнью отдельно от родителей, поэтому большой дом становится слишком велик для хозяев. Велик и обременителен с точки зрения налогов. Гостиницы же в таких домах получаются весьма уютными, здесь гость чувствует себя не постояльцем, а родственником, приехавшим навестить дядюшку и тетюшку.

Завтрак мне понравился: апельсиновый сок, кофе, различные хлопья с молоком, круассаны и кексы, арахисовое масло, джем, вареное яйцо, фруктовый салат. В качестве фруктового салата выступали банан, одну половину которого хозяйка порезала дольками на всех постояльцев, а вторую убрала до следующего завтрака, а также ломтик яблока и долька апельсина.

На следующее утро завтрак мне снова понравился. Апельсиновый сок, кофе, различные хлопья с молоком, круассаны и кексы, арахисовое масло, джем, вареное яйцо, фруктовый салат.

И еще через день. И на четвертый. И на пятый...

Сок... кофе... хлопья... кексы... масло... яйцо... долька...

В один из дней за столом объявился новый постоялец – канадец, художник, кажется, из Альберты. Он доверительно сообщил: «Я езжу сюда уже двадцать лет. Останавливаюсь в Монреале всегда в этом доме. Уютное местечко! Но представь себе: завтрак – все тот же!»

На восьмой день подобной кормежки я уже с трудом дожидался благословенного момента, когда смогу, наконец, покинуть сей гостеприимный дом.

В первые дни пребывания в Монреале мне пришлось заниматься одновременно несколькими вещами: знакомиться с лабораторией и коллегами, втягиваться в свой проект, искать жилье. Не считая множества «мелких» задач, вроде открытия банковского счета, получения медицинской страховки, приобретения кухонно-бытовой утвари. Ну, и главное – получение первых и, возможно, самых ярких впечатлений о городе.

Для начала статистика: в 2018 году число жителей Большого Монреаля (что это такое я расскажу чуть ниже) превысило два миллиона человек, при том, что во всем Квебеке численность населения составило около восьми с половиной миллионов. И небольшая историческая справка. Впервые на землю будущего Монреаля ступил в 1535 году известный французский мореплаватель Жак Картье, который, как читатель уже знает, считается «крестным отцом» не только города, но и всей Канады. Правда, первые европейцы появились на землях Канады задолго до путешествий Христофора Колумба, Америго Веспуччи и Жака Картье. В 1963 году археологи сделали удивительное открытие: на острове Ньюфаундленд (Newfoundland) они обнаружили становище викингов – явное доказательство того, что европейцы посещали Америку и жили здесь задолго до плавания упомянутых первооткрывателей. Остатки жилищ и предметы быта свидетельствовали о том, что люди провели здесь несколько лет, причем не только мужчины, но и женщины. А, как известно, на кораблях Колумба женщин не было.

Таким образом, именно викинги – древние скандинавы, населявшие территорию современных Норвегии, Швеции и Дании – стали первыми европейскими поселенцами в Канаде. На Руси викингов звали варягами, в Западной Европе – норманнами (от слова «норсман» –

северный человек, поскольку в Западную Европу их корабли приплывали с севера и туда же уплывали). Расцвет их деятельности составил около трех веков – примерно с 800 по 1100 годы. Именно тогда они плавали вокруг Европы, проникали в Средиземное море, открыли Исландию и Гренландию, основав там поселения. Возле берегов будущей Канады цветные прямоугольные паруса викингов появились около 1000 года. Поселились отважные путешественники на Ньюфаундленде. Однако местные индейцы без восторга отнеслись к прибытию европейских странников, и постоянные стычки с ними стали угрозой полного истребления малочисленных пришельцев. Вскоре последние приняли единственно возможное решение – навсегда покинуть негостеприимный остров.

Казалось, путь сюда был забыт, однако на самом деле европейцы продолжали навещать эти края. Так, примерно в 1474—1476 годах король Португалии Альфонс V Африканский отправил одну за другой две экспедиции на поиски западного пути в Индию. Первая экспедиция, возглавляемая двумя норвежскими капитанами, Дидриком Пайнингом и Гансом Пофорстом, благополучно достигла Ньюфаундленда и Лабрадора. Вторая также добралась до американского континента, который, правда, в те времена американским еще не был. Кстати, историки утверждают, что во второй экспедиции принимал участие и Христофор Колумб, и именно это путешествие натолкнуло его на мысль о том, что в поисках пути в Индию следует спускаться по океану южнее. Что он впоследствии и попытался воплотить в жизнь.

И раз уж мы заговорили об открытии Америки (а, следовательно, и Канады), то упомяну здесь любопытную версию, изложенную современным российским писателем А. Бушковым в его книге «Россия, которой не было». В ней автор утверждает, что вторую экспедицию Джона Кабота за океан финансировали английские торговцы из Бристоля, и самый крупный вклад был сделан купцом и по совместительству таможенным начальником, неким Ричардом. Фамилия же этого Ричарда была Америк! Соответственно Кабот и назвал новооткрытые земли по имени самого щедрого спонсора! Америго Веспуччи же побывал в Америке уже после Кабота, в качестве рядового члена совместной экспедиции двух капитанов – Христофора Колумба и Алонсо де Охеды. Причем Бушков приводит цитату из книги польского историка Мартина Бельского «Хроники всего света», опубликованной еще в 1554 году: «Амьерикус (Веспуччи) прозван именем от великого острова Америка».

Читатель волен решать сам, нравится ли ему данная версия, и где здесь причина, а где следствие. А Джованни Каботу стараниями итальянской общины в Монреале воздвигнут памятник. Думаю, это справедливо, ведь в случае, если версия Бушкова верна, выходит, что Америка начинается с Канады!

Но вернемся к более поздней истории Канады и, в частности, Монреаля.

Основал город Поль де Шомеди де Мэзоне (Paul de Chomedey de Maisonneuve), прибывший в эти места 17 мая 1642 года во главе отряда колонистов из города Квебека. Они построили форт Виль-Мари (Ville-Marie), названный так в честь Девы Марии, а господствующему над местностью холму дали громкое название «Королевская Гора» (Mont Royal). По имени горы впоследствии назвали и выросший рядом город. Однако произношение названия города – Монреаль (Montréal) – было принято из-за Венецианской карты 1556 года, где использовалось итальянское написание названия горы «Monte Real».

Королевская Гора

Кстати, именно в Монреале сосредоточено большинство домов XVII, XVIII и XIX веков, имеющих во всей Северной Америке. Впрочем, и до прибытия поселенцев местность отнюдь не пустовала. На острове (а Монреаль – это остров на реке Святого Лаврентия) располагалась деревня Хошеллага (Hochelaga) – «столица» индейских племен алгонкин, гуронов и ирокезов, с детства знакомых многим поколениям читателей по романам Фенимора Купера. Сейчас о тех временах напоминает название улицы Хошеллага в восточной части города, станция метро Вилла-Мария к юго-западу от горы и площадь Виль-Мари с торгово-офисным центром в даунтауне.

До середины XIX века Монреаль был столицей всей Канады. В тридцатых годах девятнадцатого столетия территории Нижней и Верхней Канады охватили сильные народные волнения. Наиболее мощными они были в Нижней Канаде, большую часть которой занимала провинция Квебек. Основной причиной конфликтов явились противоречия между франкоязычным большинством провинции и англоязычным меньшинством. Французы, имея преимущество в выборных органах власти, требовали передачи им большего числа властных полномочий, которыми английские власти делиться отнюдь не спешили. В то же время приток иммигрантов из Британии привел к тому, что в двух крупнейших городах Нижней Канады, Монреале и Квебек-сити, количество англоязычных граждан стало преобладать. На территории Верхней Канады (нынешняя провинция Онтарио) выступления оказались не такими мощными, хотя бы уже в силу того, что франкоговорящее население было там не столь многочисленно, как в Нижней Канаде.

Как бы то ни было, в Нижней Канаде выступления франкофонов вылились в настоящее восстание. Одним из его руководителей стал лидер националистического движения Луи-Жозеф Папино (Louis-Joseph Papineau), чьим именем сейчас названа одна из улиц во французской части Монреаля. Восстание, получившее название «восстание Патриотов», было подавлено властями, на чьей стороне, разумеется, выступили регулярные войска, подчиняющиеся Британской короне.

Однако восстание 1837 года стало лишь прелюдией к дальнейшим событиям, в результате которых Монреаль потерял свой столичный статус. Весной 1849 года, то есть почти двенадцать лет спустя, правящее либеральное правительство внесло в Парламент законопроект, согласно которому должны были быть выплачены убытки, понесенные некоторыми жителями

франко-канадской части провинции во время восстания Патриотов (общая сумма достигала ста тысяч фунтов). Возмущение этим законом, подписанным генерал-губернатором, захлестнуло Монреаль, большинство населения которого составляли консерваторы-лоялисты, то есть приверженцы английского правления. Как сформулировали свою мысль представители консерваторов, этот билль является «революционной мерой, беспрецедентной в истории цивилизованных наций, по которой победившие защитники трона должны будут платить проигравшим восставшим».

Тем не менее, закон был принят депутатами, что дало толчок восстанию взбунтовавшихся горожан, которые приступом взяли здание Парламента, круша все на своем пути. Число бунтовщиков достигало полутора тысяч человек, а в их первых рядах находился известный горожанин Альфред Перри, занимавший в то время должность начальника пожарной службы города. Как бы в насмешку во время штурма начался пожар, и деревянное здание Парламента выгорело дотла. Следует отметить, что подчиненные главного пожарного Монреаля отказались идти за своим боссом и пытались бороться с огнем, хоть и безуспешно: пожарные шланги были перерезаны, а подходы к зданию перегорожены баррикадами.

Спустя четыре месяца, когда волнения поутихли, арестовали подозреваемых в поджоге Парламента, и горожане вновь вышли на улицы. Арестантов отпустили на поруки, но толпу уже было не остановить – она направилась к дому генерального прокурора Луи-Ипполита Лафонтена (Louis-Hippolyte LaFontaine), который представлял злополучный закон для обсуждения в Парламенте. Произошел самый настоящий штурм здания, и лишь успевшие придти на помощь военные спасли прокурора от возможной гибели. В городе снова начались погромы и поджоги зданий. Потребовалось немало времени и усилий, чтобы страсти улеглись.

Узнав о новых волнениях в Монреале, королева Виктория лишила мятежный Монреаль статуса канадской столицы. Было принято решение попеременно назначать столицей то английский Торонто, то французский Квебек. Однако спустя еще восемь лет власть приняла окончательное решение и столицей Канады стала Оттава. А Монреаль и поныне является крупнейшим городом франкоязычной провинции Квебек.

Между прочим, Монреаль (Большой Монреаль) – не совсем город в нашем, российском, понимании, а набор нескольких городов. Самый большой из них тоже называется Монреаль (Montreal). Кроме него имеются Вестмаунт (Westmount), Отремон (Outremont), Анжу (Anjou), Мон Роял (Mont Royal), Монреаль-Норд (Montreal-Nord), Сен-Лоран (St-Laurent), Вердан (Verdun), Ласаль (Lasalle) и другие. Всего около трех десятков. Как уже упоминалось, все они расположены на большом острове посреди реки Сен-Лоран (St-Laurent) и фактически составляют один большой мегаполис («Сен-Лоран» – если произносить по-английски или по-французски, в переводе на русский это «Святой Лаврентий»). Далее в книге я в основном использую краткую версию, но иногда для большей красочности упоминаю и полное русское название). В России это были бы районы одного большого города, но здесь еще пару десятков лет назад они были независимыми городами и объединялись в Большой Монреаль лишь неформально. У каждого был свой муниципалитет, свои законы. Городская улица могла пересекать границу двух городов и в каждом из них иметь свое название. Причем в некоторых случаях улицы выходили из одного города, проходили по другому и опять возвращались в первый. В результате два ее отрезка носили одно имя, а вырезанная середина – другое. Или, наоборот, в разных городах на острове имелись свои улицы с одним и тем же названием. Собственно, как и в России, где почти в каждом городе непременно имелась какая-нибудь улица Строителей, аллея Революционная, проспект Героев, а кое-где до сих пор еще улицы Маркса или Ленина. Поэтому неудивительно, что в Большом Монреале вы и сейчас можете найти, к примеру, целых четыре Лесных улицы (Forest), семь улиц Кардинал (Cardinal), шесть – Девон (Devon), четыре –

Сан-Антуана (St-Antoine) и так далее. Я уже не говорю о десяти Первых и Шестых авеню и бесчисленном количестве Десятых, Двадцатых и Шестидесят пятых улиц!

Но главная проблема была в том, что обеспеченные люди, проживавшие в богатых и престижных районах, платили налоги исключительно своему городу. Города же со скудным бюджетом и менее состоятельными гражданами продолжали беднеть. Чтобы разорвать этот замкнутый круг, на рубеже XX и XXI веков все города, находящиеся на острове, были формально объединены в Большой Монреаль с одним общим муниципалитетом. Так, как это было сделано в Торонто за несколько лет до того. Впрочем, местные органы власти сохранились и на прежнем уровне, только города теперь стали называться округами (borough). Должен сказать, что далеко не всем пришлось это по душе. Большому количеству жителей куда милее и ближе привычные городки, где так легко ощущать себя своим в родной деревне! И вот весной 2003 года прошли очередные выборы в Квебеке. К вождельной и желанной власти припали новые жаждущие с новыми лозунгами и обещаниями, и кругом во весь голос заговорили об обратном разделении Большого Монреаля на старые добрые города. В общем, назад в будущее... Хотя, надо признать, были и здравомыслящие люди, утверждавшие, в частности, что только за два года, прошедшие после объединения, на одних налогах в казну Большой Монреаль сэкономил 250 миллионов долларов по сравнению с тем, что заплатили бы города порознь.

Тем не менее, многие муниципалитеты все же вернули милый своему сердцу статус независимых городов. На сегодняшний день Большой Монреаль включает в себя 16 объединенных округов (на которые были поделены 13 из 28 муниципалитетов после слияния) и 16 муниципалитетов, вернувших себе независимый статус в 2006 году. Но в целом жители привычно считают островной мегаполис единым городом, и все островитяне носят гордое имя монреальцев! Кстати, даже вновь ставшие независимыми муниципалитеты все же были лишены части своей власти. К примеру, полиция, пожарная служба и дорожные работы остались в ведении Большого Монреаля. Между прочим, Монреаль – самый большой двуязычный город на Североамериканском континенте и второй по величине в мире франкоговорящий город (после Парижа, разумеется).

Само собой в Монреале есть свой аэропорт. До недавнего времени он назывался Дорваль (Dorval), теперь это аэропорт имени Трюдо, и находится он прямо на острове, на территории города-округа Дорваль. Естественно, поскольку размещался аэропорт почти посреди города, и ему там стало тесно, назрела необходимость постройки нового большого аэропорта. Да и монреальцы постоянно жаловались на шум от пролетающих над крышами домов реактивных самолетов. И вот в семидесятых годах под лозунгами увеличения пропускной способности, наращивания пассажиропотока и улучшения качества обслуживания развернулось строительство нового большого аэропорта в нескольких десятках километров от Монреаля, между этим крупнейшим городом Квебека и Оттавой, столицей Канады. Новый аэропорт смог бы обслуживать сразу два города!

Под проект национализировали большое количество плодородных земель. Для связи с аэровокзалом запланировали проложить линию скоростной железной дороги. Все с нетерпением ждали окончания строительства.

И вот аэропорт готов! Большой, светлый, удобный, современный. И, естественно, дорогой. Ну, это понятно – подобное строительство дешевым быть не может! Но, как говорится, овчинка стоит выделки. И название свое имеется – Мирабель. Казалось бы, цель достигнута!

Но что это? Огромный, шикарный аэропорт, не успев развернуться, вновь сворачивает свою деятельность! Скоростная железная дорога так и не построена. Сам Мирабель с его гигантскими залами прилета-вылета обслуживает преимущественно грузовые рейсы и некоторое количество чартеров, а все международные регулярные полеты вновь возвращаются в Дорваль! Где им все так же тесно, где продолжается толкучка в залах, и где один за другим

снижающиеся и взлетающие самолеты, проносясь над головами, заставляют вздрагивать жителей близлежащих районов.

«В чем причина?» – спросит читатель. Кто знает? У кого бы я ни спрашивал, никто не смог сказать ничего внятного на эту тему. То ли не хватило денег на полный ввод в строй всех служб, то ли слишком дорогой оказалась эксплуатация, то ли чиновники не могут решить практические вопросы его использования. Причин может быть много. А, кроме того, сама идея строительства нового аэропорта вне Монреаля уже не кажется столь однозначной, если вспомнить, в какое время она возникла. Ведь только-только отбушевали страсти квебекской «октябрьской революции» (об этих событиях рассказ впереди), сама провинция балансировала на грани полного отделения от Канады, а поэтому немудрено, что федеральное правительство решило несколько подстраховаться на случай непредвиденных обстоятельств. Кто его знает, как там в дальнейшем сложится с Квебеком и Монреалем, а заодно и с монреальским аэропортом, так что, как говорится, запасной аэродром не помешает!

Да в общем-то все это не так и важно! Важно то, что трудности, возникшие по окончании строительства, явились полной неожиданностью для канадского бюрократа. Ну, никак нельзя было просчитать заранее проблемы и препятствия в реализации проекта! А может быть, просто положились на авось. На столь знакомый русский, а теперь уже и канадский, «авось»!

В такие моменты более всего чувствуешь себя как дома!

Тем временем суперсовременный аэропорт, ежегодно приносивший 20-миллионные убытки, в течение более чем десятка лет постепенно двигался к окончательному закрытию, а власть все чаще стала задумываться о том, чтобы продать его для переоборудования в гигантский центр отдыха и развлечений. По крайней мере, таким представляется один из возможных проектов. Тем не менее обошлось только сносом здания аэропорта, произошедшего года три назад, а площадку оккупировали фирмы авиапрома, занятые разработкой и строительством авиационной продукции, такие как Бомбардье, а в последние годы и иностранные компании, в частности Эрбас, организовавший в Мирабели сборку лайнеров А220.

Канадские ВВС на авиашоу

Но достаточно о грустном!

Как и в любом городе, в Монреале немало любопытного.

Гора Монт Роял – самая высокая здешняя достопримечательность. Не мудрено, что по ее имени назвали город. На самом деле, это не гора. Скорее, холм, хоть и высокий. Располагающийся на горе парк был спроектирован известным архитектором и ландшафтным дизайнером Фредериком Олмстедом (Frederick Law Olmsted), среди работ которого также Центральный парк в Нью-Йорке. Туристы стремятся на Мон Роял, чтобы полюбоваться прекрасной панорамой центральной части города. Местные жители тоже приходят отдохнуть, посидеть на травке, покормить белок чипсами, съесть гамбургер, выпить бутылочку пива – не очень афишируя сей акт, но и не отказывая себе в этом невинном удовольствии. Одной стороной гора смотрит на городской центр, который, кстати, расположен на территории бывшего города, а теперь округа, Монреаль. С другой стороны можно спуститься в противоположный район, где находится еще одна достопримечательность – самый большой в Канаде римско-католический собор Святого Иосифа (Saint Joseph's Oratory). Недавно исполнилось сто лет со дня начала его строительства, а официальное открытие базилики состоялось в 1956 году.

Собор разместился на склоне горы и смотрится просто великолепно, возвышаясь над северной частью острова. Рядом стоит маленькая часовня имени того же святого. Именно она в свое время положила начало возведению комплекса, который теперь стал самым крупным не только в Монреале, но и во всей Северной Америке! Более того, этот же собор в наши дни является самым большим святилищем в мире, посвященным земному отцу Иисуса, Святому Иосифу-плотнику. Каждый год собор посещают около двух миллионов туристов.

Собор Святого Иосифа

Основан собор был братом Андре. По преданию, когда ему было около тридцати лет, у него открылся дар исцеления, и к нему потянулись сотни людей. В маленькой часовне, где он жил, возле иконостаса по обеим стенам висят мраморные таблички с благодарностями от прихожан, а под ними – две вязанки костылей, оставленные здесь излечившимися верую-

щими. Костыли все деревянные, почерневшие – им лет по сто, не меньше. Умер брат Андре в 1937 году в возрасте 91 года. Его почитали за святого, а о том, каким уважением он пользовался среди прихожан, говорит тот факт, что на его похороны пришли более миллиона человек! В 2010 году он был канонизирован Папой Бенедиктом XVI.

Другая известная церковь Монреаля – это Собор Богоматери (Basilique de Notre-Dame), расположенный в районе старого порта. Кафедральный собор в неоготическом стиле вмещает около семи тысяч верующих и является точной копией Собора Парижской Богоматери. Построенный в период с 1784 по 1829 год, собор заменил собой старую церковь, стоявшую почти на этом же месте (а одно время две церкви Нотр-Дам соседствовали рядом). Здание собора было спроектировано архитектором Джеймсом О’Доннеллом (James O’Donnell), ирландцем по происхождению. Хотя по вероисповеданию архитектор был протестантом, проект сооружения базилики настолько захватил и увлек его, что он даже перешел в католичество, а после смерти был погребен в усыпальнице собора. Позже, в 1842 году, к собору добавились две башни высотой 75 метров. В западной башне находится одиннадцатитонный колокол, звук которого в хорошую погоду разносится на 25 километров. В соборе также имеется орган, который когда-то считался самым мощным в Северной Америке. В нем 5772 трубки. К собору примыкает другое архитектурное сооружение – Семинария Святой Сульписии (Séminaire de St-Sulpice), заложенное еще в 1685 году.

Еще одна достопримечательность Старого Монреаля – церковь Богоматери-Покровительницы (Notre-Dame-de-Bonsecours), построенная в 1772 году возле старого порта. В те времена порт еще не был таким старым, а сама церковь служила приходом для всех монреальских и прибывших издалека моряков. Эту церковь воздвигли на месте первой церкви Монреаля, открытой в 1657 году. На крыше ее установлена статуя Девы Марии. Причем по легенде первоначально статуя была поставлена лицом к горе. Но как-то раз во время сильнейшей бури родственники моряков, которые рыбачили в это время на озере Сен-Пьер (Saint-Pierre), расположенном по реке Святого Лаврентия к северо-востоку от Монреаля, собрались в церкви молиться за их благополучное возвращение. На следующее утро все лодки вернулись целыми и невредимыми, а горожане обнаружили, что в течение ночи статуя повернулась лицом к гавани. С тех пор церковь и стала известна как Церковь моряков.

Церковь моряков со статуей Девы Марии

По соседству с ней расположено историческое здание рынка Бонсекур (Bonsecours Market), раскинувшееся на целый квартал. Построенное в 1847 году по образцу здания Дублинской таможни, здание знаменито тем, что в бытность Монреаля столицей в нем размещался Парламент Канады. Впоследствии восстановленное после пожара оно было отдано под городской муниципалитет, библиотеку, бальный зал и полицейское управление. Именно в это управление монреальские сыщики привели сбежавшего в Канаду убийцу Авраама Линкольна,

однако затем по неизвестной причине отпустили. Затем в здании разместился общественный рынок, а в настоящее время это комплекс магазинов сувениров и изделий народного промысла.

Впрочем, мы не закончили разговор о церквях.

Еще Марк Твен писал: «В Монреале невозможно бросить камень, чтобы не разбить стекло какой-нибудь церкви». И действительно, сначала в моих разговорах с разными людьми звучала цифра 350. Неспроста Монреаль называли раньше «городом ста колоколен». Затем в журнале «Montreal Centre» (ежеквартальном журнале монреальского даунтауна – будем так для простоты называть центр города, по звучанию его английского эквивалента «downtown») я вычитал, что, по официальным данным, в городе насчитывается более 500 «мест богослужений». Там же, в статье Сильвии Ривард (Sylvie Rivard), приведены и некоторые исторические факты.

В отличие от большей части территории Североамериканского континента, земли нынешнего Квебека изначально заселялись французскими переселенцами. В период французской колонизации преобладала католическая церковь, однако ситуация изменилась в 1760 году, когда управление перешло к британским военным властям, и колония стала частью Британской империи. В результате возросшего наплыва иммигрантов из Ирландии, Англии, Шотландии и Германии – приверженцев католического, англиканского и протестантского вероисповеданий – началось бурное строительство новых мест религиозных отправлений. Первые церкви Монреала были выстроены на территории той части города, которая известна ныне как Старый Монреаль. Самой первой церковью англоговорящих католиков стала Базилика Святого Патрика, построенная в 1843 году в неоготическом стиле.

В 1802 году в городе появились первые представители методистской церкви, однако строительство своей первой церкви в центре города они начали лишь 85 лет спустя – в 1887 году. Сейчас Методистская церковь Святого Джеймса, открывшаяся в 1889 году, является самой большой протестантской церковью Монреала. На самом деле в свое время она строилась как самая большая методистская церковь в мире, однако слияние в 1925 году методистской (Methodist), пресвитерианской (Presbyterian) и конгрегационалистской (Congregationalist) церквей дало начало объединению церквей Канады (United Church of Canada). Отсюда и современное название – Объединенная церковь Святого Джеймса.

Первый приход англиканского сообщества, Церковь Христа, открылся в 1814 году. В наши дни под ней разместился огромный подземный торговый центр, откуда имеются также переходы в метро и расположенные по соседству гигантские универмаги «La Baie» и «Les Ailes». Правда, вход в торговый центр все-таки не из церкви, а с улицы.

В 1870 году с началом строительства Кафедрального Собора Величайшего Святого Джеймса в Монреаль вернулся католицизм. Кстати, собор, в середине XX века переименованный в Кафедральный Собор Королевы Мира Марии (Mary Queen of the World Cathedral), стал первым монреальским зданием, на строительство которого в 1870—1878 и 1885—1894 годах было потрачено более миллиона долларов. Здание собора – уменьшенная в три раза копия всемирно известной Базилики Святого Петра в Риме, является резиденцией архиепископа Монреала.

Кафедральный Собор Королевы Мира Марии. На заднем плане: Отель Королевы Елизаветы, где в 1969 году Джон Леннон и Йоко Оно провели одну из своих знаменитых акций «В постели за мир»

Во время пеших прогулок по городу церкви встречаются, но в силу небольшой скорости передвижения на глаза попадают не очень часто, поэтому цельной картины не возникает. Если же вам приходится перемещаться больше в автомобиле, то в этом случае все внимание концентрируется на дороге и светофорах, и вы видите еще меньше. Каков же выход, может спросить читатель. Как ухитриться увидеть максимально возможное количество интересных мест за минимальное отпущенное на это время?

Ответ очевиден – пересечь на велосипед! Два колеса – это больше, чем две ноги. Велосипед не роскошь, а средство передвижения, и объедете вы на нем гораздо больше, чем сумеете обойти пешком. С другой стороны, сидя в седле, вы всегда можете позволить себе оторвать взгляд от спины катящегося впереди велосипедиста и оглянуться по сторонам. Кстати, в первое же лето своего пребывания в Монреале я был немало озадачен довольно большим количеством велосипедистов с аббревиатурой «СССР» на майках. «Вот-те на, – думал я, – откуда столько любителей Советского Союза, да еще спустя почти двадцать лет после его распада?» Разгадка, однако, была до смешного проста – надпись означала всего навсего принадлежность к городскому клубу велосипедистов под названием «Club Cycliste Cycle Pop».

Летний велопробег по Монреалю

Едва я принялся осваивать велодорожки Монреалья (а они по некоторым оценкам уже в начале века насчитывали более шестисот километров, а к сегодняшнему дню их общая длина возросла чуть ли не вдвое), как тут же обратил внимание на церкви, то и дело встречающиеся на пути. Они оказались настолько разными, что я решил собрать свою коллекцию фотографий монреальских церквей. Лишь за один велосезон 2002 года я смог пополнить ее изображениями примерно сотни различных соборов, часовен и церквей. Несмотря на все разнообразие, в целом, все здания можно свести примерно к десятку типовых архитектурных решений. Однако это касается только старых построек, насчитывающих несколько десятков лет. Что же касается церквей в стиле модерн, то их несравненно больше.

Но удивительно не это. Выяснилось, что в Монреале немало старых великолепных церковных построек, в буквальном смысле заброшенных. Содержание их обходится в такую копеечку, а количество верующих настолько упало за последние двадцать-тридцать лет, что многие приходы просто вынуждены были закрыться. Немало их стоит запертыми, без всяких вывесок и опознавательных знаков, так, что невозможно определить, в честь какого святого они были воздвигнуты. Многие католические приходы открыли в своих помещениях игровые залы для любителей бинго. Нужно же как-то завлекать людей и зарабатывать на жизнь. Есть постройки, переоборудованные в элитное и дорогое жилье – кондоминиумы.

И это притом, что потребность в церквях в целом не только не исчезла, а наоборот, даже возросла, но не за счет традиционных конфессий, а за счет новых неизвестных ранее религиозных общин, вроде «Народной церкви».

И вот уже здание, построенное пятьдесят или сто лет назад как католический приход, служит пристанищем для какой-нибудь корейской монреальской церкви. Обычная квартира

в рядовом жилом доме переоборудуется в Церковь Песнопений и так далее. Думаю, именно здесь кроется причина разночтения – 350 церквей и более 500 «мест богослужений».

На улице Веллингтон (Wellington), возле которой я в то время жил, в одном из зданий первый этаж занимал магазин подержанных автомобилей. Потом старые авто в одночасье исчезли, а помещение заняла баптистская церковь. Внутреннее убранство предельно простое. Точнее, вовсе никакого убранства: небольшая кафедра у стены и расходящиеся от нее полукругом ряды стульев. Типичный красный уголок какой-нибудь трикотажной фабрики. А еще несколько месяцев спустя к вывеске баптистской церкви на окне прибавилась новая – «Verdun Chinese Alliance Church». Так здесь сразу соединились и баптистская, и китайская церкви, что называется, в одном флаконе. Впрочем, чисто внешне ничего не изменилось. В помещении с равным успехом могли проходить детские утренники (и, кстати, проходили!), лекции общества «Знание» или защита диссертации по астрономии. Ну и, разумеется, религиозные службы для баптистов или китайских католиков. Эта гибридная церковь тоже недолго продержалась, и на ее место въехала очередная из многочисленных общественно-полезных организаций.

Что поразительно, в то время, как различные новоявленные «молельные дома» размещаются порой в обычном доме, иные церкви, большие и красивые, построенные в свое время как католические и имеющие вполне себе классический вид, идут под снос, с тем чтобы впоследствии на их месте был возведен очередной многоквартирный дом – кондоминиум. В моей коллекции фотографий как минимум две такие церкви, ныне не существующие.

Снос церкви в Вердане

Скоро на этом месте появится очередной кондоминиум

Имеются в Монреале и ортодоксальные, то есть православные, церкви. Ортодоксальная греческая, ортодоксальная ливанская, ортодоксальная русская, внешне ничуть не напоминающие привычные для нас православные русские церкви. Зато Украинскую поместную католическую церковь венчают знакомые с детства крашеные маковки куполов. Такие вот парадоксы архитектуры.

Колеса по городу на стальном двухколесном коне, я открыл для себя другую сторону Монреала. Надо отдать должное городским властям – о велотуристах и просто отдыхающих здесь заботятся.

Во-первых, на острове очень много парков. Конечно, парком здесь называется даже пятячок в двадцать квадратных метров, зажатый между домами, если на нем растет травка и изнывает от недостатка кислорода пара-тройка деревьев. Но есть и настоящие огромные зеленые зоны, куда можно придти всей семьей подышать свежим воздухом, поваляться на травке, поглазеть на цветных карпов в пруду, прокатиться на велосипеде. Такие парки то и дело встречаются на пути велосипедиста.

Большой вопрос кто же хозяин на велодорожке!

Во-вторых, велодорожки являются предметом особой заботы властей. Пожалуй, самая лучшая часть многокилометровых городских велодорог пролегает по берегу Сен-Лорана в юго-западной части острова вдоль трех городских районов – Вердан (Verdun), Ласаль (Lasalle) и Лашин (Lachine). Здесь вдоль берега примерно на двадцать километров тянется целая парковая полоса шириной от двадцати до ста метров, с лужайками, детскими площадками, деревьями, спусками к воде, скамейками и столиками для пикников. В условиях разобщенности городов местные власти по-разному относились к своей части велодорожек. Если, к примеру, для велосипедиста разница в качестве асфальтового покрытия не очень заметна, то для бегунов на роликах наличие трещин и выбоин в нем сразу дает о себе знать. Соответственно, если вы катите в свое удовольствие на роликовых коньках по гладкой и ровной дорожке, значит вы еще в Вердане. Но вот зубы начали выбивать дробь – будьте уверены, вы въехали в Ласаль. Тряска прекратилась – вы добрались до Лашина!

Кстати, Лашин в переводе с французского означает «Китай». И неспроста!

Дело в том, что первые французы, появившиеся на этой земле, как водится, искали вовсе не Канаду, а кратчайший путь из Европы в Индокитай. Как известно, в те времена – 400—500 лет назад – этим занимались все, включая самого Колумба. Не обошла идея поиска выхода к Востоку и Жака Картье. В 1534 году он зашел в залив Святого Лаврентия в поисках северного прохода к берегам Китая и, кстати, тогда-то и объявил открытые им земли владением Франции. Обнаружив широкий и просторный водный путь, уходящий от океана вглубь материка сначала по заливу, а затем и по впадавшей в него широкой реке, он пришел к единственно правильному для того времени заключению: перед ним прямая колея до Поднебесной! Ну и, само собой, поселение, возникшее вскоре в нескольких сотнях километров от океана на большом острове посреди этой колеи, не могло называться никак по-другому, как только Китаем!

Второй городок на том же острове получил название Монреалья, по имени горы Мон Роял – той самой, что украшает собой местный пейзаж.

Когда же купцы поняли, что широкий и длинный океанский залив – это никакая не дорога в Китай, а река, и что река эта является самым длинным водным путем вглубь североамериканского материка, соединяющим Атлантику с Великими Американскими Озерами, они тут же приспособили ее для доставки товаров из Европы. И надо же было такому случиться – прямо посередине пути, возле большого острова на реке Святого Лаврентия, между нынешними горо-

дами-районами Монреаль и Лашин, напротив еще одного современного городка по имени Ласаль, дорогу купеческим кораблям преградили непроходимые пороги! И тянутся они всего ничего – не больше километра! Тут-то смекалистые люди и основали свой маленький бизнес: разгружали корабли с одной стороны порогов, по берегу перевозили товары на другую сторону и там вновь грузили их на корабли, пришедшие от Великих Озер, чтобы уже на них везти товары дальше. И вот уже поселение на острове превращается в большой портовый город, важнейший для торговли с Северной Америкой, получивший название от горы, у подножия которой он расположился. Таким образом, в большой степени благодаря именно этим порогам и возникли на острове поселения, давшие жизнь современному Большому Монреалю.

Позже для транспортировки грузов прорыли канал. Он и сейчас сохранился, но по своему первоначальному предназначению уже давно не используется, только украшает город. Со временем (в 1960 году) проложили другой канал, отгородив дамбой и углубив часть основного русла реки. По сей день он открыт для навигации и позволяет обойти пороги даже океанским судам! С 1964 года на Сен-Лоране началась круглогодичная навигация, что дало Монреалю возможность встать в один ряд с такими крупнейшими портами Канады, как Галифакс и Квебек-сити. Но в 60—70-х годах все большую конкуренцию Монреалю стал составлять Ванкувер, расположенный на западном побережье страны. Этот город даже называют воротами Канады к Тихому океану, и через его порт осуществляются основные поставки зерна в Азию, Китай и Россию. Восточным портам пришлось переключиться на Европу.

Для любителей острых ощущений местные фирмы в летнее время организуют сплав по порогам на надувных плотках. За несколько десятков долларов можно за пару часов пройти три-четыре километра до порогов, преодолеть их и пристать к берегу. Впрочем, водные забавы весьма распространены в Канаде – на многих мало-мальски порожистых речках вы найдете подобное организованное развлечение.

По порогам можно сплавиться, не покидая города

Однако закончим тему велодорожек. По ним можно объехать по периметру почти весь Большой Монреаль, а также пересечь его с севера на юг. Где-то дорожки идут по парковой зоне, где-то прямо по улицам, но везде вы увидите множество велосипедистов практически в любое время года. Им даже отведена эстакада протяженностью около двух километров, ведущая с Острова Монашек (небольшой островок под боком у Монреаля) на дамбу возле южного берега реки, ограничивающую канал. Эстакада построена как защита от льдов для находящегося по соседству моста Шамплейн (Pont Champlain), соединяющего остров Монреаль с южным берегом. В 2019 году завершилось строительство нового моста Шамплейн, а на несколько лет запланирован демонтаж старого изрядно поношенного моста, верой и правдой служившего городу с 50-х годов прошлого века. Вместе с ним разберут и эстакаду. Для велосипедистов же на новом мосту предусмотрена широкая выделенная велодорожка, соединяющая велодорожки двух берегов реки.

Еще один пролет – и новый мост Шамплейн готов!

Время от времени велосипедистам вообще отдают весь город, проводя в начале лета так называемый «Тур-д-Иль» – массовый заезд всех желающих вокруг острова, перекрывая множество важных городских магистралей и создавая тем самым неудобства автомобилистам. Этот заезд проходит в дневное время, но есть и второй, в те же дни, который стартует вечером и завершается поздно ночью большим концертом в одном из парков города. А осенью проходит еще один массовый заезд, завершая велосезон.

Уже много лет как власти Большого Монреаля активизировали работы по прокладыванию новых дорожек, в том числе и с тем, чтобы остров можно было полностью объехать по кольцевой трассе. Не удивительно поэтому, что весь город заполнен велосипедами, прикованными цепями к оградам, столбам, паркометрам, перилам, лестницам и так далее, где они стоят круглый год – под зноем, проливными дождями, метровыми сугробами. Далеко не все жители делят свои жилища с двухколесным другом! И хорошо, если им выделяется местечко хотя бы на балконе!

Припарковать велосипед? Почему бы и не так!

Нам не страшен серый волк?

Что в первую очередь заботит человека, оказавшегося в незнакомом городе, да еще не проездом, а с перспективой прожить здесь энное количество лет или хотя бы месяцев? Правильно – жилье! Пока нет крыши над головой, любой человек чувствует себя незваным гостем, незащищенным от житейских невзгод. Даже самая маленькая и плохонькая квартирка – это не просто место обитания. Это – «моя крепость»!

Итак, какие же «крепости» строят в Канаде (а также по всей Северной Америке)? И чем они отличаются от российских домов?

Читали, наверное, «Три поросенка»? Про то, как страшный волк одним своим перегаром снес пару домиков и отступился только от третьего. Могу утверждать – в России строят тот самый третий вариант, видимо, в расчете на перебравших волков. Я имею в виду из кирпича и бетона, ибо за океаном, где не принято столь усердно «квасить» (пьют, не отрицаю, но все же не столь полноводно), и домики строят соответствующие, в расчете на волка-трезвенника.

Во-первых, когда я только приехал в Канаду, многоэтажных башен здесь почти нельзя было встретить, по крайней мере, в качестве массовой застройки. Исключение составляли лишь офисные небоскребы и совсем немного высотных жилых домов в мегаполисах, вроде Торонто. В Монреале же имелось относительно небольшое количество жилых многоэтажек в центральных районах города и еще сколько-то разбросано по ближней периферии. В основном квартиры в этих домах сдавались внаем, хотя имелись и многоэтажные кондоминиумы (то есть домом владела не компания или один хозяин, а каждая квартира имела своего собственника). Большинство остальных домов – типа деревенских в один-два, реже в три и совсем-совсем редко в четыре этажа, и то поблизости от центра и для сдачи в аренду. В результате с учетом того, что в Большом Монреале проживало около двух миллионов человек, вне даунтауна город напоминал огромную деревню, правда, без коров на улицах и тракторов, чавкающих по грязи в сторону ближайшего сельпо.

Особое внимание привлекает кондоминиум Habitat'67, называемый в народе «Кондо Кубиком» (Cube Condo), который был построен к Всемирной выставке ЭКСПО'67 в одном из самых престижных мест Монреала с живописным видом на Старый Город и Старый Порт. Квартиры этого кондоминиума редко выставляются на продажу, а когда все же появляются в базе данных риэлторов, то меньше полутора миллионов долларов не стоят.

«Кондо Кубик» 1967 года

С тех пор прошло 20 лет. Раздулся и лопнул пузырь доткомов, прокатилась рецессия 2010-х годов, и вот лет пять назад город охватила эпидемия строительства высотных кондоминиумов. Не только в Монреале, во всех крупных городах страны башни полезли как грибы в июле после теплой грозы. Теперь Монреаль не узнать. Даунтаун уплотнился и заполнился стеклом и бетоном от асфальта и до высоты птичьего полета. Спальные районы тоже не отстают. Здесь высотных башен поменьше, но 3-4-5-этажные многоквартирники появились чуть ли не в каждом квартале. Уже несколько лет этот бум продолжается, и квартиры разлетаются как горячие пирожки, но с каждой новостройкой комнатки в них становятся все меньше, а цены все выше. Интересное объяснение этому феномену мне довелось услышать недавно. Мой собеседник объяснил столь высокий спрос на жилье в наши дни тем, что покупка квартиры – это удобный вариант бизнес-иммиграции. Не секрет, что в стране намного легче получить вид на жительство, если претендент на въезд вложит в экономику Канады какую-то сумму денег. Ну а покупка недвижимости является вполне ощутимой инвестицией. Таким образом, купив кондо, скажем, за полмиллиона долларов, заявитель может указать в анкете, что инвестировал в экономику эту самую сумму. Причем, в отличие от каких-то других вариантов инвестиций, вложение в недвижимость как правило не несет в себе никаких рисков, а то и вовсе может принести прибыль. Таким образом, купив квартиру и получив разрешение на въезд и проживание, новоиспеченный иммигрант приезжает в страну, а дальше... продает свое приобретение. Которое тут же повторяет весь цикл для следующего претендента. В качестве иллюстрации, мой собеседник привел в пример свой кондоминиум – 30-этажный билдинг, построенный в 2014 году и имеющий примерно 250 квартир. По его словам, за последние полтора года около 90 квартир в доме сменили своих хозяев. А чуть ли не треть жителей дома – китайцы.

Не могу утверждать наверняка, что предложенное объяснение полностью соответствует реалиям жизни. Но такая точка зрения подтверждается и другими фактами. В частности,

в последние годы стоимость недвижимости в Ванкувере, расположенном на западном побережье Канады, куда стремилось особенно много иммигрантов из Китая, росла так стремительно, что превышало все мыслимые и немыслимые ожидания. И основными покупателями были именно иностранцы. Рынок настолько перегрелся, что в 2016 году власти Британской Колумбии были вынуждены ввести дополнительный 15%-й налог на покупку недвижимости для иностранцев. В результате продажи в этой провинции упали сразу на 40%. Иностранные покупатели прекленились на Торонто и другие онтарийские города, поэтому властям этой провинции пришлось последовать примеру своих коллег с Тихоокеанского побережья и также ввести в 2017 году дополнительный налог в 15%. Как следствие ускорился рост спроса на недвижимость теперь уже в Монреале и его окрестностях. Дома и квартиры не задерживаются на рынке. Пока в Квебеке нет дополнительного налога для иностранцев, но нельзя исключать, что о его необходимости скоро заговорят и здесь.

Но вернемся к моим первым впечатлениям. Как-то утром я проснулся от некоей весьма ощутимой вибрации, охватившей нашу квартиру, расположенную на втором этаже дома, в котором имела еще одна квартира рядом с нашей, а также небольшое коммерческое помещение внизу. С улицы раздавалось рычание очень шумно работающего двигателя. «Что это?» – удивился я спросонья. – «Грузовик? Нет, слишком громко!» Вторая мысль пришла сразу же вслед за первой: «Неужели танки?» Конечно, для меня, бывшего свидетелем путча 91-го года и расстрела Белого Дома в 93-м, не говоря уже о традиционных ноябрьских военных парадах времен застоя, танками на улицах Москвы не удивить. Но танки в Монреале? Это что-то новенькое!

Я выглянул в окно. Пустая улица, одинокий светофор на перекрестке. Никаких войск на убегающем вдаль утреннем бульваре.

Позже в тот же день по радио сообщили: в ста километрах от Монреаля произошло землетрясение. Танков не оказалось! Но был ли грузовик, который, как мне в тот момент слышалось, должен был стоять на светофоре возле нашего дома? Впоследствии мой знакомый, проживший здесь уже почти двадцать лет, рассказал, что именно таким звуком, похожим на рев громко работающего мотора, иногда сопровождаются в Монреале землетрясения. Да, да! Оказывается, Монреаль – сейсмическая зона! Ему, конечно, далеко до Калифорнии, но факт остается фактом. Более того, гора Мон Роял посреди города – не что иное, как спящий вулкан! Хотя период его активности уже давно закончился, но все же, все же...

К чему я это вспомнил? Да к тому, что все строительство в Монреале подчиняется правилам и стандартам, разработанным для сейсмических зон. Плюс еще дополнительные правила, отражающие местные особенности, например запрещающие возведение любой конструкции выше, чем гора Мон Роял. Вообще же, основой каркаса любого высокого здания на острове является стальная сварная конструкция, но не бетон. Из него делают только перекрытия. И проектируется здание с учетом сейсмических нагрузок.

Впрочем, халтурщики есть везде. Мне рассказывали историю про одного архитектора по имени Лоренс Тернер, который жил и творил в Монреале некоторое время назад. Его девизом было: «После нас – хоть потоп!» Пусть, мол, дом простоит ближайшие несколько лет, пока его проектировщик жив и работает, а что произойдет после – не его дело! Он даже не скрывал своих взглядов от сотрудников. А почему бы и нет? Через несколько лет, как известно, либо падишах умрет, либо ишак сдохнет! Но что удивительно, всеведущий Орден инженеров Квебека (о котором речь еще впереди) хранил молчание и не предпринимал никаких действий, несмотря на многочисленные жалобы и сообщения от других профессиональных инженеров. Первыми забили тревогу страховые компании, которые после нескольких проигранных исков по строениям Тернера отказались страховать его «шедевры» и пошли в атаку на Орден инженеров, требуя отозвать лицензию у халтурщика. В конце концов, своего они добились, но после-

дователи «умельца» время от времени встречаются в Монреале и по сей день: то строящийся дом провалится прямо в подземный гараж, то балконы облетят с фасада недостроенного дома!

И все же до сих пор большинство зданий города составляют небольшие двух- и трехэтажные домики.

Усугубляет впечатление большой деревни и то, что центрального отопления здесь не существует в принципе. Каждый дом отапливается своими силами и средствами, в том числе и небоскребы. В холодное время года выглядит это весьма забавно: стоят высоченные дома в центре города, и над каждым вьется дымок из персональной трубы, будь то избушка в пять или небоскреб в пятьдесят этажей – неважно. В Москве такого не представишь: сетями центрального отопления охвачены все дома каждого района. За свою жизнь в Москве я настолько привык к централизации в коммунальном обслуживании, что в первые месяцы жизни в Монреале несколько раз попадал впросак. Тем более, что в течение первого года я жил в достаточно больших домах: по московским меркам так себе, мелочевка, но для Монреаля вполне себе большие – один пятиэтажный, а второй аж целых одиннадцать этажей! В этих билдингах я по привычке не задумывался ни об отоплении, но о горячей воде. Как и в Москве, обо всем заботился владелец, благо что все было включено в ежемесячную плату. Год спустя я переехал на второй этаж двухэтажного частного дома в Вердане, все еще искренне полагая, что дом подключен к единой городской теплосети. Поэтому, когда спустя неделю из крана вместо горячей воды вдруг полилась холодная, я, недолго думая, поднял трубку и набрал телефон Гидро Квебека. Думаю, собеседник на том конце провода немало удивился моему вопросу, куда подевалась горячая вода из крана. Однако, жизнь видимо научила его относиться ко всему философски, и он спокойно переадресовал меня – к моему искреннему удивлению – к хозяину квартиры и дома.

Многие мелкие частные домики на первый взгляд сложены из кирпича – вроде как у третьего из братцев-поросят. На самом деле из кирпича здесь почти ничего не строят, так же, как и из натурального дерева. Вся облицовка – полная фикция, панели. В лучшем случае – очень тонкий слой декоративного кирпича. Мой знакомый, Джозеф, или в просторечии Джо, чех по происхождению, рассказывал: «После приезда сюда, а было это в конце 60-х годов, оказался я как-то раз на Южном берегу (Южным берегом здесь называют городские районы, расположенные не на острове Монреаль, а на южном берегу реки, то есть уже на материке. Формально к городу Монреалу они отношения уже не имеют. – Прим. автора). Случилось это в первые дни моего пребывания здесь. Все в новинку, ничего не знаю. И вот иду я по улице, вдруг слышу звук, будто пилят что-то. Ну, пилят и пилят, мне-то что? Может, дрова или строительство какое... Однако, оглядываюсь – вокруг никого, пустая улица со всех сторон. Ни единой души! А звук все равно идет! И не где-нибудь, а чувствую, прямо рядом со мной, буквально над ухом. Снова оглядываюсь – и опять никого не замечаю! Рядом дом жилой, кирпичный, как вижу. Что за мистика? Галлюцинации, что ли? Стою, верчу головой, а звук никуда не пропадает! Пилят и пилят – где-то совсем рядом, в паре метров от меня! Наконец, обнаружил я источник звука – прямо из кирпичной стены дома торчит пила и делит эту самую стену пополам! Ничего себе, думаю, вот это пилы у них тут! Кирпич, как масло, режут! И даже чувство уважения просто небывалое появилось! Потом только узнал, как и что здесь строят, и из чего эта так называемая кирпичная стена сделана!»

Иногда, как я уже говорил, снаружи обкладывают стенку дома тонким слоем кирпичиков – для косметики. Видел я как недалеко от нашего дома одна такая стенка рухнула – снизу и до самого третьего этажа. Когда я рассказал о происшествии знакомому, тот совсем не удивился: «Такое у нас случается, и не так уж редко!» Прожив в Монреале подольше, я понял, что никакое это не преувеличение. Не только стенки здесь падают, но и балконы случается облетают словно осенние листья, и мосты рушатся. Под «кирпичами» же (а еще бывает «гранитная» или «каменная» облицовка) стены – скажи кому в России, умрут от смеха – из ДСП!

Или толстой фанеры. Только так! Других вариантов не существует. А перекрытия из бруса, причем довольно тонкого. Топаешь по квартире в таком доме и чувствуешь, как пол под ногами ходуном ходит! Внутренние стены – смесь картона и штукатурки. Возведение трехэтажного строения занимает от силы месяц, включая рытье котлована. С жилыми пяти-шести-этажными башнями тоже не мудрствуют: наружные стены в порядке исключения выкладывают кирпичом, внутри же – все те же фанера, ДСП и штукатурка. Впрочем, внутри высотных зданий все же возводится некая бетонная сердцевина для упрочнения против землетрясений, да перекрытия, как уже упоминалось, бетонные. Правда, это для 30- и выше этажных строений. Но расскажите кому-нибудь о полностью бетонных перекрытиях и стенах в шести- или десятиэтажных жилых домах (не говоря уже о более низких), думаю, что просто не поймут, о чем идет речь!

У моих знакомых в Торонто есть своя квартира – двухэтажный отсек в длинном общем доме, тянущемся вдоль улицы (так называемый, таунхаус). Как-то их дочь резко открыла входную дверь. Как итог в стене на уровне ручки – дыра. А ребенку на тот момент было всего ничего, четыре с половиной года. Когда в свое время смотрел в голливудских фильмах, как одним ударом кулака прошибается стена в квартире, полагал, что это режиссерская находка (весьма заезженная, правда) для придания большей крутизны героям. Ан нет, оказалось, это вовсе не художественное преувеличение. Это суровая действительность. Да что Голливуд! В телепрограмме «Самые смешные любительские видео Америки» один из наиболее часто встречающихся сюжетов – непреднамеренное пробивание стенки в доме крутым бедром или крепкой головой американской домохозяйки, либо кого-нибудь из домочадцев.

В результате такого, с позволения сказать, строительства в городе нередко пожары. Практически ежедневно мимо окон нашего дома или моей лаборатории с воем проносятся на очередной вызов пожарные машины. А то и не один раз за день.

Пожар в даунтауне

История пожаров в городе началась в 1651 году, спустя девять лет после основания на острове поселения Виль-Мари, впоследствии выросшего в большой город. С тех пор эта беда регулярно посещала город, оставляя за собой пепелища на месте десятков и даже сотен домов. Летом 1852 года в Монреале разразился самый разрушительный пожар за всю его историю. А день спустя еще один пожар охватил предместья города Сен-Лоран (сейчас Сен-Лоран наряду с другими муниципалитетами входит в состав Большого Монреала). В те дни без крова

остались около 15 тысяч человек (замечу, что население города тогда составляло всего 57 тысяч человек). Жертв среди горожан не было, однако погибли несколько пожарных. Когда же пожар, наконец, погасили, над городом разразилась страшная гроза, вымочив до нитки усталых, голодных, лишившихся жилья людей.

С самого начала существования города власти всеми способами пытались бороться с угрозой, издавая множество противопожарных указов. В конце концов, на месте хаотично построенного поселения, сквозь который было невозможно пробраться к охваченному огнем дому, появился город с улицами. Дома стали строить по одной линии, было запрещено возведение деревянных строений. В 1734 году был создан первый добровольческий отряд пожарных. В те времена насосов не существовало, приходилось набирать воду в реке и, выстроившись в линию, передавать полные ведра из рук в руки.

И еще о современных пожарах. Летом 2000 года в небольшом городке Труа-Ривьер (на полпути между Монреалем и Квебек-сити) разоблачили пожарника, который в свободное время занимался поджогами. Вы думаете, он был сумасшедшим? Как бы не так! Не из мести ненавистным соседям или опостылевшей теще и не от большой головы поджигал он народную собственность. Как раз наоборот, все было очень логично и резонно. Цель у него была вполне конкретная и объяснимая – чтобы было побольше сверхурочной работы!

Ну что поделаешь – трудоголик!

Тем не менее, согласно статистике, в основном пожары в Канаде возникают все же не в результате «трудовой» деятельности пожарных-энтузиастов, а по более простым причинам – от непотушенных сигар, сигарет и трубок. Только из-за них в год возникает в среднем три с половиной тысячи пожаров, 70 человек погибают в огне, а 300 человек с ожогами и ранениями попадают в больницы. Может показаться, что эти цифры не так уж велики по сравнению с Россией, но не стоит забывать, что численность населения здесь в несколько раз меньше – всего 37.5 миллиона. Это в наши дни, а во время моего появления здесь было и того меньше, миллионов 27—28. Прирост населения Канады в наше время составляет около 400 тысяч человек в год (чуть более 1% населения), из которых 250 тысяч приходятся на новых иммигрантов.

Однако вернемся к монреальскому жилью. Как уже говорилось, до начала XVIII века дома в городе были исключительно деревянными. Однако после сильного пожара 1721 года всем монреальцам было предписано строить дома только из камня. Те же, кто не хотел отказываться от вековых традиций предков ради противопожарной безопасности, могли переехать в пригороды Монреаля, где все еще разрешалось строить дома из дерева. Однако пожар 1852 года, уничтоживший около 1200 домов, остро поставил вопрос о переходе на камень и в пригородных районах, а заодно и о строительстве нового акведука в городе.

Где все эти времена, и почему история вдруг повернулась вспять? Можно только гадать. Однако, ту фанеру и прессованные плиты, из которых строят современное монреальское (и канадское) жилье, даже деревом назвать язык не поворачивается.

И еще один интересный аспект. Если вы прогуляетесь возле частных домов Монреаля, то обязательно заметите, что большинство их имеют большие, порой гигантские окна, смахивающие скорее на витрины модных магазинов. За окнами просматриваются огромные гостиные залы, занимающие все внутреннее пространство от фасада до задней стены с такими же большими окнами. Кстати, примыкающие к этим залам жилые комнаты и спальни очень небольшие и, скорее всего, покажутся россиянину маленькими и тесными. Кроме того, уличная дверь открывается сразу в гостиную, без всяких прихожих и тамбуров, изолирующих жилье от непогоды. В результате подобной планировки в зимние месяцы канадцу могут приходиться счета за отопление (если оно электрическое), исчисляемые сотнями долларов в месяц. Ведь зимой в Монреале морозы доходят до -25°C — -30°C ! Однако почему-то никому не приходит в голову соотнести стоимость затрат на отопление с архитектурным дизайном домов. И если вы

вдруг подумаете, что канадские окна из стеклопакетов идеально изолируют жилье от уличного холода, будьте уверены – вы заблуждаетесь! Качество окон «Мэйд ин Кэнэда» ничуть не уступает по качеству товарам китайско-азиатского региона. Ну, разве что ценой. И также требуют дополнительного утепления и заклейки щелей при подготовке к очередному отопительному сезону, как и в России!

Впрочем, следует уточнить, что, опять-таки согласно статистике, 80% канадцев проживают в пределах 160-километровой зоны вдоль границы с США, то есть в достаточно теплых широтах. Квебек же расположен к северу от Онтарио и границы со Штатами, и климат здесь не такой уж жаркий. Как я упоминал, зимы в Монреале бывают достаточно суровыми, хотя город и расположен на широте Крыма. К столь существенным различиям в погоде приводит отсутствие поблизости теплого моря, тем более что Монреаль характеризуется весьма сильными ветрами, дующими здесь если не постоянно, то очень и очень часто.

Раз мы заговорили о погоде, расскажу историю, которая, во-первых, случилась с моим знакомым, во-вторых, хорошо иллюстрирует особенности местного домостроительства, и, в-третьих, связана с погодой, а если точнее, со стихийным бедствием, ибо последние здесь иногда случаются.

Весной 2017 года в Монреале и окрестностях шло много дождей, а посему случилось наводнение. Не весь город, конечно, затопило, но довольно много улиц и кварталов в западной части города. Десятки домов стояли с залитыми подвалами, парковки торговых центров превратились в моря, а кое-где сообщение с «большой землей» осуществлялось с помощью лодок и каноэ. Примерно за год до этого мой знакомый купил дом как раз в северо-западной части Монреаля. Более того, дом находился на острове Мерсье (Île-Mercier) рядом с Большим Монреалем, в частности, непосредственно на береговой линии реки Прери (Prairies River), отделяющей Монреаль от его северного пригорода Лаваль.

Весна 2017 года

Здесь необходимо сделать короткое отступление, чтобы просветить читателя в технике водоотведения. Дело в том, что здесь (как минимум в Квебеке) очень популярна технология так называемой «французской системы осушения» «French drain»). Заключается она в том, что вокруг дома прокладываются система перфорированных шлангов, в которые через отверстия поступает вода, оказавшаяся на участке (например, дождевая).

По шлангам вода течет в подвал дома, где сливается в специальный колодец, а оттуда ее уже откачивают насосами и отводят подальше от строения.

Система весьма популярная, и в доме моего приятеля была сделана точно такая же. Обычно шланги должны присыпаться гравием, который служит фильтром и позволяет воде просачиваться внутрь, но сам при этом остается на месте. У моего приятеля система была реконструирована незадолго до приобретения дома, но присыпана оказалась не столько гравием, сколько песком. Как только случилось наводнение, вода мгновенно затопила участок вокруг дома, благо река была под боком, и хлынула в шланги. Немедленно включился водооткачивающий насос и пошла работа. Вода заливала подвальный колодец, насос трудился не останавливаясь, но мощности явно не хватало. Пришлось подключить второй, резервный насос. Увы, и вдвоем они не могли справиться с водяным потоком. Мой приятель кинулся в магазин, где приобрел третий насос и поставил его в помощь двум предыдущим. В общем, вода бурлила, рвалась и падала, что называется «стремительным домкратом». И все бы ничего, но оказалось, что вместе с водой в шланги начал затягиваться песок, недавно насыпанный на участок. Затягивался, затягивался, и весь затянулся. Да так, что уровень почвы вокруг дома резко понизился, а его место тут же захватили воды реки. Объем воды был такой, что две стены фундамента не выдержали мощного напора и рухнули прямо внутрь подвала! К счастью, сам дом остался стоять над водой на двух оставшихся стенах, что само по себе было чудом. Не буду описывать все мучения моего приятеля и его семьи, водоворот проблем со страховкой, невыплаченной ссудой банку и тому подобным. К счастью, ситуация была столь неординарной, что городские власти вынуждены были принять участие в решении дальнейшей судьбы дома и его восстановления. Об этой истории писали местные газеты, и желающие могут наугадить соответствующие статьи в интернете. Я же привел этот рассказ лишь в качестве иллюстрации того, как силы природы иногда самым непредсказуемым образом корректируют современные технологии.

Ну а теперь от стихийных бедствий вернемся к погоде. Погода в Канаде, вообще, – весьма примечательное явление. Достаточно вспомнить «ледяной шторм» (ice storm), случившийся в Квебеке в январе 1998 года, когда мокрый снег и дождь, едва достигнув земли, тут же превратились в лед, покрыв толстым слоем абсолютно все, что встретилось на пути. Яркое впечатление производят фотографии опор высоковольтных линий электропередач, сложившихся пополам под жуткой тяжестью и упирающихся верхушками в землю рядом с основаниями. Тогда целые кварталы и районы Монреаля остались без света и отопления на несколько дней. Не нужно, наверное, объяснять, что это такое – жить зимой в фанерном не отапливаемом домике! Ледяные дожди случаются каждый год и не по одному разу, однако подобного тому, что был в 1998-м году, с тех пор больше не было.

После очередного «ледяного дождя»

Не обходят Канаду стороной и магнитные бури. В 1989 году из-за такой бури остановилась электростанция в Квебеке, а Монреаль на девять часов остался без электроэнергии. По сообщениям канадских газет, последствия масштабных катастроф продолжают сказываться спустя долгое время после восстановления нормального процесса жизнедеятельности и ликвидации ущерба, возможно даже на протяжении нескольких поколений. Именно к такому выводу пришли канадские ученые после изучения влияния «ледяного шторма» на состояние детей, появившихся у женщин, которые пережили эту катастрофу в первые шесть месяцев беременности. Процент появления на свет недоношенных детей у этих матерей был в несколько раз выше обычного. Кроме того, как показали исследования, в среднем эти дети отличаются пониженным коэффициентом интеллектуального развития и имеют больше проблем в становлении речи. Другими словами, перенесенный матерями стресс привел к развитию отклонений в детской психике.

Или другой пример. Зима 2003 года. Ньюфаундленд. Это остров в Атлантике, являющийся территорией Канады. Здесь в разгар зимы неожиданно вышли из берегов местные реки и затопили целый город. Залило дома. На экране телевизора автомобили, по самую крышу скрытые водой! Но этого мало! Через несколько дней ежедневных репортажей о потопе столь же неожиданно... ударяет мороз минус 30 (!) градусов! Можете себе представить, как все это выглядело!

А если при этом с утра до вечера дует холодный ветер...

Как-то зимой, в январе, едва выпал первый снег (в декабре его не было вовсе), я решил не упустить столь редкую для той зимы возможность и целую неделю выходил по утрам, чтобы пробежаться на лыжах вдоль Сен-Лорана. Вместе с другими энтузиастами прокладывал и утрамбовывал лыжню. А на седьмой день задул ветер и сдул весь снег в реку. Картина, открывшаяся передо мной утром следующего дня, была забавной. Впереди, насколько хватало глазу, расстилалась серая мерзлая земля, а во все стороны ее перечеркивали белые утрамбованные полосы лыжни, возвышающиеся на два-три сантиметра над заледеневшей поверхностью.

Я уж не говорю о постоянных перепадах давления, иногда по несколько раз в течение одного дня! Это замечают очень многие приехавшие сюда на новое место жительства. Да и как не заметить, если головная боль иногда становится частой гостьей.

Кстати, об атмосферном давлении. Как-то я привез из Москвы барометр, подаренный друзьями на день рождения. И обнаружилась удивительная вещь: барометр в Монреале показывает давление выше, чем в средней полосе России. То есть все смещено в сторону повышенных показаний прибора. Стрелка также мечется туда-сюда при изменении погоды, но вокруг среднего положения «ясно», то есть от «переменно» до «сушь», не выходя за эти границы даже в самые проливные дожди. Другими словами, при одних и тех же погодных условиях атмосферное давление в Монреале в среднем примерно на 30 миллиметров выше, чем в Москве.

Осенью 2003 года канадские метеорологи устроили что-то вроде конкурса среди городов на звание «самый-самый» по итогам тридцатилетних наблюдений за погодой по 72 категориям. И вот результаты «соревнования». Самым солнечным оказался городок Медицинская Шляпа (Medicine Hat) – такое вот забавное название! – в провинции Альберта (Alberta), самым дождливым – Принц Руперт (Prince Rupert) в Британской Колумбии (British Columbia), самым загрязненным – Уайтхорс (Whitehorse) на Юконе (Yukon), самым теплым – Камплупс (Camploops) в Британской Колумбии, самым туманным и ветреным – Сен-Джонс (St. Jones) на Ньюфаундленде (Newfoundland), который еще и поделил первенство с ньюфаундлендским Гандером в такой категории, как самая тяжелая погода с максимальным количеством туманов, ветров, снега и снега с дождем. Виндзор (Windsor) из провинции Онтарио стал чемпионом по числу гроз и влажности воздуха. Торонто не смог отличиться ни в одной из категорий, если не считать пятое место за влажность воздуха и седьмое – за смог. А Монреаль оказался городом, где хорошо быть в любое время года и независимо от погоды. Звание же абсолютного чемпиона завоевал город Йеллоунайф (Yellowknife) из Северо-Западных Территорий (North-West Territories), оказавшись в лидерах по 13 категориям, среди которых «самая холодная погода», «самое солнечное лето», «самые большие перепады температуры между теплыми и холодными днями», «самый продолжительный снежный сезон», «самый глубокий снег» и так далее.

Что касается ветра, то, как я уже упоминал, здесь он настолько част, что его влияние всегда учитывают в прогнозах погоды. Ввели даже специальный термин «фактор ветряного охлаждения» (windchill factor). В ежедневном прогнозе погоды синоптики сообщают сразу две цифры: одна – реальная температура воздуха, вторая – температура с учетом этого самого «фактора». Суть его в том, что при температуре на градуснике, равной, к примеру, -20 градусов, ветер оказывает дополнительное воздействие на кожу человека, которая воспринимает это как еще более низкую температуру. У метеорологов существуют специальные таблицы, где указывается температурный эквивалент определенной скорости ветра при известной температуре. Поэтому никого не удивляет прогноз по телевизору: «Температура утром минус 25 градусов, а с учетом фактора ветра – минус 37!» И, поверьте, эти самые -37 на улице ощущаются по полной программе! Январь 2004 года был весьма прохладным, и «ветряная» температура в течение нескольких дней и ночей достигала минус 44 градусов, а в отдельные дни – минус 47! Конечно, -47 для Монреаля совсем не типично, но все же...

Впрочем, и это не рекорд. В районе Ванкувера метеорологи как-то раз зафиксировали минус 70 «ветряных» градусов!

Иногда мои знакомые в Москве с ужасом спрашивают: «Как вы там живете? У нас передают, что в Канаде температура – минус 35 градусов!» На что я им отвечал: «Не только минус 35, но даже еще ниже – до минус 45! Правда, с учетом фактора ветра... Но ветры и в России дуют регулярно, просто их никто никогда не учитывает. Дует и дует себе, со скоростью ничуть не меньшей, чем ветер канадский! А на него и внимания не обращают. Так что не слушайте то, что говорят про канадские морозы!»

Не менее сильное, чем ветер, влияние на канадский климат оказывает и влажность. Причем, если ветер упоминается в основном зимой и в неустойчивые переходные периоды года, то влажность начинает играть существенную роль в летнюю жару. Поэтому нет ничего удиви-

тельного в официальной сводке, звучащей, например, так: «Температура воздуха сегодня плюс 27, по ощущениям – плюс 35».

Но вернемся к квартирному вопросу. Прежде чем приступить к поиску подходящей квартиры, новоприбывшему следует сначала разобраться в их весьма мудреной классификации.

Здесь в Монреале придумали интересную систему обозначений жилья: 1.5, 2.5, 3.5, 4.5 и т. д., которая не существует больше нигде в Канаде (насколько мне известно). Система такая хитрая, что многие жители города и сами не могут толком ее объяснить.

Звучит это так: «полтора», «два с половиной», «три с половиной» и так далее. Как утверждают некоторые продвинутые граждане, целая цифра – это количество комнат, а 0.5 – это то ли кухня (приделанная к комнате или вынесенная в прихожую), то ли санузел, причем исключительно совмещенный, либо с душем, либо с ванночкой. Причем, количество спален на единицу, а то и на две, меньше целого числа в классификации. Так, в квартире «четыре с половиной» имеется две спальни, в «три с половиной» – только одна, а вот в «полуполтора» (или, по-другому, bachelor) спальни и вовсе нет, точнее, она совмещена с кухней и гостиной одновременно. Прихожие, если есть – как правило микроскопические или вовсе дверь из коридора открывается непосредственно в комнату, а иногда прямо с улицы. Комнатные двери присутствуют только в спальнях квартир, больших, чем 1.5. В полуполторах дверь одна – входная (не считая двери в ванную). Справедливости ради стоит отметить, что иногда встречаются и квартиры более привычной нам планировки, с прихожими, коридорами и большим спальнями. Это, как правило, в очень старых домах, возрастом в несколько десятков лет.

Для сравнения представьте: стандартная трехкомнатная московская квартира в новостройках по этой системе потянула бы на «пять с половиной» – холл пошел бы за комнату. А если еще есть чулан или темная комната, то это уже «шесть с половиной». Причем российские отдельные туалет и ванная просто поставят в тупик среднего канадца – здесь санузлы совмещенные. Но в больших квартирах или в частных домах два или более санузла – нормальное явление.

То, что по канадским стандартам в Торонто называется «двухспальной» квартирой (two-bedroom), по монреальской классификации окажется квартирой «четыре с половиной». То есть из четырех комнат две – это спальни, одна – гостиная, одна – кухня, а «пять десятых» подразумевают удобства. «Три с половиной» – это всего-навсего одна спальня. Другое дело, что многие наши люди привыкли жить без гостиных или использовать их в качестве спален.

Однако указанная классификация все равно дает весьма слабое представление о квартирах. Вы можете иметь огромную изолированную кухню с окном, вполне стандартную по российским понятиям, и такую же изолированную гостиную. А можете получить пятиметровую конуру в качестве кухни, размещенную внутри квартиры и лишенную каких бы то ни было окон. Это тоже будет считаться отдельным помещением. А еще кухня может быть совмещена с гостиной (а заодно и с прихожей) так, что чисто визуальную границу между ними провести невозможно. И во всех этих случаях это будет «четыре с половиной»! Так что при поиске жилья всегда надо смотреть лично и не полагаться на чьи-то объяснения. Жестких правил нет.

Удручающе забавное впечатление произвела на меня квартира моего приятеля, проживающего в Торонто. Точнее, он проживал в ней в течение первых трех лет пребывания в Канаде, пока обустроивался, искал работу и привыкал к тамошней жизни. У него было «бачело», или, по-монреальски, «один с половиной». Этот тип квартир называется еще «студио». Согласитесь, при слове «студио» перед взором сразу встает просторное светлое помещение, заполненное холстами свеженарисованных картин, многочисленными подрамниками и только что высеченными из мрамора Аполлонами и Венерами. Спешу разочаровать читателя – теснее квартир, чем эти самые «студио», я просто не встречал!

Торонтская квартира моего приятеля – живой пример тому. Как бы поточнее описать ее вам? Надеюсь, большинство читателей может представить себе самую маленькую из комнат «трешки» в российской «хрущовке» (самом некомфортном, маленьком и непопулярном среди населения жилье) или холл в современной стандартной квартире массовой застройки (не элитного жилья). Сколько метров там будет? Метров десять? Ну, двенадцать! Так вот, примерно такую площадь занимала вся (!) квартира моего знакомого. Жилая часть в аккурат вписалась бы в кухню-шестиметровку российской «хрущобы», плюс метра два кухни, отделенной от комнаты перегородкой по пояс, и еще столько же – примыкающее к кухне помещение с ванной-туалетом. В общем, помещение, которое даже с натяжкой нельзя назвать человеческим жильем! Прибавьте к этому то, что дом находился в районе с весьма сомнительной репутацией, где с наступлением темноты на улицы высыпают личности довольно подозрительной наружности, а большинство жильцов дома – лица с неопределенным местом работы и неясным источником доходов.

Только два обстоятельства могли как-то удержать постояльца в этом сомнительном месте более-менее продолжительное время. Первое – это то, что дом располагается в непосредственной близости от центра города, что имеет немаловажное значение для только что приехавшего иммигранта без семьи (подчеркиваю это обстоятельство, ибо заставлять жить семью в подобных условиях просто негуманно!). Пока идет нелегкий путь адаптации к новой жизни и поиска более-менее приличной и стабильной работы, лучше всего жить где-нибудь неподалеку от центров городской активности. И вторая причина, способная удержать человека там, – это стоимость аренды квартиры. Мой друг, несмотря на близость к самому центру города, платил за жилье смехотворную цену – 400 с небольшим долларов в месяц! То есть цену, которая в Торонто просто нигде больше не существовала! Любая «студио» в любом другом месте обошлась бы в то время не меньше, чем в 800—900 долларов! Даже те, что находятся на приличном расстоянии от даунтауна! Причем, все это имело место примерно 15 лет назад, а с тех пор многое изменилось на рынке аренды недвижимости, и не в лучшую для арендатора сторону.

Тем не менее, едва встав на ноги и подыскав подходящую работу, приятель не замедлил съехать с этой квартиры при первой же возможности!

Кстати, до приезда семьи в течение 1999 года я также жил в «бачело». Квартира была раза в два большей площади, чем та, торонтская, и даже с мебелью! Но платил я за нее всего 360 долларов в месяц, включая плату за электричество. Объясняется все просто – жилье в Монреале всегда было несравненно дешевле, чем в Торонто! И даже сейчас, после многолетнего роста, цены не догнали по своему уровню крупнейший город Канады. Правда, низкая цена обуславливалась и еще одним немаловажным обстоятельством – в моем доме не было бассейна, спортзала и гаража, что совершенно нетипично для канадских многоквартирных зданий. Была бы у меня подобная роскошь, пожалуй, пришлось бы выкладывать за аренду на сотню-другую больше!

Кстати, как правило, в домах с бассейнами имеются также и сауны. Но когда приходится видеть, как в сауну ходят канадцы, порой с трудом можно удержаться от смеха. Например, в парной в доме одного из моих монреальских приятелей, где я частенько бывал, мне приходилось встречаться с канадцем, жителем того же дома. Так вот он приходил в парилку с... газетами. Своеобразная изба-читальня. Другой, прежде чем зайти в парную, устанавливал терморегулятор на 60 градусов! И тщательно проветривал ее, если температура перед его приходом была выше. Но зато в сауне одного из спортивных клубов Монреаля мне довелось повстречать человека, который был просто фанатом настоящей парной. Поскольку в местной парилке регулятор температуры оказался автоматическим, он принялся усердно поливать датчик холодной водой, чтобы догнать температуру до нужного ощущения (обычно температура там предполагалась около 80 градусов). Когда у находившихся в тот момент в парилке, как говорится, уши свернулись трубочкой (присутствовали исключительно русские, поскольку «стоцентные»

канадцы к нам не совали носа), мы разговорились с «подвижником». Представьте себе наше удивление, когда выяснилось, что этот любитель попариться был родом из Кувейта! В ответ на наши недоуменные вопросы он лишь усмехнулся: «А что вы хотите? У нас в стране обычная дневная температура не многим меньше этой! Так что я привык!»

Но довольно лирики! Вернемся к аспектам сугубо бытовым.

Сам Монреаль напоминает наши южные города, особенно вдали от центра, где меньше больших домов. Нумерации домов как таковой нет. Почти во всех домах (а они здесь в большинстве 2—3-этажные) двери квартир выходят прямо на улицу, в том числе со второго и третьего этажей. У каждого жильца своя лестница. Редко, когда в таких домах несколько квартир имеют общую входную дверь. Вот эти квартиры и нумеруются насквозь по всей улице. Однако, если дом многоэтажный, где все квартиры сдаются, то у него имеется свой уличный номер, а квартиры внутри обладают и еще индивидуальными номерами. Но и в этом случае новичку порой бывает очень сложно определить систему нумерации домов или квартир. Например, у меня был дом номер 105 (12 этажей), следующий по этой стороне улицы дом – в двухстах метрах, по другую сторону перекрестка, двухэтажный – с номером 201. Между нами, правда, стояла еще одна многоэтажка, но она располагалась на перекрестке и имела нумерацию по пересекающей улице. Так что, куда подевались еще 96 (или, по крайней мере, еще 48 нечетных) номеров между этими двумя домами – вроде как неизвестно. Так я думал поначалу. Но на самом деле, существующая нумерация просто учитывает номер квартала. В результате номера дома может не быть вовсе, зато при этом номер квартиры будет содержать координаты квартала. Поэтому номер 105 у дома просто обозначал первый квартал по улице и номер строения 5. Следующий номер 201, соответственно, 2-й квартал и дом 1. Хотя, почему возле моего жилища отсутствовали строения 101 и 103, так и осталось для меня загадкой!

Еще одна особенность Монреаля – наличие на одной и той же улице двух домов с одинаковыми номерами! Но лишь для не очень внимательного человека. Дело в том, что исторически Монреаль условно разделен на две части – восточную и западную. В свое время в восточной части традиционно селились исключительно франкоговорящие канадцы, а в западной – англоговорящие. (В наши дни все достаточно сильно перемешалось, но, тем не менее, и по сей день большинство англофонов живет на западе города.) Несмотря на то, что разделение это и условно, граница между западной и восточной частями вполне реальна и проходит с севера на юг по бульвару Сен-Лоран. При этом бульвар является точкой отсчета для нумерации домов на улицах, пересекающих его. Соответственно, на улице Шербрук (Sherbrooke) вы найдете по два дома с номерами 102 или 203, или 800 и так далее. То же самое относится к улицам Принца Артура (Prince Arthur), Жан-Талон (Jean-Talon) и десяткам других. Для того чтобы различать части улиц, к их названиям добавляют дополнительный элемент – слово «восток» или «запад». В результате полный адрес будет звучать, к примеру, так: «103 Ste-Catherine Ouest», что означает «Номер 103 в западной части улицы Сен-Катрин». С непривычки новичку очень легко «потерять» приставку «Est» или «Ouest» и безуспешно искать нужный адрес в противоположном конце города!

1 июля в Монреале все приходит в движение! Этот день – традиционный день переездов в крупнейшем городе Квебека. Около ста пятидесяти тысяч человек одновременно меняют место жительства, а в иные годы и намного больше! Причем далеко не все, кто съезжает со старой квартиры, тут же могут въехать в новую. В свое время, из-за спада строительства и, вообще, экономики Квебека, произошедших после отъезда из Монреаля многих компаний в связи с дискуссиями по поводу отделения провинции от Канады, на рынке недвижимости также произошел спад. Строить стали меньше. Поэтому в начале нулевых годов наметилась тенденция к увеличению числа новоприбывших, однако при этом квартир почти не прибав-

вилось. В результате спрос на жилье стал превышать предложение. Соответственно, тут же полезли вверх цены на покупку и аренду домов и квартир, а, кроме того, стало гораздо сложнее найти себе жилье по вкусу, поэтому часть горожан, съезжая 1 июля со своих квартир, не имели нового пристанища. Город даже вынужден был на некоторое время размещать их со всем скарбом в различные временные помещения – школьные и спортивные залы, гостиницы, где они жили до тех пор, пока не найдут подходящего жилья.

Как уже говорилось, в последние годы произошел строительный бум и, хотя цены на покупку и аренду жилья все так же продолжают лезть вверх, ситуация с жильем стала полегче, но и в этих условиях необходимо хорошо потрудиться, чтобы найти жилье, отвечающее высоким требованиям переселяющихся горожан.

Однако эти неудобства не останавливают монреальцев! В этот день, 1 июля, они засучивают рукава и... вперед!

Объясняется традиция просто: раньше граждане по закону были обязаны переезжать только в этот день и ни в какой другой! Сейчас времена изменились, но традиция сохранилась, и до сих пор большинство переездов совершается именно в первый день июля, хотя переехать с квартиры на квартиру можно уже в любое время года. Впрочем, найти свободную квартиру в другом месяце будет труднее, так как домовладельцы стараются привязать контракты именно к июлю. Это объяснимо, поскольку в этом месяце у хозяина больше шансов найти нового постояльца на освободившуюся площадь. Таким образом, традиция, заложенная когда-то строгим городским законом, поддерживается стихийно, но теперь уже законами рынка.

Если же вы надумаете поменять квартиру в другом месяце, помните только об одном: как правило, контракт с домовладельцем заключается на год, и до истечения этого срока жилец съехать не имеет права. Точнее, уехать он может, но по закону обязан будет выплачивать хозяину ежемесячную стоимость аренды до истечения договора. Можно также найти другого квартиросъемщика и сдать ему квартиру в поднаем. Это законом допускается. А можно договориться с хозяином полюбовно, чтобы он вас отпустил. Тогда владелец сможет выставить новому жильцу любую цену, какую считает нужным. А вот если вы сдали в поднаем или продолжаете жить в квартире сами, аппетиты домовладельца строго регулируются законом, согласно которому ежегодное повышение арендной платы не может превышать определенного процента, устанавливаемого в начале каждого года специальным жилищным ведомством Монреала. Поэтому, если цены на аренду жилья вдруг резко начинают идти вверх, а жилье становится дефицитом, как это и случилось сначала в 2002—2003 годах в Монреале, а затем повторилось в 2018—2020, владельцу выгоднее распрощаться со старым съемщиком, чтобы самому найти другого.

Пожалуй, о жилье достаточно! Думаю, читатель уже получил примерное представление о том, где и как живут люди в Канаде.

Одно лишь маленькое замечание. На мой взгляд, не очень корректно сравнивать Канаду и Россию по объему и качеству строящегося жилья, а также по затратам на строительство. Несмотря на холодные зимы в Квебеке вообще, и в Монреале в частности, следует помнить, что большинство населения обитает в более теплой части страны. А следовательно, основная часть строений напоминает те самые быстровозводимые дешевые домики для поросят! В отличие от бетона, используемого в России. Хотя, судя по ценам на местном рынке недвижимости, назвать дома дешевыми язык не поворачивается!

Если в 2000—2001 годах 150 тысяч долларов было средней ценой за дом в Монреале, то теперь дешевле 350—400 тысяч просто не отыскать, да и то в пригородах. А те, что есть, пользуются весьма большим спросом. Кстати, интересный факт. Мой приятель недавно купил дом в Лонге (Longueuil), пригороде Монреала на Южном берегу, возле которого расположен небольшой аэропорт городка Сан-Юбер (St-Hubert). Соответственно, время от времени над жилыми кварталами пролетают небольшие самолеты, как правило учебно-тренировочные. Так

вот, оказалось, что в договоре о купле-продаже имеется пункт, по которому владелец дома разрешает авиационным властям использовать свое воздушное пространство для авиаперелетов, то есть все, что находится над его участком, ибо оно тоже принадлежит домовладельцу!

«Товарищи ученые, доценты с кандидатами...»

В Монреале четыре университета. Два англоязычных – Университет МаГилла (McGill University) и Конкордия (Concordia University). А также два французских – Университет Монреала (Université de Montréal) и Квебекский Университет Монреала (Université du Québec à Montréal). Помимо них существует Высшая Техническая Школа (École de technologie supérieure), тоже имеющая статус университета и, в отличие от своих собратьев, выпускающая исключительно инженеров.

Главное здание Университета Монреаля

Университет МакГилла – крупнейший в городе, и известнейший не только в Канаде, но и во всем мире. Поэтому расскажу немного о нем. Само название университета поначалу звучало несколько непривычно для моего уха. Ну, в самом деле, попробуйте произнести

быстро: «Работаю в МакГилле...». Средний россиянин, услышав такое, скорее всего, вздрогнет. Вздрогнул и я, впервые услышав это от приятеля. Но человек привыкает ко всему! Привык и я.

Итак, наука. Точнее, ее обеспечении в Канаде и, в частности, в Квебеке.

Компьютеризация, естественно, полная. Ее уровень, достаточно высокий еще двадцать лет назад, полностью соответствует требованиям сегодняшнего дня. Хотя, как известно, хорошего всегда не хватает, что можно отнести и к современной исследовательской технике. Разумеется, как и везде, это полностью связано с уровнем финансового обеспечения.

По этой причине в целом в Канаде уровень технического и технологического развития находится не на самых передовых рубежах. Если абстрагироваться от технологий, а только рассматривать вопрос с организационной точки зрения, обеспечение лабораторий техникой сравним с российским (точнее, с советским) в лучшие времена. Под «лучшими» для науки временами я подразумеваю времена «застойные», когда денег на науку государство худо-бедно, но еще выделяло. Мне несложно проводить параллели с тем временем, поскольку я успел поработать в лабораториях московских исследовательских организаций до начала «перестройки». Гораздо сложнее сравнивать с временами нынешними, во-первых, потому что я давно уже не варюсь в этом котле, а во-вторых, насколько я понимаю, наука в современной России находится, скажем так, не в самом лучшем состоянии. Что же касается Канады, то, как считают многие мои собеседники, в США этот вопрос решается значительно продуктивней, ибо там на науку денег не жалеют. В начале нулевых финансовые трудности были особенно ощутимы в Квебеке, так как в предшествующие годы из-за сепаратистского стремления поскорее отделиться на всю провинцию навалились серьезные экономические проблемы, в том числе и на университеты. Но если франкоязычные университеты еще как-то подкармливались сепаратистским правительством, то англоязычные в большой степени выкручивались сами. И все же после выборов 2003 года, приведших к власти либералов, ситуация постепенно начала меняться: победители стали активней бороться с тенденциями к отделению, что примерно к 2017—2018 годам привело к практически полному снятию сепаратизма с повестки, а главная сепаратистская партия Квебека *Le Parti Québécois* растеряла изрядную долю своего влияния и была оттеснена на задворки политической жизни провинции.

Но вернемся к рассказу об университете McGill, самом большом в Монреале, а также одном из самых известных, уважаемых и престижных в Канаде и в мире. Двенадцать преподавателей и студентов, окончивших это учебное заведение, получили за свои работы Нобелевскую премию. Именно в МакГилле Эрнест Рутфорд (Ernest Rutherford) и Фредерик Содди (Frederick Soddy), первые в этом списке лауреатов, описали атом таким, каким он известен науке сегодня.

Университетский городок, или кампус, расположен в самом центре Монреаля у подножия горы-холма. Он не очень большой – лишь самые старые учебные корпуса и библиотеки. Есть несколько более новых корпусов и вне кампуса, либо построенные для университета, либо приобретенные им. Здесь изучают инженерные науки, медицину, искусство, языки, экономику, бизнес, и так далее.

Помимо этого, на западной оконечности острова Большого Монреаля имеется второй кампус, где занимаются исключительно сельскохозяйственными проблемами, растениеводством, биологией.

Студенты же живут в городе, кто где хочет. В основном гнездятся вокруг университетского городка, снимая квартиры и комнаты. Чтобы было дешевле, часто объединяются по несколько человек и арендуют большую квартиру на всех, где каждому достается по спальне с одной общей кухней и гостиной.

Сам университет основан в 1813 году благодаря пожертвованиям местного богатого предпринимателя Джеймса МакГилла (James McGill). Иммигрант из Шотландии, МакГилл

преуспел в Канаде на ниве предпринимательства и подарил 46 акров своей земли и 10 тысяч фунтов на основание Королевского Института по продвижению знаний. Открытое официально в 1821 году, учебное заведение стало проводить первые занятия на факультете медицины в 1829 году. В 1843 году появился факультет искусств, предлагавший программы изучения языков, коммерции и наук.

Памятник Джеймсу МакГиллу на территории университета

Несколько лет назад в русскоязычной газете «Место встречи – Монреаль» мне попала статья Ирины Лапиной, в прошлом преподавателя Калужского педуниверситета, которая здесь в Канаде увлеклась сбором материалов по истории Монреаля и время от времени делилась с читателями русских газет своими находками. Она-то и предложила несколько необычный взгляд на историю университета – не с позиций учебно-воспитательного процесса и не с высот научных изысканий, а с очень приземленной, так сказать, точки зрения. Я бы даже сказал, с точки зрения... крупного рогатого скота.

Дело в том, что во времена, о которых идет речь, университет был всего лишь колледжем, и у основания горы возвышался его главный и единственный тогда корпус, а на месте нынешних аудиторий, лабораторий и библиотек раскидывались поля. Главными же обитателями тех полей были совсем не студенты, а монреальские коровы. Причем почин этому делу положили сами профессора колледжа. Поскольку в первой половине XIX века колледж только-только начинал набирать силу и существовал во многом благодаря пожертвованиям все того же Джеймса МакГилла, то, соответственно, и зарплаты у профессоров были небольшие. Поэтому, дабы помочь им свести концы с концами, колледж помогал, как мог – выделял бесплатное жилье при колледже и участки плодородной земли, где работники умственного труда могли выгуливать скот.

Впрочем, профессора, занятые по большей части высокими материями, не утруждали себя возведением оград, а посему вскоре по пастбищу вокруг учебного корпуса бродили уже не только «академические» буренки, но и их простонародные подружки. Все это продолжалось

до конца 1850-х годов. О стадах коров, оккупировавших университетские земли, вспоминал впоследствии Вильям Доусон (William Dowson), прибывший в 1855 году из Новой Шотландии, чтобы возглавить университет.

Летом 1860 года на торжественное открытие одного из мостов через Сен-Лоран под названием «Виктория» (Victoria Bridge) монреальцы ожидали приезда принца Уэльского, сына королевы Виктории и наследника английского престола. Поначалу отцы города пребывали в некоторой растерянности – в городе не было достаточно большого зала, который мог бы вместить всех знатных персон из свиты принца и именитых канадцев, пожелавших почтить мероприятие своим присутствием. Среди жарких споров на заседании городских властей по этому вопросу прозвучало необычное предложение: построить площадку для бала на месте пастбища, протянувшегося вдоль улицы Пил (Peel) и непосредственно примыкавшего к университету.

Ровно через пять недель на месте поля был выстроен круглый павильон с ложами для знатных особ. Чтобы представить масштаб строения, достаточно сказать, что он мог вместить до десяти тысяч гостей и освещали его две тысячи газовых ламп! Место коровьего пастбища занял гигантский полированный настил.

Бал удался на славу, а принц после торжеств в Монреале отбыл в США, намереваясь также посетить бал, который устраивали в его честь городские власти Бостона.

И вот тут-то монреальцы проявили недюжинную смекалку и коммерческую смекалку: за 16 дней они разобрали павильон, погрузили его на несколько железнодорожных составов и отправили по железной дороге в Бостон, находящийся в 600 километрах от Монреаля. Там они его благополучно собрали и установили. Появившись в бальном зале, принц никак не ожидал, что архитектурные вкусы монреальцев и бостонцев окажутся настолько похожими.

А монреальские коровы тем временем вернулись на столь милые их сердцам пастбища с зарослями сочной травы вокруг университета МакГилла. И паслись они там еще долгие годы, вплоть до начала века двадцатого, несмотря на появлявшиеся время от времени на столбах и заборах объявления вроде этого, относящегося к 1816 году: «Пастись могут только те коровы, которые согласны нести ответственность за любой ущерб, нанесенный соседским полям». Достоверно не известно, умели ли читать в те времена монреальские коровы, однако могу засвидетельствовать, что и по сей день монреальцы любят обращаться с братьями меньшими, как с равными, в том числе вероятно предполагая наличие у них способностей почти таких же, как и у их старших «братьев» по разуму. Об этом, к примеру, свидетельствовали столбы с табличками, до недавнего времени и в течение многих лет стоявшие на берегу реки Сен-Лоран неподалеку от района, где я проживал почти пятнадцать лет. На табличках на синем фоне была изображена белая утка, а под ней красовалась надпись: «Место сбора отлетающих птиц!» Ну, вроде объявления, с детства привычного моему уху: «Если вы потеряли друг друга в нашем магазине, встречайтесь в центре ГУМа у фонтана!» Пару лет назад столбы исчезли, о причинах чего можно только гадать. Возможно, здешние биологи наконец обнаружили, что канадским гусям чтение дается с трудом.

Это, конечно, шутка, а если серьезно, то очень многие канадцы, особенно пенсионеры, любят фотоохоту, а также проводить время наблюдая за жизнью пернатых и прочего дикого зверья. Для многих из них для этого и за город необязательно ехать, поэтому в летнее время практически ежедневно можно встретить на берегу реки в черте города таких энтузиастов, замерших у штативов с установленными на них фотокамерами и разнообразными подзорными трубами. В том числе и в тех самых «местах сбора отлетающих птиц».

Но поговорим еще о МакГилле современном. По разным мировым рейтингам МакГилл входит в топ-50 и топ-25 университетов.

В наши дни университет имеет более двадцати отделений (факультеты и профессиональные школы), на которых предлагаются программы более чем по 300 дисциплинам при тесном сотрудничестве с почти 100 различными исследовательскими институтами и центрами, а также шестью монреальскими госпиталями. Среди предлагаемых к изучению дисциплин различные отрасли медицины, музыка, виды искусства, почти все области инженерной деятельности, физика, астрономия, лингвистика и многое другое. Помимо центральной библиотеки университета некоторые факультеты имеют также свои книгохранилища, причем доступ к книгам открыт не только для студентов университета, но и для всех желающих. Любой человек может прийти в любую из 14 университетских библиотек и воспользоваться их фондами в многочисленных читальных залах. Единственное, что не каждому удастся сделать – это взять книгу на дом, так как выносить книги разрешается только студентам и сотрудникам. Однако, заплатив определенную сумму, любой желающий сможет официально записаться в библиотеку, что даст ему возможность также забирать нужные книги с собой.

Самый большой факультет МакГилла – факультет искусств, основанный еще в 1843 году (то есть он еще и один из старейших в Канаде). На нем работают 250 профессоров, и учатся пять с лишним тысяч студентов.

У студентов университета имеются льготы по дополнительной медицинской страховке, а многие окрестные предприятия бытового обслуживания, как они называются в России, кино-театры и музеи дают им скидку, равную, как правило, десяти процентам. И все же само образование в Канаде далеко не бесплатное, так что льготы получаются весьма символическими. Плата за обучение очень дифференцирована, во-первых, в зависимости от специальности, во-вторых, – от места постоянного жительства. Самое дорогое образование – для иностранцев. Так, в 1999 году стоимость обучения на инженерном факультете для них составляла примерно восемь тысяч канадских долларов в год. К середине нулевых годов плата возросла до 10—12 тысяч. Сегодня же им придется выложить больше сорока тысяч долларов. Канадцам, приехавшим в Квебек из других провинций страны, обучение обходилось дешевле – около 6 тысяч; сегодня стоимость для них составляет около 10 тысяч в год. Ну, и совсем дешево для местных жителей, квебекуа – всего две—три тысячи в год 15 лет назад, и почти пять тысяч сегодня. Правда, приведенные цены справедливы только для «обычных» профессий, вроде инженера. Медицинское образование обходится несколько дороже. Для получения диплома врача жителю Квебека придется выложить от пяти до восьми тысяч долларов в год, остальным канадцам – от 11 до 19 тысяч, иностранцам – от 25 до 44 тысяч долларов.

Но даже эти цены значительно ниже, чем в университетах США, а с учетом того, что стоимость жизни в Канаде существенно меньше, чем в любом городе ее южного соседа, нет ничего удивительного, что в монреальских университетах, и в МакГилле в частности, немало американских студентов. Всего же треть всех студентов университета составляют выходцы из 150 стран.

Любой студент-канадец имеет возможность получить от государства помощь, например взять беспроцентную ссуду, выплатить которую он должен будет лишь по окончании учебы. Но здесь тоже есть свои плюсы и минусы. Помимо того, что ссуда беспроцентная, студент, взяв ее, получает право претендовать также на государственную безвозвратную стипендию. С другой стороны, хотя вернуть ссуду он должен после того, как найдет работу, проценты (и не маленькие) начинают начисляться сразу же по окончании учебы несмотря на то, что на поиск первой работы может уйти достаточно много времени. Соотношение безвозвратной и возвратной ссуды может сильно меняться и зависит от финансового положения студента и доходов за предшествующий год: для кого-то вся ссуда может оказаться безвозвратной, а кому-то придется выплачивать все деньги, взятые в долг.

В конце зимы – начале весны 2005 года правительство Квебека неожиданно резко сократило программу финансовой помощи студентам – ни много, ни мало – на 103 миллиона долла-

ров. В результате несколько недель город сотрясали массовые студенческие митинги, шествия, протесты, забастовки, пикеты. Причем, что интересно, бастовали в основном студенты французских университетов. «Англичане» продолжали учиться...

Весной 2012 года снова начались волнения, после того как квебекское либеральное правительство объявило о намерении повысить плату за обучение на 75% в течение шести лет. На этот раз забастовки и демонстрации, организованные студенческими профсоюзами, продолжались несколько месяцев. В результате квебекские националисты, на волне протестов пришедшие осенью того же года к власти, отменили планы предыдущих властей.

Студенческая демонстрация 2012 года

Как я уже говорил, МакГилл – университет многопрофильный. Здесь изучают и медицину, и музыку, и языки, и финансы, и науку, и технику. И все просто опутано компьютерными сетями, начиная от лабораторий и факультетов и заканчивая системой поиска и даже заказа книг в любой из макгилловских библиотек.

Двадцать лет назад мне, человеку из России конца 90-х – начала 2000-х, трудно было даже представить, насколько здесь распространено общение через электронную почту. Без интернета процесс обучения и попросту невозможен.

Естественно, каждый студент, едва поступив, немедленно получает свой электронный адрес, который в дальнейшем использует для всех своих повседневных нужд. Если он при этом параллельно работает в какой-нибудь исследовательской группе, ему выделяется еще один адрес – в том подразделении, где он занимается научными изысканиями.

Тем не менее, 20 лет назад здесь даже среди профессоров еще встречались индивидуумы, которые принципиально не пользовались данным достижением современной техники. Но это было скорее исключение из правила, вероятнее всего обусловленное возрастом, и подобных исключений было все же не много.

Естественно, львиная доля общения студентов друг с другом, а также студентов с преподавателями происходит через локальную университетскую сеть, которая в свою очередь подключена к интернету. Вообще, Канада по использованию интернета для общения граждан с государственными структурами находится на одном из первых мест в мире.

Имеются в МакГилле и развлечения для студентов. Я не имею в виду разнообразные тематические праздники и фестивали, каких немало по всей Канаде вообще, в Монреале

в частности, а также периодически и в университете. Я о повседневном. Например, такое заведение, как Томсон Хауз (Thomson House). Это своего рода студенческий клуб с пивным баром, баром обычным и бильярдом. Но не для всех студентов, а только для тех, кто делает магистерскую (магистерскую) или докторскую диссертацию. Впрочем, сам университет невелик, поэтому и клуб такой только один. К примеру, в городе Лондоне – не том, что на берегах туманного Альбиона, а небольшом городишке в Онтарио – имеется Университет Западного Онтарио (University of Western Ontario). Этот университет в несколько раз больше МакГилла, а его кампус представляет собой целый город, соизмеримый по размерам с даунтауном Лондона. Так вот, когда я там побывал, то обнаружил там целых три пивных бара, не говоря уже о нескольких ресторанах и клубах.

Вообще, в университете очень много студенческих организаций. Только на инженерном факультете их, как минимум, три, не считая профсоюза. Причем студенческие организации являются весьма влиятельной силой, с которой и профессора, и администрация не могут не считаться.

В МакГилле издается масса печатной продукции. Большими тиражами выходят газеты «МакГилльский Репортер» (McGill Reporter), «Трибуна МакГилла» (McGill Tribune) и «Ежедневный МакГилл» (McGill Daily). Последняя, несмотря на название, все же пока не ежедневная. Но и помимо них существуют десятки более мелких многотиражек и журнальчиков, издаваемых факультетами, школами, студсоветами, профессиональными объединениями. Можно найти и солидные журналы, например «Атлетика МакГилла» (McGill Athletics), или такой полезный журнал инженерного факультета, как «Предложения о работе» (Job Posting), в котором не только печатаются объявления различных компаний о рабочих вакансиях, но также публикуется масса полезных советов по поиску работы, составлению резюме и сопроводительных писем, прохождению интервью и так далее. Есть журнал с коротким названием «МЫОВ», что расшифровывается как «Занимайся своим делом/Не суй нос в чужие дела» (Mind Your Own Business). Такое изобилие казалось мне поразительным, ибо во времена моего обучения в Москве на весь институт (ныне университет) была всего одна многотиражка.

В любом учебном заведении, как известно, обитают не только студенты. Здесь и профессоры, и секретари, и технический состав, и обслуживающий персонал. В разнообразных научных центрах и на факультетах университета, как правило, из обслуживающего персонала только секретари, менеджеры и системные администраторы с помощниками, ведающие всеми компьютерами и сетями подразделений. Вся остальная работа выполняется непосредственно научными работниками. Другими словами, студентами. Ибо, как оказалось, здесь в университетах вообще нет постоянных должностей вроде научных сотрудников. Постоянные работники – только профессора. Профессор – должность преподавательская. Если человек поступил на работу преподавать, это значит, что его взяли на должность профессора. Исключение составляют временные лекторы, с которыми заключается контракт лишь на один семестр. Профессора бывают разные: профессор-ассистент (Assistant Professor), ассоциативный профессор (Associate Professor) (его еще можно было бы назвать старшим профессором), профессор-визитер (Visiting Professor) и т. д. По сути, они соответствуют российским должностям преподаватель, старший преподаватель, доцент и так далее, но называются – профессор (вообще-то, на французском слово «professeur» означает всего лишь «учитель», и используется не только в университетах, но и в колледжах, и даже в средней школе). Самое старшее звание – полный профессор (Full Professor). Это как раз то, что соответствует профессору в нашем привычном понимании. Профессор на ставке университета преподает и ведет научные исследования. Твердый оклад, однако, начисляется только за чтение лекций. На научные исследования можно получать гранты от государства, а также заключать договора с компаниями. Все расходы на оборудование, материалы и зарплаты студентам идут только оттуда, сам университет денег

не вкладывает, а наоборот удерживает определенный процент за пользование своей инфраструктурой.

Едва человек становится профессором, то раз в семь лет ему могут дать годичный оплачиваемый отпуск. Это не право, это – привилегия. Ибо дается такой отпуск только на научные исследования, и если у соискателя есть серьезные научные планы. Идея состоит в том, чтобы позволить человеку оторваться от рутины лекций и консультаций со студентами, и повысить научный потенциал. Поэтому в течение этого года нельзя валяться на пляже на Багамах, можно только уехать в какой-нибудь другой университет работать в качестве Visiting Professor. Можно податься в канадский университет, можно в американский, французский, российский, хоть в папуасский или марсианский – где сможешь договориться. Большинство профессоров так и проводят свой «sabbatical leave», как называется этот отпуск. При этом по основному месту работы зарплата продолжает начисляться. Пробиться в ряды университетских профессоров задача непростая, на каждую объявленную позицию приходит до нескольких сотен заявлений соискателей. Причем, существует своего рода негласное правило: на профессорскую должность как правило принимаются либо люди молодые, недавно защитившие докторскую диссертацию, либо опытные и зрелые специалисты, у которых имеется свой набор проектов, связи и источники финансирования.

И еще одна вещь, которая меня поразила. Это уже из области частной жизни и защиты интеллектуальной собственности. Канадские университеты подчиняются целому набору этических правил, кодексов и уложений, охватывающих самые разные стороны их деятельности. В том числе и кодексу о защите частной интеллектуальной собственности и невмешательстве в личные дела (privacy). К чему это ведет на практике?

К примеру, каждый студент или сотрудник университета имеет свой так называемый «экзаунт» (account), дословно по-русски – «счет», который включает в себя выделенное ему пространство на сетевом сервере для хранения данных, личный логин (имя пользователя) и пароль для доступа в сеть. На этом экзаунте его владелец может держать любые файлы – как рабочие, так и личные. В зависимости от необходимости, часть данных может быть закрыта для посторонних, другая часть – открыта для всех или только для доступа определенной группы людей. Разумеется, во всех случаях речь идет лишь о тех, кто пользуется той же сетью. Ни один человек вне университета и даже вне данного подразделения не может войти в локальную сеть. Так вот, пока человек работает, его экзаунт активирован, и он сам определяет, в какой степени окружающие его люди могут использовать его информацию. Когда же он уходит из университета, через некоторое время экзаунт закрывается системным администратором и становится недоступен. Но он не исчезает бесследно, просто вся информация хранится в архивах. Самое же удивительное происходит в дальнейшем, например, когда в результатах его работы возникает потребность у следующих поколений студентов или его руководителя. Восстановить экзаунт или его часть системный администратор не имеет права без разрешения человека, которому он принадлежал. Даже его собственный руководитель – профессор – обязан обратиться к владельцу, даже если он уехал на другой конец Земли, и запросить разрешение на доступ. Только после получения письменного разрешения системный администратор временно восстановит информацию на сервере. В редких случаях, когда следы ушедшего затерялись на бескрайних просторах нашей планеты и найти его невозможно, вопрос о восстановлении данных может решаться в его отсутствие.

Признаться, когда наш сисадмин объяснил мне все это, я с трудом ему поверил. «Неужели даже его собственный руководитель, под чьим наблюдением он делал работу, не может получить доступ к этим же результатам?» – изумился я. На что получил резонный ответ: «Но мы же не знаем, в каких отношениях расстался студент с руководителем! А если он не желает, чтобы профессор получил эти результаты?»

Мне, выросшему в условиях советско-российской школы, поначалу это показалось просто невозможным. Однако затем, по некотором размышлении, я понял, что рациональное зерно здесь присутствует. Судите сами: студент платит деньги за свое образование. Он получает от университета знания. То есть он их покупает! А результат его научной и творческой деятельности – это продукт, произведенный им самим, хотя и с помощью университетского персонала, и на университетской базе. Следовательно, студент вправе рассчитывать на эквивалентный обмен. Если учебно-исследовательский процесс проходил гладко, и студент принимает тот факт, что в обмен на свои деньги и результаты труда он получает эквивалентное количество знаний и диплом, то проблем нет. Если же студент по каким-то причинам не удовлетворен своим руководителем, а бывает, что и обучение не закончил, он вполне может рассудить, что его работа не получила должную оценку, а посему не может быть использована другими студентами или профессорами этого университета!

Следует также знать, что разные студенты занимаются научно-исследовательской деятельностью на различных принципах. Они могут делать проект, который затем должны защищать, а могут писать так называемые тезисы, то есть работу, которую защищать не надо, но по которой они должны провести семинар для других студентов (речь в данном случае идет о соискателях степени магистра). Требования к подготовке таких студентов различаются. «Проектный» студент обязан за все время обучения набрать определенное количество курсов и получить за них 45 кредитов. Кредиты – это очки, начисляемые за завершённые курсы (то есть которые студент прослушал и по которым успешно сдал экзамены). Каждый курс дает определенное количество кредитов. «Тезисные» студенты тоже должны брать курсы, но их гораздо меньше – от них требуется всего 15 кредитов. Профессор может платить студенту, если его работа проходит в рамках имеющегося у руководителя гранта, а может и не платить, если денег на данную тематику не предусмотрено. В случае, когда деньги платятся, у руководителя имеются рычаги воздействия на студента: я тебе плачу, но ты должен мне регулярно отчитываться и сдавать работу в срок. Коли денег нет, то только личная заинтересованность студента в получении диплома будет его движущей силой, и никакого давления со стороны руководителя эта ситуация не предусматривает. Сделал работу, представил результаты – и на том спасибо. Не сделал – значит, не судьба. Никаких претензий быть не может. Профессор, разумеется, будет руководить студентом и консультировать его (ведь студент сам платит деньги за обучение), но как быстро делать работу и в каком объеме, будет решать сам студент в соответствии со своими устремлениями и планами.

Я неоднократно слышал от руководителя лаборатории по поводу того или иного студента, участвовавшего в работе: «К такому-то сроку такой-то должен представить результаты. Я плачу ему за это деньги. Спроси, на каком он этапе и когда планирует завершить работу». Или же наоборот: «За эту работу я ему ничего не плачу, поэтому торопить его не могу! Хорошо, если он хоть что-то сделает для нас!» Признаться, потребовалось некоторое время, чтобы перестать удивляться подобным вещам.

Аспиранты и соискатели магистерской степени могут участвовать в учебном процессе – в основном вести лабораторные работы и семинарские занятия (это 45—180 часов в семестр; оплата в квебекских университетах на сегодняшний день примерно 27 долларов в час). Семестры здесь на лето не прерываются, то есть существуют осенний, зимний, летний семестры и между ними краткий перерыв на экзамены. Однако летний семестр не обязателен, а летние курсы короче и более интенсивны. Курсы в течение лета студенты в основном берут для того, чтобы разгрузить себе другие семестры.

И еще одно наблюдение. Как правило, у большинства профессоров и студентов экаунты открыты для всеобщего доступа к файлам за исключением отдельных директорий, где хранится конфиденциальная информация, например, связанная с работой над патентом, или информация личного характера и тому подобное. Исключения составляют студенты-китайцы.

Большинство из них закрывает все свои директории, чтобы никто не мог ничего взять без ведома владельца. Если они хотят что-то передать сотруднику или профессору, то временно размещают конкретный файл с необходимой информацией в специально выделенную открытую директорию, а после передачи его по назначению вновь убирают. С чем это связано, трудно сказать. Возможно, с воспитываемой с детства привычкой прятать от ближнего все, что имеешь, что в условиях перенаселенности, а посему жесточайшей конкуренции за место под солнцем, вполне объяснимо. А может, и с некоей шпиономанией. Я не имею ни малейшего представления о причинах этого явления, но факт остается фактом.

Однако вернемся к профессорам. Как я уже сказал, в рамках своих договоров и грантов они могут брать себе студентов, аспирантов, постдокторантов (стажеров после защиты докторской диссертации) и прочий люд, который занимается наукой. Все они непостоянны. У кого срок пребывания на кафедре составляет полгода, у кого – год, у кого – три. Есть студенты или профессора-визитеры, которые появляются на две недели, чтобы что-нибудь сделать. Причем очень часто такие профессора приезжают исключительно за счет командировавшей стороны. Так сказать, перенять передовой опыт. В этом случае принимающий его руководитель не платит ему ничего и, хотя и привлекает гостя к своим текущим исследованиям, тем не менее, как и в ситуации со студентами, не может требовать никакой отдачи. Соответственно, и приезжий специалист может заниматься чем угодно, не отчитываясь и не предъявляя никаких результатов.

Постоянных научных кадров в университетах в принципе не предусмотрено. И, на мой взгляд, в этом-то и кроется основная причина отставания канадской науки от современных темпов развития. Это же очевидно: большинство серьезных и глубоких исследований требует многолетней работы целого коллектива ученых. На сегодняшний же день масса времени и денег растрачивается впустую – на освоение оборудования, программного обеспечения каждого нового человека, так как когда на середине проекта один студент заканчивает обучение и уходит, на его место приходит следующий, как правило, еще почти ничего не знающий и не умеющий.

Конечно, главная задача университетов – обучение студентов. Но, помимо этого, в большинстве развитых стран университеты являются также и основной движущей силой научного прогресса общества. В Канаде же, где фундаментальные исследования в университетах в силу указанных причин практически невозможны, а система научно-исследовательских институтов находится в зачаточном состоянии, говорить о научном потенциале страны, к сожалению, не приходится.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, согласно давнему опросу, проведенному среди канадцев аналитиками из National Science Literacy Survey, почти 70% опрошенных не смогли назвать ни одного канадского ученого. Это тем более досадно, что Канаде все же есть, кем гордиться перед всем миром.

Именно в Канаде в конце сороковых годов 20-го века Джеком Хоппсом (Jack Hopps) была впервые разработана технология кардиостимулятора – технология, которая продлила жизнь миллионам людей во всем мире!

Или, к примеру, многие ли знают, что первая в мире радиопередача живого голоса была осуществлена в 1900 году благодаря изобретению канадца Реджинальда Фесседена? Это было еще в те времена, когда для передачи сообщений пользовались азбукой Морзе. Практически никто в то время не рассматривал всерьез голосовое радиовещание. Говорят, сам Эдиссон на вопрос Фесседена о такой возможности, ответил так: «Феззи, что бы ты сказал о шансах человека попасть на Луну? Я думаю, что вероятность примерно одинакова». Однако, вопреки мнению известного ученого, канадец продолжал свои эксперименты. Они закончились в декабре 1900 года, когда радиоволна перенесла голос человека на расстояние в одну милю. Слабый голос был едва слышен сквозь помехи, но уже всего через шесть лет непрерывной

работы, в сочельник 1906 года Фесседен сделал первую в истории радиопередачу. Операторы судов, находившихся в тот момент в Атлантике, были потрясены, когда из динамиков вместо привычной морзянки до них донесся полноценный человеческий голос. Фесседен произнес короткую речь, а затем включил запись исполненной им на скрипке мелодии «O, Holy Night». Пожалуй, это вполне можно считать первым в истории человечества музыкальным радиоконцертом!

Канадцу Фесседену, помимо голосового радио, принадлежат еще более 500 открытий и изобретений, в том числе и метод измерения глубин и обнаружения подводных препятствий с помощью отраженного эха звукового сигнала. В двадцатых годах прошлого века эту технологию стали применять на всех морских и океанских судах. Толчком же к исследованию принципов отражения звуковой волны от предметов для Фесседена стала трагедия «Титаника», не имевшего еще подобного оборудования.

Впрочем, описанным достижениям уже почти сто лет, ну а в современной Канаде, как и во всем мире, люди продолжают работать если не над научными достижениями, то, по крайней мере, над учеными степенями.

Раньше я всегда полагал, что научные степени в Северной Америке зарабатываются в два этапа, как и у нас, то есть сначала нужно стать доктором философии (эквивалентный нашему кандидату), затем доктором наук (типа нашего же доктора наук). И, каюсь, всех в этом убеждал. Признаю свою ошибку, я был не прав! Описанная мной система характерна для Европы. В Северной Америке же существует только одна степень – докторская (доктор философии). Она действительно эквивалентна нашему кандидату наук. (По крайней мере, для университетов, которые оценивают людей по реальным знаниям. Когда же речь идет об официальном признании, в частности для трудоустройства на государственную должность, то здесь, как говорится, возможны варианты. Существует большая вероятность того, что если ты не канадец, то полученную в другой стране степень могут не признать. Однако это уже совершенно другая тема.) После Ph. D. (Philosophy Doctor) других степеней нет. Американцы (в данном случае я имею в виду всех жителей американского континента, к которым относятся и канадцы) считают, что если человек сделал диссертацию и защитил ее, то незачем больше заниматься ерундой и снова тратить время на повтор того же самого. Все, ты свое звание получил, никто у тебя его не отнимет – занимайся делом! Так рассуждают они.

Те же, у кого стоит на визитке «Ph. D.», а потом еще и «Dr.Sc.» – это люди, приехавшие из стран, где принята система, эквивалентная российской. В Америке вообще, и в Канаде в частности, к дополнительному ученому званию относятся как к ненужному излишеству.

Несколько раз я присутствовал на защите докторских диссертаций. Вот одна из них, вполне типичная. Состав принимающих – семь человек профессоров. Доклад – тридцать минут. Ни одного плаката – все на экране с компьютера. После этого шли вопросы. Перед каждым профессором лежал экземпляр диссертации (объем и содержание, как и в наших). Каждый по очереди докапывался до мельчайших деталей с открыванием страниц и написанием формул. По времени их никто не ограничивал. В данном случае это занимало от десяти до 35 минут с каждым. Никаких характеристик на соискателя, никаких отзывов, выступлений оппонентов и прочего. Как только все профессора задали свои вопросы по первому разу, начался второй круг. После двух кругов вопросов, когда все профессора остались удовлетворены, выставив за дверь наблюдателей, они вынесли решение. Человек стал доктором. После этого был банкет в ресторане для ближайших сотрудников соискателя. Всего полтора десятка человек. Каждый заказывал сам для себя и сам расплачивался. Централизованно за счет лаборатории (точнее, тех денег, которыми распоряжался научный руководитель, и в которые заложены затраты не только на саму работу, но и на представительские расходы) было куплено только вино, и, кроме того, руководитель соискателя заказал всем по салату. Тостов не было в принципе. Просто посидели, поели, попили и пообщались. В целом все было очень мило. Ни

малейшей финансовой нагрузки на соискателя. И даже подобный банкет, скорее, исключение. В большинстве случаев и такого нет. Собрались – защитился – поздравили – разошлись.

И еще к вопросу о научно-технических контактах. Каждый год по весне я хожу на традиционные выставки по всяким инженерным темам, вроде тех, что у нас проходят (ну, или проходили раньше) на Красной Пресне. Конечно, такого безумного количества народа, как в Москве, здесь нет, поэтому спокойно можно ходить, рассматривать и разговаривать. При входе один раз заполняете форму со своими данными, и вам тут же распечатывают карту с именем и штрих-кодом, которая вешается на грудь. А если вы регистрируетесь заблаговременно через интернет, то карту и вовсе пришлют по почте, да еще и за вход денег не возьмут. Каждый выставочный стенд оснащен сканером, и если посетитель интересуется какой-либо представленной продукцией, с его карты тут же считывают код и сообщают, что через неделю-другую вышлют каталог. И что удивительно – на самом деле присылали! Особенно в период экономического бума в начале нулевых. Тогда, это были бумажные фолианты, коими у меня были забиты все полки. Теперь же бумагу никто не тратит, все в электронном виде. А чаще всего представитель компании и вовсе ограничивается ссылкой на сайт, где всю требуемую информацию и следует искать.

О местных жителях...

Если говорить о местных жителях в Квебеке, то это не канадцы. И даже не индейцы. Это квебекуа! Кто такие – разберемся позже. Пока скажу только одно: что касается национальности в Монреале, то чужим себя здесь не ощущаешь. Ну, или почти не ощущаешь. Здесь просто нет своих! Особенно, если вам доведется побывать в одном из английских университетов. В городе, в магазинах, там, где в основном говорят на французском, вы понимаете, что вы приезжий, и то далеко не везде. В университете этого нет, тем более в английском.

Кстати, на самом деле с языком проблем нет и в городе. Если с вами говорят на французском, то сразу отвечайте собеседнику «Сорри!», и он переходит на английский. Людей, не способных или не желающих объясняться на английском, я в Монреале почти не встречал. Они все прекрасно понимают, что здесь полно иммигрантов и просто приезжих, и что не все говорят на французском. Более того, со временем я узнал, что множество коренных уроженцев Монреаля тоже не говорят по-французски! Поэтому разговоры о том, что в Квебеке с вами по-английски не будут разговаривать – это полная ерунда! По крайней мере, в Монреале. В мелких городах и на периферии это действительно так. Однако даже и в мелких городках квебекской глубинки бывает трудно объясниться совсем не из-за национализма, как это часто пытаются представить «знатоки», а просто потому, что ну не знают они английского, и все тут! Выросли и всю жизнь прожили без него где-нибудь в Шарлевуа и изучать его ради какого-то случайного залетного туриста не собираются. В чем я с ними совершенно солидарен. Хотя следует уточнить, что как раз в туристических центрах провинции по-английски тоже смогут поговорить – как никак, а от этого зависит бизнес! В Монреале же прожить без знания французского – совершенно никаких проблем!

Более того, здесь вообще каждый говорит на своем собственном английском. До такой степени своим, что порой его не сразу и признаешь. Труднее всего понять китайцев. В их языке звуки настолько отличаются от европейских и американских, что частенько речь напоминает неразборчивый лепет двухлетних малышей, которым уже есть что сказать, но которые еще не в силах внятно произнести требуемое. Гораздо лучше даются языки европейцам и североамериканцам. Забавное произношение у испаноязычной публики, которая упорно вместо звука «йе» в словах пытается произнести «же» и твердо рокошет на любом «р».

Кстати, относительной популярностью здесь пользуются и другие языки. К примеру, русский. Очень часто мои собеседники, услышав, что я из России, радостно заявляют: «А я знаю несколько русских слов!» Правда знания их ограничиваются тремя-четырьмя словами, как правило, это «драствуйте», «привьет», «карашо» и, само собой, «водка» (произносимое четко и без ошибок).

Как-то раз, году на четвертом моего пребывания в Монреале, в моем офисе упала полка. Длинная, метра два, она висела на четырех опорах, прикрученных к стене. Из опор торчали вставленные в прорези плоские кронштейны, на которых и покоилась доска. Почти четыре года я нагружал полку многочисленными каталогами по комплекующим и справочниками по проектированию. И, наконец, она не выдержала. В этот самый момент я мыл руки в туалете, чтобы затем расположиться в аккурат под этой полкой со своим обедом. Там я и услышал грохот. Вернувшись в офис, я обнаружил всю свою библиотеку общим весом килограммов под сто, ровным слоем покрывающей пол. Кронштейны под тяжестью кладезя знаний просто-напросто прорезали стальные перемычки опор, тем самым потеряв какую-либо поддержку с их стороны, и выпали из увеличившихся гнезд.

В этот момент в комнате находилась только одна девушка-турчанка, стол которой стоял за моей спиной, у противоположной стены. Она тут же принялась захлеб рассказывать о своих ощущениях, о том, как услышала скрежет металла, увидела медленно сползающие

книги, и, наконец, финальный полет полки со всем содержимым. Девушка была так возбуждена, что поминутно вскакивала, пока я собирал разлетевшиеся каталоги, и, в конце концов, встав напротив оголившейся стены, с чувством начала какую-то фразу, типа: «What a fucking crush...» или что-то вроде этого. Тут она оборвала свою тираду, посмотрела на меня и поинтересовалась: «А как у вас на русском звучит подобная фраза?»

Признаться, меня несколько смутил ее вопрос, хотя здесь оборот «fucking» можно услышать от любого школьника (разве что только в начальной школе детишки еще не взяли его на вооружение). Впрочем, особой фантазии в применении этого словечка никто не проявляет. Кроме этого простого и общеупотребительного слова ничего более интересного ни канадцы, ни американцы выдать не в состоянии. Тем не менее, смущен я или нет, а вопрос задан, ответа ждут и надо что-то отвечать.

Что ж, не я начал первый, решил я про себя, и попытался представить, что бы произнес среднестатистический россиянин, случись подобное у него на глазах. После нескольких секунд размышления я сказал: «Пожалуй, у 90 процентов русских людей в данной ситуации реакция была бы простой, естественной и совершенно очевидной. Она звучала бы так: «Ни х... себе!»

Надо было видеть, как обрадовалась моя собеседница. Она принялась на все лады повторять услышанное и, надо сказать, добилась немалых лингвистических успехов. Когда она, уже сидя в своем кресле и глядя на голую стену, на совершенно чистом русском языке в очередной раз с чувством произнесла: «Ни х... себе!», видимо, вновь живо представив себе произошедшее, у меня возникло полное ощущение, что она выросла в большой и замечательной стране под названием Россия, и ей с рождения приходилось говорить на великом, могучем и богатом русском языке!

Я сам, когда ехал в Канаду, искренне полагал, что начну здесь совершенствовать и углублять свой собственный английский. Выяснилось, что в группе у пригласившего меня профессора уже работали два человека из бывшего СССР. Еще больше оказалось их в других группах. Поэтому на работе мне в основном приходилось общаться по-русски, не считая, конечно, обсуждений текущих дел с шефом. Все остальное время я проводил за компьютером, с которым попрактиковаться в разговорном языке не было совершенно никакой возможности. Дома, разумеется, мы тоже говорим только по-русски. И внерабочие связи сложились на 90% с выходцами из России и стран СНГ.

Неудивительно, что на втором-третьем году пребывания в Монреале я заметил, что моя английская речь не только не улучшилась, а, скорее, наоборот, ухудшилась!

Ну, а во французском и вовсе не было потребности, по крайней мере в первые годы.

Вот именно потому, что не было острой необходимости учить французский, а также из-за отсутствия свободного времени, самоучитель, привезенный из Москвы, так и лежал в течение четырех лет, непрочитанный дальше пятой страницы. Как правило, подобное положение вещей сохраняется до тех пор, пока иммигрант не решит получить какую-либо профессиональную лицензию. А поскольку практически любая профессиональная деятельность в Канаде и, в частности, в Квебеке, лицензируется, то вопрос этот затронет каждого, кто пожелает поработать в этой стране в полном соответствии с полученным в России образованием. Хотя и здесь имеются лазейки: вы можете работать без профессиональной лицензии в частной фирме, но все же поручаемые вам задачи будут несколько отличаться от задач, поставленных перед лицензированным специалистом, с соответствующими отличиями и в зарплате. Этого вопроса я еще коснусь в дальнейшем.

Университеты – особая ипостась, им позволительно кое-что из того, что не могут сделать частные фирмы, да и профессиональные обязанности сотрудников университетов имеют свою специфику. Поскольку научных сотрудников в университетах почти нет, эту нишу занимают в основном студенты и вспомогательно-технический персонал. Этот персонал как раз и укомплектован гражданами Канады, а нечасто встречающаяся исследовательская братия состоит,

как правило, из иммигрантов и редких иностранцев, приехавших в страну по рабочей визе. Студенты же приезжают отовсюду, но больше всего из Китая и других стран Юго-Восточной Азии, а также с Ближнего Востока.

Местные, канадцы, научной деятельностью в университетах предпочитают не заниматься. Во-первых, как уже сказано, найти такое место крайне трудно. Во-вторых, в промышленности квалифицированному специалисту платят существенно больше. Тем более, если он имеет канадский диплом.

Сказать по правде, в Монреале среди многих иммигрантов, особенно русскоязычных, отношение к квебеку (то есть франкоговорящим жителям провинции) порой слегка снисходительное. Некоторые иммигранты считают местных жителей в массе своей менее образованными, среднего интеллекта, не любящими и не умеющими работать. Я лично полагаю, что подобные оценки вызваны лишь спецификой окружения этих новых иммигрантов. Среди моих знакомых квебеку немало высококлассных специалистов. Хотя и по официальной статистике в Квебеке процент безработных среди франкофонов выше, чем среди англофонов, а уровень образования в среднем ниже.

В то же время, по общему мнению моих друзей (да и моему тоже), квебеку более просты в общении, более раскрепощены, с ними приятнее иметь дело как в компании, так и в делах, чем с чопорными и зажатыми англофонами. Как ни крути, а корни – ветреные французы и замороженные англичане – сказываются сильно.

Парад «физкультурников» во время городского праздника

В государственную организацию и даже во многие фирмы в Квебеке, возглавляемые франкофонами, (не только в бюрократическую структуру, даже на техническую должность) можно устроиться только со знанием, как минимум, французского либо обоих – французского и английского – языков. Квалификация претендента играет роль, скажем так, не всегда первостепенную. В фирмах же, открытых иммигрантами, ситуация иная – во многие возьмут не по формальным признакам, а за способность работать. То есть это сильно зависит от того,

кто стоит во главе фирмы: англофон, франкофон или иммигрант. Тем не менее независимо от того, кому принадлежит компания, если работнику приходится много общаться с клиентами, тут уж без французского никуда. Обо всем этом подробнее мы еще поговорим в дальнейшем.

Я уже давно пришел к выводу, что люди везде одинаковы. Со своими привычками, желаниями, страстями, наклонностями, как положительными, так и отрицательными. Поэтому первоначальные мои ожидания встречать здесь на каждом углу мифических акул империализма либо, наоборот, кристально честных и щедрых граждан «свободного цивилизованного мира» очень скоро потерпели полное фиаско. Люди как люди. Как правило, довольно благожелательные друг к другу. Что, в общем-то, несколько отличает канадских обывателей от их российских собратьев. Могут и рубашкой поделиться с ближним. При условии, что рубашка не последняя. Однако встречаются экземпляры, которые, коснись вопрос их собственного кармана, за кровный доллар в случае надобности и горло перегрызут.

В общем, все, как везде.

Воруют в Канаде (и в Квебеке) тоже. В конце 1998 года, незадолго до моего приезда, из университетской лаборатории, в которой я впоследствии работал, стащили два компьютера (что интересно, это были компьютеры фирмы «Sun Microsystems», работавшие на Юниксе – кто знает, тот поймет – и мне было совершенно непонятно, что воры могли с ними делать). Впрочем, компьютеры были застрахованы, так что спустя некоторое время им нашлась соответствующая замена. С повсеместным распространением ноутбуков среди профессоров и студентов, увеличилось и число их краж. Еще лет десять назад я нашел университетскую статистику, согласно которой за год на территории кампуса воруют порядка 100—120 компьютеров.

А около въездов на территорию университета для дежурных стоят будки со шлагбаумами. Один из въездов на выходные закрывают, дежурного нет. Так одно время они даже перекладыны шлагбаумов снимали и убирали, не знаю уж для чего. Может, чтобы тоже не утащили?

Моей семье пришлось сталкиваться здесь с различными ситуациями, причем прямо противоположного толка. В первый раз все было просто и вполне обыденно – забытый сыном в общественном туалете рюкзачок с разными детскими принадлежностями недолго простоял на своем месте, и к моменту нашего возвращения за ним успел бесследно исчезнуть.

Во втором случае отличился уже я. Купив в книжном магазине словарь французского языка в картинках (очень даже недешевый), по дороге домой я зашел в банк, чтобы пообщаться немного с банкоматом. Поскольку общение это – дело весьма ответственное, я поставил пакет с приобретением на полочку рядом с машиной, после чего и занялся делами финансовыми. Не помню сейчас, что уж я там делал, но, видимо, действие это настолько захватило мое внимание, что когда я вышел из банка, пакета в моих руках не было. Он остался стоять на той самой полочке. Спихватился я минут через двадцать, зайдя перед этим в супермаркет и уже почти подходя к дому, по самые уши нагруженный пакетами с продуктами. Мигом развернувшись, я со всем своим грузом почти бегом кинулся назад, к банку. Увы, полочка у банкомата сияла абсолютной чистотой. И пустотой! Послonyaвшись с пяток минут вокруг, безуспешно пытаясь высмотреть свой пакет из книжного магазина в руках у спешащих по домам после трудового дня монреальцев, я ни с чем отправился домой. Надо ли говорить, что настроение у меня было хуже некуда!

Дома я нарисовал на большом листе бумаги объявление, где с завуалированной укоризной призвал «злоумышленника» вернуть словарь ребенку и указал номер своего телефона. Признаться, сделал я это исключительно в целях очистки своей совести, ни на что особенно не рассчитывая. И, как оказалось, зря! Ибо через три дня нам домой позвонила женщина и сообщила, что злополучный словарь находится у нее, и она готова отдать его законному вла-

дельцу. Но удивило меня совсем не это. И даже не то, что словарь ею вовсе не был похищен, а подобран в пустом помещении с целью весьма благородной – уберечь от попадания в чужие руки и вернуть растеряхе. Поразило меня то, сколько усилий ей пришлось затратить, чтобы разыскать пострадавшего, то есть, меня!

Для начала дама, обнаружив пакет возле банкомата, провела около него двадцать минут в ожидании владельца. Никого не дождавшись (похоже, мы разминулись буквально на одну-две минуты), на следующий день она принялась названивать в отделение банка, выясняя, не обращался ли кто к ним в поисках пропажи. Служащая банка, как оказалось, видела мое объявление, а посему сразу же продиктовала номер телефона. Однако, когда женщина набрала указанный номер, на другом конце провода вместо меня ее ждала лишь переливчатая трель факса – данный ей номер оказался неправильным! Терпеливая фея снова позвонила в банк и попросила уточнить телефон. В результате на сей раз ей повезло – на звонок ответила не бездушная машина, а живой мужской голос. Правда, к сожалению, не мой, так как номер опять оказался неверным. Неведомый мужчина доходчиво объяснил, что живет совсем на другом конце острова и уже лет пятнадцать, как не навещался в наш район.

Что ж, и эта неудача не обескуражила энтузиастку. В третий раз позвонив в банк, она настояла, чтобы секретарша, поднявшая трубку, оторвалась, наконец, от стула, вышла на улицу и сверилась с объявлением, украшавшим ближайший столб. Лишь после этого усилия дамы увенчались успехом, а потеря благополучно вернулась к нам. Что, признаться, весьма подняло рейтинг монреальцев в моих глазах.

Однако, как уже говорилось, случаются вещи и прямо противоположные.

– Видишь эти постаменты? – как-то раз спросил меня приятель из местных, указывая на каменные столбы, обрамляющие въезд с улицы к его дому. Я присмотрелся. Столбы как столбы. На одном цементная беленая ваза с цветами, какие стоят во множестве у домов по всему городу. Второй был пуст.

– На этом была такая же ваза! – с возмущением продолжал приятель. – Теперь нет. Украли! Поверить не могу!

Да, Монреаль – город контрастов! Как и Торонто, и Ванкувер, и все остальные города.

И все же в целом народ здесь, как правило, спокойный, неагрессивный.

Даже банки в Канаде грабят чаще всего без шума, стрельбы, жертв. Так, например, как это случилось в конце весны 2003 года в отделении Royal Bank of Canada в Оттаве. В одну из пятниц около полудня в банк зашел белый мужчина средних лет, худощавый, с сединой – в общем, далеко не супермен – и, не размахивая попусту пистолетами, просто передал каски записку с угрозой применить оружие. Было ли у него на самом деле оружие или не было, теперь никто не скажет, однако, получив некоторую сумму наличными, с чувством выполненного долга он спокойно убрался восвояси!

Разборки со стрельбой, как правило, происходят между членами бандитских группировок, таких, например, как квебекское отделение байкеров «Ангелы Ада» (Hell's Angels), которая с 1994 по 2002 годы вела войну против конкурентов из «Рок Машины» (Rock Machine) за уличный наркорынок. За время войны, получившей название «Квебекская война байкеров» (Quebec Biker War), было убито 162 человека, в числе которых оказались и случайные люди, многие получили ранения, более 80 бомб взорвано по всей провинции. После 2002 года «Ангелы Ада» стали самой мощной криминальной группировкой. Попытка властей покончить с ней не увенчалась успехом из-за политических разногласий между правящей Партией Квебека и Либеральной партией, которые не позволили организовать эффективное взаимодействие между федеральной Королевской Конной Полицией (Royal Canadian Mounted Police), Квебекской службой безопасности (Sûreté du Québec) и Монреальской полицией. Лишь в 2009 году после ареста 156 членов банды в Квебеке, Нью Брансуике, во Франции и в Доминикане мощь

группировки была подорвана, а ее лидер Морис Бушер (Maurice Boucher) был осужден на три пожизненных срока за убийства, хотя тем не менее продолжал руководить бандой через свою дочь, которая была связной.

В настоящее время в Монреале действуют как банды, состоящие из выходцев из Италии, Франции, Ирландии и России, так и этнические уличные банды, в которые входят приезжие из Ямайки, Гаити, Шри Ланки и других регионов.

Что касается наркотиков, то последние пятнадцать лет умы многих канадских политиков и особо озабоченных граждан занимал вопрос о легализации марихуаны. Весной 2003 года Канаду охватило всеобщее обсуждение вопроса о необходимости декриминализации хранения и употребления марихуаны, что вызвало явное неудовольствие соседей, США, ведущих с наркотиками непримиримую борьбу. Аргументы сторонников были просты – ну что страшного, если человек немного покурит «травки». Дескать, привыкания к наркотику не наступает, и особо вреда никому нет. Складывалось полное впечатление, что «слуги народа» в Канаде, как и в России, передвигаются исключительно в лимузинах, и им не приходится регулярно сталкиваться на улицах городов с компаниями обкуренных подростков со стеклянными взорами, не отдающими себе отчет в своих действиях, которые даже не вспомнят впоследствии о том, как «весело» погуляли накануне вечером или покатались на автомобиле. А посему те же «слуги народа» выдвинули такой глубокомысленный тезис: незачем наказывать человека за покупку марихуаны и ее употребление. Лучше усилим наказание за ее выращивание, с семи аж до пятнадцати лет! Вот здорово! Вот спасибо сказали организованные бандиты своим избранныкам (ведь бандиты – они тоже граждане Канады и тоже периодически ходят к урнам для голосования).

Да и как не сказать спасибо, ведь они brave ребята, им по большому счету наплевать, семью годами или пятнадцатью угрожает прокурор. У них другое отношение к жизни, иные ценности и другие методы работы. Где надо схвачено, что надо – задействовано. А вот несчастный обыватель, напуганный столь суровым наказанием, как огня будет бояться конопляного росточка в своем огорожке на заднем дворе. В результате никакой конкуренции «романтикам с большой дороги»! Еще раз спасибо за отеческую заботу!

Впрочем, все это был пустой выхлоп. Довольно скоро было легализовано употребление каннабиса в медицинских целях. Казалось бы, больные, и только они, смогут теперь без боязни курить «травку». Ан нет, под это дело и вообще все любители «забить косячок» почувствовали раздолье. Стоило вам попасть на какое-либо «культурно-массовое» мероприятие вроде бесплатного концерта на улицах города в дни джазового фестиваля, вы могли быть уверены – непременно на вас сразу из нескольких мест потянет из толпы смрадом горелого веника. Удовольствие ведь – музыку послушать да «косячок» забить! На свежем-то воздухе!

Ну и наконец, апофеозом борьбы властей за права курильщиков марихуаны стала ее полная и безусловная легализация правительством Трюдо-младшего в 2018 году. Теперь не надо ждать фестивалей: просто гуляя по городу, вы то и дело будете ощущать любимый «аромат», тянувшийся с окрестных балконов или крылец.

Для продажи каннабиса в Квебеке открыли сеть магазинов, формально под эгидой государственной компании по продаже алкоголя, но фактически пока располагающихся в отдельных помещениях. В эти магазины мгновенно выстроились длинные очереди, и по первости торговля пошла с перебоями – не хватало на всех возделенного товара, слишком быстро заканчивался. Однако, нет сомнений: высокоорганизованная машина канадского и квебекского чиновничье-торгового альянса в короткие сроки эту проблему решит, и канадский потребитель «трын-травы» обретет свое счастье в полном достатке.

Кстати, еще лет десять назад в одной из газет я наткнулся на «полезные советы» при покупке дома в пригородах Монреала. Как следовало из заметки, распространившаяся прак-

тика выращивания этого наркотика на дому приводила многие здания в негодность, поскольку жара и влажность, необходимые для урожая, вызывала плесень и гниение деревянных частей. Риэлторы советовали: покупая дом, обратите внимание на подвал. Если он не отделан, окна забиты, на потолках установлены мощные лампы (или остались следы установки таковых), проведено дополнительное водоснабжение, то торопиться с покупкой не стоит. По оценкам профессионалов не менее пяти тысяч домов в окрестностях Монреаля использовались в то время под «сельскохозяйственные угодья». Так что конкуренция у «профессионалов», как видим, действительно была не маленькая.

Но достаточно о криминале. Поговорим о простых людях, которые, кстати, относятся к окружающим гораздо терпимее, чем россияне.

Курильщики, как женщины, так и мужчины, – в Монреале обыденное явление. Слабый пол курит ничуть не меньше, чем сильный. Вообще-то, это еще один миф. О том, что на таком развитом континенте, как Северная Америка, чуть ли не все поголовно ведут здоровый образ жизни, бегают по утрам и испытывают отвращение к табаку. Ничего подобного. Курят в Канаде очень и очень многие. А в Квебеке особенно. Думаю, что никак не меньше, чем в России.

Когда весной 1999-го в космос полетела Жюли Пайетт (Julie Payette) – первый канадский космонавт, ступивший на борт Международной космической станции – по радио прозвучала такая шутка: «Как она полетит в космос? Она же из Квебека. А там наверху – салон для некурящих!»

Кстати, сама Жюли Пайетт, как я уже упоминал ранее, в свое время училась в МакГилле. В 1986 году она получила степень бакалавра, а в отряд космонавтов ее зачислили в 1992 году.

Жюли Пайетт на встрече со студентами университета МакГилл

В университете существует стипендия имени Жюли Пайетт. Забавно, но современная Канада в этом смысле недалеко ушла от СССР середины прошлого века, когда стипендиям, премиям, заводам, паркам и кораблям присуждались имена известных людей при их жизни. Недалеко от Торонто имеется парк имени еще одной национальной канадской знаменитости – хоккеиста Уэйна Гретцки (Wayne Gretzky). Он, безусловно, заслуживает почета и уважения земляков, но все же как-то это кажется не очень политически корректным в современной до болезненности политкорректной Канаде!

На самом деле традиция прославлять самих себя при жизни достаточно распространена среди тех, кто жертвует деньги на благое дело, например, на строительство нового корпуса университета или открытие новой оснащенной по последнему слову техники лаборатории, или на новое оборудование в госпитале и т. д. Каждый университетский корпус или библиотека носит чье-либо имя, вы можете обнаружить множество учебных аудиторий имени того или иного человека. Многие из этих имен принадлежат людям вполне здоровым и процветающим.

Да собственно и сам университет МакГилл назван в честь филантропа, почти 200 лет назад пожертвовавшего деньги на открытие нового колледжа и строительство его здания.

Здесь, пожалуй, уместно привести пример прямо противоположный. Но относится он не к Канаде, а к другой стране – Китаю. Как известно, в 2003 году китайская космонавтика добилась исторического успеха: на орбите побывал ее первый представитель. Естественно, в честь столь знаменательного события в Поднебесной были выпущены памятные марки, увековечившие это достижение в коллекциях филателистов. Буклеты с марками и восторженным текстом, отпечатанные в Китае, продавались в том числе и в Канаде. Текст в них был на трех языках – китайском, испанском и английском. Мне трудно судить о том, о чем говорили иероглифы, но на английском все было достаточно ясно: великое достижение китайского народа... тысячелетняя мечта... гордость космической технологии... Указывались и имена художников-дизайнеров – тех, кто подготовил марки к печати. Но вот что поразило меня до глубины души – нигде, ни на одной странице, даже мельчайшими буквами не было упомянуто имя самого первого космонавта! Достижение народа – и никакого конкретного человека, совершившего сей исторический подвиг!

Конечно, это могло стать результатом случайной ошибки, недогляда. Но мне лично не очень верится в простое упущение издателя. Слишком уж высок уровень представительства, слишком значительное событие. И, наверняка, макет буклета проверялся не раз и утверждался не одним человеком. Очень вероятно, что первый китайский космонавт стал безымянным с определенной целью – показать, что в китайском обществе каждый его член – всего лишь песчинка в громадном образовании под названием государство, где нет места достижениям отдельной личности, а общественное всегда выше любой частности. Само собой, в Канаде, где уважение к каждой отдельной личности и ее заслугам есть незыблемый закон, такое даже трудно себе представить. Впрочем, я полагаю, как и в большинстве других стран на нашей планете.

И еще об уважении канадцев друг к другу. Здесь совершенно искренне заботятся об инвалидах. И дорожки для них прокладывают, и специальные автоматические двери делают, места для автостоянок бронируют (обычный водитель, не вздумай и занять такое место, даже если все вокруг будет забито машинами – штраф и эвакуация автотранспорта обеспечены!), спецтранспорт для тех, кто не может пользоваться общественным, организуют. Все тротуары на каждом перекрестке обязательно имеют плавные съезды для колясок – детских и инвалидов. Я уже не говорю о специальных пандусах у подъездов, автобусах с подъемниками, лифтах, туалетах и прочих приспособлениях для инвалидов.

Одним словом – гуманисты!

Но и на старуху бывает проруха! В конце августа 2000 года по радио и телевидению прошел сюжет – пожилую женщину-инвалида ЗАБЫЛИ в одном из таких спецавтобусов. А автобус тем временем поставили на спецстоянку, и дама провела в нем двое суток!

Может показаться, что лишь на нетрезвую голову можно выкинуть такой фортель! Однако я готов биться об заклад – водитель был трезв! Просто водители автобусов – это особая категория людей, о которых речь еще впереди.

Он сказал: «Поехали!..»

Раз уж в предыдущей главе я заговорил о китайском космонавте, то почему бы не использовать этот повод, чтобы поговорить и о канадской космонавтике?

Лет пятнадцать назад мне попал в руки буклет Канадского космического агентства (Canadian Space Agency), где не без гордости сообщалось, что «Канадское космическое агентство находится в числе пяти крупнейших космических агентств мира!» Помнится, тогда это заявление вызвало у меня легкую улыбку, поскольку на тот момент в мире имелось не так много космических агентств, и для их пересчета вполне хватило бы пальцев рук. Да их и сейчас не многим больше.

Но все же, «Канада заслужила свое место в космосе опытом, идеями и новаторством!» – писал Марк Гарно (Marc Garneau), первый канадский космонавт, до 2006 года президент Агентства, а ныне министр транспорта Канады. И у него были для этого все основания – космической программе Канады на тот момент было более сорока лет (а сейчас уже почти 60!). С начала программы на борту американских космических челноков в космосе побывали восемь представителей страны кленового листа – больше, чем в любой другой стране, за исключением, разумеется, самих США и России. Однако в космических полетах и исследованиях Канада не просто гость своего большого соседа, а его равноправный партнер: космические челноки американцев оснащены знаменитым канадским роботом-манипулятором Канадарм (Canadarm).

Канада вступила в космический век в 1962 году с запуском искусственного спутника «Алуэтт-1» («Alouette-1»), что в переводе с французского означает «жаворонок». «Жаворонок» оказался первой космической птичкой, взлетевшей со стартовой площадки третьей страны, то есть не с мыса Канаверал и не с Байконура. Успех этого полета заложил основу для развития всей космической программы. Вслед за этим достижением последовали другие, в основном в области коммуникаций.

Через десять лет после полета «Жаворонка» Канада стала первой страной, выведшей в космос на геостационарную орбиту спутник связи для своих внутренних нужд. А в наши дни Канада лидирует в таких областях космических исследований, как спутниковая связь, наблюдение за земной поверхностью и космическая робототехника.

Канадское космическое агентство совместно с несколькими частными компаниями участвует в программе, в которой предусматривается выполнение инвентаризации и классификации затопляемых и заболоченных земель, что должно стать основой для системы экологического наблюдения за такими регионами по всей Северной Америке.

Канадское космическое агентство

Агентство было создано в 1989 году, и главной задачей его стала координация космических исследований, технологий и программы полетов. За шесть лет до этого, в 1983 году, по приглашению из НАСА (NASA) для полетов на американских шаттлах отобрали первых канадских астронавтов. В 1992 году к этой команде из шести человек присоединились новые кандидаты, на сегодняшний день из всей группы в космосе побывали уже девять человек.

Первый канадец, полетевший в космос, Марк Гарно, с которого и начался рассказ о канадской космонавтике, совершил три полета, проведя на орбите в общей сложности 677 часов. Он летал на «Челленджере» («Challenger») в 1984 году и на «Эндеворе» («Endeavour») в 1996 и 2000 годах.

Вообще-то, поскольку речь идет о первых шагах канадцев в космосе, почти ко всем астронавтам в той или иной степени можно применить слово «впервые». К примеру, доктор медицины Роберта Бондар (Roberta Bondar) стала первым нейробиологом и первой канадкой в космосе, полетев в 1992 году на «Дискавери» («Discovery»).

Стив МакЛин (Steve MacLean) летал на «Колумбии» («Columbia») в 1992-м и тестировал во время полета Канадскую систему космического зрения – компьютеризованный глаз для робототехнических систем типа «руки Канадарм».

Инженер и пилот-испытатель Крис Хадфилд (Chris Hadfield) – первый и единственный канадец, которому довелось побывать на Российской космической станции «Мир», когда в 1995 году с ней состыковался космический челнок «Атлантис» («Atlantis»). Он летал также на «Эндеворе» в 2001 году и стал первым канадским астронавтом, вышедшим в открытый космос во время установки механической руки Канадарм-2 на Международной космической станции (МКС). Позже он работал в Звездном городке в России в качестве офицера связи НАСА. До 2019 года Хадфилду принадлежал рекорд пребывания в космосе на МКС (среди канадцев): пять месяцев с 19 декабря 2012 года до 13 мая 2013 года.

Семнадцатидневная космическая миссия Роберта Тирска (Robert Thirsk), летавшего в 1996 году на «Колумбии», долгое время являлась самым длительным периодом пребывания канадских астронавтов на орбите. Его исследования, а также эксперименты, проведенные впоследствии астронавтами Бьярни Триггвасоном (Bjarni Triggvason) в 1997 году на «Дискавери»

и Дейвом Уильямсом (Dave Williams) в 1998 году на «Колумбии», были посвящены проблемам микрогравитации и ее влиянию на живые существа и различные физические явления.

Уже знакомая читателю Жюли Пайетт, слетавшая в 1999 году на «Дискавери» на десять дней в космос, стала, как я уже упоминал, первым канадским астронавтом, ступившим на борт МКС, а теперь она является Генерал-Губернатором Канады, официальным представителем английской королевы в Канаде.

И, наконец, 24 июня 2019 года из космоса вернулся астронавт Давид Сен-Жак (David Saint-Jacques), отправившийся на МКС 3 декабря 2018 года. Его миссия на орбите длилась 204 дня, то есть он побил предыдущий, 146-дневный, рекорд Криса Хадфилда.

Для тренировок астронавтов и персонала по управлению полетами в штаб-квартире космического агентства, расположенной поблизости от Монреаля, в Сан-Юбере (Saint-Hubert), построен Операционный комплекс «Системы мобильного обслуживания». В его состав входят центры поддержки космических операций, технических средств моделирования систем мобильного обслуживания, симулятор операционной кинематики и тренировочное оборудование для систем мобильного обслуживания. Каждый из этих объектов играет уникальную роль в планировании и управлении миссией космической станции, а также в тренировках операторов по управлению и обслуживанию системы дистанционного манипулирования МКС. Космическая часть «Системы мобильного обслуживания» включает в себя систему дистанционного манипулирования Канадарм-2 – сложную космическую «руку», а также мобильную дистанционную систему базового обслуживания – специальную платформу для поддержки манипулятора Канадарм-2. Что интересно, сам Канадарм-2 спроектирован таким образом, что может по мере надобности перемещаться вокруг станции по ее периметру. При этом основание «руки» и ее свободный конец попеременно меняются местами, то есть свободный конец прикрепляется к станции и становится опорой, а противоположная часть, которая до того служила опорой манипулятора, превращается в рабочий орган, работающий с объектами.

Первый манипулятор Канадарм появился в космосе из грузового отсека «Колумбии» 13 ноября 1981 года. В настоящее время семейство канадских манипуляторов насчитывает четыре Канадарма, включая установленный на МКС Канадарм-2. Пятый Канадарм погиб в 1986 году во время катастрофы «Челленджера». Все «космические руки» были разработаны и изготовлены в отделении крупной канадской корпорации MD Robotics (ныне MDA Corporation), расположенном в Онтарио, в районе Большого Торонто.

Кроме того, Канадским космическим агентством разработан быстрый манипулятор специального назначения (Special Purpose Dexterous Manipulator, или SPDM) – двурукий робот, работающий на МКС совместно с Канадарм-2. Оба гигантских манипулятора, Канадарм и Канадарм-2, используются для сборки и обслуживания станции, а SPDM может присоединяться к Канадарм-2 и манипулировать хрупкими объектами, такими, например, как солнечные батареи.

Еще один проект Агентства – Канадская система космического зрения – та самая, первые испытания которой провел Стив МакЛин, и которую астронавты используют для обеспечения работы Канадарм-2 с крупногабаритными объектами.

В целом же, «Система мобильного обслуживания» помогает астронавтам сократить время их пребывания вне космической станции, в открытом космосе.

Строительство самой станции, этого воплощения новейшей науки и технологии, расположенной в 400 километрах над поверхностью Земли, началось в ноябре 1998 года с запуском российского модуля «Заря». Первая сборочная операция прошла в декабре того же года, когда «Заря» и американский модуль «Юнити» («Unity») – «Единство» – успешно состыковались, образовав на орбите настоящую космическую станцию. Затем появился первый внешний элемент структуры, солнечная батарея, доставленная на орбиту во время третьего полета Марка Гарно. Всего же до завершения этого проекта потребовалось осуществить более 40 запусков

космических челноков, а также российских «Протонов» и «Союзов». В полной сборке Международная космическая станция весит 450 тонн.

Как это часто бывает, на путях технического прогресса, параллельно с официальной программой освоения космоса, идет и другая программа – любительская. Как сообщили еще в июне 2003 года канадские газеты, четверо друзей-инженеров из Калгари благополучно осуществили запуск созданной ими ракеты по конструкции, дублирующей французский метеорологический аппарат «Dauphin». Пятиметровая ракета диаметром в 54 см и весом в 136 кг достигла высоты примерно 1700 метров. Затем она, как и планировалось, разделилась на две части и пошла вниз. Спуск осуществлялся на парашютах, однако раскрылись только три из четырех, что, впрочем, не помешало ракете приземлиться вертикально, как и было задумано. Таким образом, восемь месяцев работы увенчались практически полным успехом.

Но с 2003 года много утекло воды. Сегодня, как известно, космические разработки перекочевали в большой степени в частные компании. Илон Маск (Space X) и Джефф Безос (Blue Origin) у всех на слуху, не считая еще более десятка европейских, американских и японских компаний. Но самое интересное, что практически во всех крупных и средних университетах Северной Америки, да и во многих университетах мира существуют студенческие группы, работающие над созданием ракет, способных подниматься на высоту 30 тысяч футов, то есть почти 10 километров, а затем спускаться на землю на парашюте. Проектирование и изготовление осуществляется в рамках учебного процесса на инженерных специальностях (наряду со множеством других проектов), а затем ракеты демонстрируются на ежегодных студенческих соревнованиях, в которых принимают участие команды из более 120 университетов США, Канады, Швейцарии, Южной Кореи и других стран.

Пожалуй, было бы несправедливо не рассказать в этой главе еще об одном представителе канадской науки и технологии, который в поисках способов выхода в открытый космос пошел весьма нетрадиционным путем. Речь идет об инженере Джералде Булле (Gerald Bull), для широкой публики и по сей день остающемся практически неизвестным. До своей гибели в 1990 году он успел воплотить в жизнь немало оригинальных разработок, которые в конце концов его и погубили. Мистер Булл был весьма неординарной личностью, и именно эта неординарность заставила его встать на роковой путь – сначала разрыв с родной Канадой, затем американская тюрьма и, наконец, гибель от рук агентов израильских спецслужб. Начиналось же все достаточно обычно. Родился Булл в 1928 году в городке Норт Бэй (North Bay) в Онтарио, после смерти матери и ухода отца остался на попечении тетушки. Талантливый парень, школу он окончил с отличием, а в возрасте 23 лет получил докторскую степень в Университете Торонто (University of Toronto). Сразу же после этого он связался с Канадским департаментом по вооружениям и развитию исследований (Canadian Armament and Research Development Establishment) – центром мирового класса по исследованию вооружений, куда в предшествовавшие годы передавались из Британии все военные технологии с целью сохранения их подальше от рук германских нацистов.

После окончания Второй мировой войны Департамент активно занимался проблемами сверхзвуковой аэродинамики применительно к сверхзвуковым самолетам и ракетам. Сверхзвуковые аэродинамические трубы были дороги, но Булл предложил другой подход: вместо того, чтобы гонять со сверхзвуковой скоростью воздух вокруг модели, разогнать до такой скорости саму модель. Звучало утопично, но решение оказалось простым – модель, упакованная в деревянную оболочку, заряжалась в ствол пушки, после выстрела из которой оболочка отлетала, а сама модель продолжала свободный полет с требуемой скоростью. Модель снабжалась специальным устройством, которое и записывало во время испытания все требуемые параметры. На ранних этапах тестов с ракетами схема работала просто великолепно, но затем авиацион-

ные технологии, разработанные в Советском Союзе, резко вырвались вперед, и проект, став неконкурентоспособным, закрылся.

К тому времени Булл достиг достаточно высокого положения – несмотря на свою молодость (ему исполнился всего 31 год), он стал главой Отдела аэрофизики Департамента и фактически ведущим специалистом Канады по аэродинамике. Как истинный ученый, он питал неприязнь к чиновникам, и те платили ему взаимностью. Не очень стеснявшийся в выражениях во время публичных выступлений, вскоре он приобрел немалое количество недругов во властных структурах и через два года покинул пост главы Отдела, перейдя на профессорскую должность в университете МакГилла, а заодно занимаясь консультационной работой.

В 1961 году ему удалось убедить некоторых влиятельных людей в Вашингтоне о перспективности использования больших орудий, как для испытаний головных частей ракет при их выходе на орбиту, так и непосредственно в качестве средства регулярного вывода объектов в космос. Получив деньги от Пентагона и Министерства обороны Канады, Булл начал работу в университете МакГилла над проектом по изучению баллистики больших высот и орудий, носившим официальное название «Проект высотных исследований» (High Altitude Research Project, HARP). Он приобрел значительный участок земли на границе Квебека и американского штата Вермонт, где оборудовал испытательный полигон. Однако тестирование проходило в основном в аэродинамических трубах, так как для свободного полета пространства было недостаточно. Вскоре для проведения испытаний в свободном полете он купил землю на Барбадосе, откуда можно было запускать снаряды над Атлантикой, к востоку от острова. Здесь он установил старое корабельное орудие калибра 40 сантиметров, длина ствола которого составляла 20 метров, а вес – 125 тонн. Булл удлинил ствол до 36 метров и разработал рецептуру специального бездымного пороха. Модернизированное орудие могло выстреливать 180-килограммовые снаряды с начальной скоростью 3600 метров в секунду, что более чем в десять раз превышало скорость звука в воздухе и представляло собой третью космическую скорость. Удавалось достигать высоты 180 километров! И хотя подобная высота еще не была земной орбитой, а скорости в 3600 метров в секунду было недостаточно для вывода на орбиту объекта, испытания доказали, что в принципе это возможно. Цена же проекта, составившая десять миллионов американских долларов, не шла ни в какое сравнение с прожорливыми ракетными разработками.

Однако перейти к более серьезным испытаниям ему не дали. Недруги Булла в Оттаве обвинили его в необоснованном раздувании результатов экспериментов, несостоятельности идей, но, главное, в том, что весь проект служил лишь прикрытием военных изысканий Пентагона. Вьетнамская война, очень непопулярная среди канадцев, была в разгаре, и это бросало тень на все, где были замешаны американские военные. В результате финансирование проекта в 1967 году было заморожено, еще до того, как инженерам и ученым удалось вывести хотя бы один искусственный объект на околоземную орбиту. Булл стал «вольным художником», полностью перейдя на работу по заказам и консультации. Что интересно, по своим убеждениям он никогда не был милитаристом. Он не служил в армии, и даже своего личного оружия у него никогда не было. Он просто занимался тем, что ему нравилось больше всего.

Булл давал консультации всем подряд, но, когда он стал работать на Южную Африку, у него начались проблемы. Дело в том, что в то время – в середине 70-х – Южная Африка увязла в ангольской кампании. Коммунистическое правительство Анголы, при поддержке кубинских войск и советской артиллерии, наносило сокрушительные удары по южноафриканским войскам. Булл основал частную компанию «Корпорацию космических исследований Квебека» и при скрытой поддержке ЦРУ помог южноафриканцам разработать 155-миллиметровую гаубицу с дальностью стрельбы, на 50% превышавшей возможности всего, что только существовало в то время в мире. Он продал им стволы орудий и тысячи снарядов, с помощью которых в конце концов удалось остановить натиск ангольских войск. Однако с прихо-

дом к власти в США Картера Южная Африка потеряла американскую поддержку. Булл был арестован за нарушение оружейного эмбарго ООН и после обвинения в незаконной торговле оружием в 1980 году был приговорен к шести месяцам тюрьмы. Приговор сломил его. Он разрушил его репутацию, лишил исследовательской базы в Квебеке и развалил его собственную компанию. Булл уехал из Канады и поселился в Брюсселе. Живя в Бельгии, он не отказывался ни от какой работы и, в конце концов, связался с Китаем и Ираком.

Ирак в то время вел свою войну – с Ираном. Иракские власти закупили сотни гаубиц Булла у Южной Африки и Австрии. Оружие оказалось особенно разрушительным на равнинах приграничных районов между Ираком и Ираном, где невозможно было найти укрытия от смертоносных осколков. Это произвело настолько сильное впечатление на командование иракской армии, что они решили нанять ученого непосредственно.

И вот тут-то в центре внимания и оказалась суперпушка. Булл убедил работодателей, что единственным способом попасть в ряды сверхдержав для Ирака будет запуск своих собственных спутников. Израиль к тому времени уже проделал это. Суперпушка могла бы стать дешевым и впечатляющим средством запуска объектов на орбиту. Идеи известного фантаста начала XX века Жюль Верна оказались как никогда близки к реализации. Булл назвал проект «Вавилон» («Babylon»). В 1981 году правительство Ирака выделило Буллу 25 миллионов долларов, чтобы он мог начать работу по созданию космической пушки, с условием, что он продолжит работы по развитию традиционной артиллерии для армии Ирака.

Проект «Вавилон» включал в себя создание двух прототипов. Сначала предполагалось изготовить уменьшенный вариант суперпушки калибром 350 мм. В 1989 году этот прототип, получивший название «Крошка Вавилон» (Baby Babylon), с длиной ствола 45 метров, был установлен на склоне холма, и начались его испытания. Этот уменьшенный вариант орудия мог посылать снаряд на 750 километров.

Вторая версия суперпушки калибром 1000 мм под названием «Большой Вавилон» должна была иметь длину ствола 156 метров и один метр в диаметре. В казенной части толщина стенок ствола составила бы 30 сантиметров, а общий вес пушки должен был достичь 2100 тонн. Было решено смонтировать ее на склоне холма под углом 45 градусов. По расчетам Булла, используя девять тонн ракетного топлива, суперпушка «Большой Вавилон» могла послать 600-килограммовый снаряд на расстояние в тысячу километров, что позволило бы обстреливать Кувейт и Иран из глубины территории Ирака.

Из «космического» варианта такой пушки можно было бы отправить на орбиту 200-килограммовый спутник с помощью снаряда, выполняющего роль ракеты-носителя и имеющего вес 2000 килограммов. Стоимость пуска составляла бы примерно 1727 долларов за килограмм в сегодняшних ценах. Для сравнения, запуск спутника с помощью традиционной ракеты в то время обходился в 22 тысячи долларов за килограмм.

Однако это была бы конструкция, которую вряд ли можно было бы легко перемещать с одного места на другое. Таким образом, один единственный авианалет мог бы легко вывести орудие из строя. А поскольку Израиль уже один раз бомбил иракский ядерный реактор в 1981 году, то не было никаких сомнений, что он проделал бы то же самое снова, если бы почувствовал хоть какую-то угрозу.

Булл ясно отдавал себе в этом отчет, поэтому вкратце проинформировал Моссад о сущности проекта. Он также поставил в известность британскую службу разведки МИ-8. Однако, памятуя о печальном опыте общения с Соединенными Штатами, в детали он не посвятил никого. Даже своей семье он почти ничего не рассказывал, полагая, что они не одобряют его действия.

В обмен на поддержку проекта суперпушки Ирак потребовал, чтобы Булл помог им в разработке многоступенчатой ракеты, которую они пытались собрать из компонентов реактивной

системы СКАД, на что Булл был вынужден согласиться и проделал большую часть расчетов для ее головной части.

Это-то его и погубило. Хотя у Израиля и не было особых причин волноваться из-за суперпушки, иракские ракеты представляли для него реальную угрозу. По другой версии, Иран тоже был крайне заинтересован в прекращении этих работ. Булл получил несколько предупреждений. В его квартиру неоднократно вламывались, ничего при этом не забирая, но оставляя явные следы, демонстрируя, что в доме были незваные гости. В конце концов, в марте 1990 года Булл был убит возле своей квартиры пятью выстрелами в спину и затылок.

Лишившись своей главной движущей силы, проект «Вавилон» сразу же развалился. Слишком многие его детали Булл хранил исключительно у себя в голове. Спустя три недели после убийства британская таможня изъяла детали ствола пушки, изготовленные в Шеффилде некой иностранной компанией, которой поручили их производство под видом нефтехимических труб. Компания Булла немедленно закрылась, а ее служащие разбежались, кое-кто вернулся в Канаду.

Со смертью ученого иракский космический проект так и не вышел за рамки начальных испытаний, а Канада лишилась возможности стать лидером в воплощении мечты автора всемирно известного романа «Из пушки на Луну».

«О сколько нам открытий чудных...»

Поскольку в предыдущей главе зашла речь о научно-технических достижениях канадских инженеров, то я решил, что будет уместно рассказать читателю еще об одном уникальном инженерном проекте. А так как он не относится к теме космических исследований, то я выделил историю в отдельную главу. Речь идет об экспериментальном (и историческом) проекте, в котором Канада принимала участие совместно с Великобританией и США в годы Второй Мировой войны. Проекте настолько необычном, что его авторы дали ему название «Аввакум» (Nabakuk) по имени ветхозаветного пророка, сказавшего: «Смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам».

И действительно, трудно было бы поверить в эту историю, если бы она не была и в самом деле реальной.

Дело происходило в первой половине Второй Мировой войны. Как известно, в то время через Северную Атлантику пролегли пути морского снабжения из Канады и США в Великобританию и СССР, по которым непрерывным потоком шли десятки и сотни кораблей союзных государств с грузами, поставляемыми по ленд-лизу. Давалось это большой кровью, поскольку в середине Атлантики, вне досягаемости наземных самолетов, находился район, известный как Среднеатлантический разрыв или Аллея подводных лодок. Если возле берега конвои могли быть защищены с воздуха, то в открытом океане германские подлодки чувствовали себя вольготно. В результате в 1942 году союзные войска потеряли значительную часть своего торгового флота. Дальность действия авиации была недостаточной, а авианосцев для обеспечения более короткой дальности полета не хватало. Кроме того, в активной разработке находились планы по высадке союзнических войск в Европе, в процессе чего было высказано мнение, что для оказания помощи десантным войскам необходимы большие плавучие платформы.

Однако в 1942 году промышленность производило огромное количество танков, артиллерийских орудий, кораблей и самолетов, на что уходили все дефицитные материалы, и особенно сталь. Авианосцы, действительно, были очень нужны, но, к сожалению, все верфи и металлурги были заняты изготовлением кораблей, на что тратились все имевшиеся в наличии ресурсы.

Однако если бы союзники имели возможность обзавестись «плавучими аэродромами», то, по мнению Черчилля, «мы могли бы заправлять наши истребители в пределах досягаемости ими противника и, таким образом, усиливать нашу авиацию в нужном месте и в решающий момент». Когда он обсуждал эту проблему со своим помощником лордом Луи Маунтбэттенем (Louis Mountbatten), у них была в том числе и идея создавать плавающие аэродромы путем срезания верхних частей айсбергов, тем самым формируя палубы и зоны посадки. Немцы могли обстреливать, бомбить и торпедировать айсберг весь день без шансов потопить его. И что было лучше всего, так это то, что лед был «бесплатным».

Лорд Луи Маунтбэттен занимал должность начальника объединенных операций, и частью работы этого отдела была разработка технологий и оборудования для наступательных операций. И вот в один прекрасный день в кабинете лорда появился человек по имени Джеффри Пайк (Geoffrey Pyke).

Когда-то лондонская «Таймс» объявила Джеффри Пайка «одной из самых оригинальных, хотя и непризнанных фигур нынешнего века». Его карьера началась в 1914 году, когда он, будучи студентом Кембриджского университета, был принят на работу в качестве иностранного корреспондента и проник в военную Германию с помощью поддельного паспорта. В Гер-

мании Пайка арестовали как шпиона и поместили в концентрационный лагерь, откуда ему удалось бежать и вернуться в Британию, где со временем он занялся финансами и бизнесом. В 1920-х годах он, движимый заботой о качественном образовании собственного сына, практически сумел заложить в Британии основы прогрессивного начального образования путем финансирования своей собственной школы, средства на которую получал, управляя фьючерсными рынками и контролируя четверть мировых поставок олова. В 1929 году Пайк потерпел финансовый крах, что не помешало ему в послевоенные годы проявить недожинные организационные таланты, участвуя в создании и развитии Национальной службы здравоохранения.

Во время Второй Мировой войны Пайк появился в кабинете начальника объединенных операций и уверенно заявил: «Я нужен вам, потому что я человек, который думает». А думал Пайк в тот момент о том, чтобы строить корабли из льда. Идея казалась беспроектной: поскольку лед непотопляем, корабли из айсберга были бы неуязвимы для бомбовых и торпедных атак. Их также было бы легко чинить, так как воду следовало лишь заливать в емкости нужной формы и замораживать, тем самым восстанавливая целостность корабля. Тем более, что вокруг целые моря сырья для ремонта. Впрочем неясно, задумывался ли Пайк о том, что для замораживания морской воды нужна более низкая температура, чем для пресной. Но, как бы то ни было, изобретатель полагал, что обходились бы такие авианосцы дешево и их можно было бы «наморозить» большое количество.

Возможные размеры таких кораблей также впечатляли: они могли бы быть в длину до 4000 футов (1220 метров), ширину 600 футов (183 метра) и глубину 130 футов (40 метров). Пайк представлял себе корабли, огромные и прочные, как айсберги, с толщиной бортов в десятки, а то и сотни метров, от которых снаряды и торпеды отскакивали бы, практически не причиняя кораблю никакого вреда. Кроме того, Пайк считал, что в бою ледяные корабли могли эффективно использовать свои бортовые холодильные системы, разбрызгивая переохлажденную воду на вражеские корабли, замораживая их люки, закупоривая оружие и замораживая несчастных моряков до смерти.

Идея Пайка была представлена Маунтбэттену Черчиллю в декабре 1942 года и принята на ура. Однако существовала проблема, которую следовало решить. Лед был слишком хрупким и, прежде всего, он непредсказуем. Отлитый в балку, лед разрушается при нагрузках от 5 до 35 килограммов на квадратный сантиметр, и поэтому он не подходит для запланированного строительства. Пайк предположил, что добавление в лед какого-то строительного материала сможет решить проблему. В 1943 году бывший австрийский профессор физической химии, а в описываемое время профессор Бруклинского Политехнического Института, Герман Марк (Herman Mark) и его ассистент Вальтер Хохенштейн (Walter P. Hohenstein) обнаружили, что лед, изготовленный из смеси воды и древесного волокна, образует очень прочную структуру, практически такую же прочную как бетон. Механическая прочность замороженной суспензии, содержащей 14% древесной массы, достигает 70 килограммов на квадратный сантиметр. Пуля калибра 7.69 мм при выстреле в чистый лед проникает на глубину около 36 сантиметров. Выстреленная в смесь, она уйдет менее чем на половину этого расстояния, то есть столько же сколько и пуля, выпущенная в кирпичную кладку. В то же время замороженную суспензию можно легко формировать в блоки и затем обрабатывать их. Более того, полученный материал тает намного дольше, чем чистый лед, за счет более низкой теплопроводности частиц древесины.

Этот материал был назван в честь Пайка – пайкрет (Pukrete) и с ним стали работать как с потенциальным материалом для «ледяного авианосца». Были изготовлены чертежи судна водоизмещением 1.8 миллиона тонн. Подобный грузовой корабль на основе пайкрета мог бы заменить восемь грузовых судов класса «Либерти», однако мечта Пайка состояла в том, чтобы

использовать их не в качестве грузовых кораблей, а в качестве авианосцев. Одним из больших недостатков авианосцев всегда было то, что их короткие посадочные поверхности и тесные складские помещения подходили лишь для небольших самолетов со складными крыльями и легкой броней. Но более тяжелые и эффективные истребители, такие как Спитфаер (Spitfire), не были приспособлены для авианосцев, а о бомбардировщиках и вовсе можно было не мечтать. Поэтому Пайк вознамерился построить ледяной гигант, назвав его, как мы уже знаем, «Аввакумом». Его экспериментальный «Аввакум», сложенный из 40-футовых глыб льда, должен был иметь длину 2000 футов (610 метров), ширину 300 футов (91 метр) и толщину стен 40 футов (12 метров), а на его площадях легко разместились бы 200 Спитфаеров. Для сравнения: в то время самым большим кораблем на плаву был океанский лайнер «Queen Mary», весивший 81 000 тонн, то есть в 22 раза меньше, чем «Аввакум».

Разработка проекта шла в обстановке строжайшей секретности одновременно в двух местах. Для производства пайкрета с целью его испытания и усовершенствования Пайк открыл в Лондоне большой мясной магазин с холодильными установками в подвале на Смит-филд-Маркет, недалеко от Собора Святого Павла. Его «продавцами» были замаскированные сотрудники британских спецслужб. Они работали в костюмах с подогревом за защитным экраном, сложенным из массивных замороженных туш.

В то же самое время шло строительство уменьшенной модели масштаба 1:50, которая была разработана для тестирования методов охлаждения и предотвращения таяния. Изначально предполагалось, что для достижения наилучших результатов судно должно было быть построено в Канаде или России, где заморозка может быть произведена естественным путем. В конечном итоге была выбрана Канада, считавшаяся идеальным местом для проведения крупномасштабных испытаний, поскольку зимние условия были необходимы для проверки концепции и методов строительства, в которых в качестве основного материала использовался лед. Кроме того, канадцы обладали богатым опытом в исследованиях физики льда. Официально разбота над проектом была поручена Национальному Совету по Исследованиям Канады (National Research Council of Canada – NRC), правительственной организации, занимающейся координацией и финансированием научных исследований.

В 1943 году в горах Альберты на озере Патриция Национального парка Джаспер началась подготовка к постройке 1000-тонной модели. Озеро Патриция было выбрано из-за хорошей вероятности холодной погоды, а удаленное местоположение обеспечивало секретность проекта. Для изготовления прототипа длиной 60 футов (18 метров), шириной 30 футов (9 метров) и массой 1100 тонн потребовалось 15 человек и два месяца работы. Заморозка проводилась с помощью двигателя мощностью в одну лошадиную силу. Чтобы сохранить секретность, прототип был замаскирован под лодочный ангар на берегу озера. Начальная стоимость постройки оценивалась в 700 тысяч фунтов стерлингов, однако выяснилось, что для решения проблемы текучести материала необходимо использовать дополнительные стальные элементы каркаса, а также изолирующий кожух, что подняло стоимость до двух с половиной миллионов фунтов.

Скалистые Горы Альберты очень популярны среди туристов

Летом 1943 года, когда модель была закончена, возникла необходимость привлечения к проекту американцев, поскольку они были бы необходимы для поставки большого количества стали для судна. До этого момента проект продвигался лишь при сотрудничестве англичан и канадцев. Так как Пайк горячо возражал против подобного шага, а также из-за его прошлых конфликтов с американцами в предыдущих проектах, он был исключен из проекта «Аввакум».

Для демонстрации идеи американцам в августе 1943 года Маунтбэттен привез блок пайкрета на секретное совещание руководителей штабов союзников в отеле «Замок Фронтенак» (Chateau Frontenac), в Квебек-сити. Намереваясь продемонстрировать собравшимся силу пайкрета, Маунтбэттен выложил на стол два блока материала. Сначала он выстрелил из револьвера в кусок обычного льда, который, как и ожидалось, разлетелся вдребезги. Затем он выстрелил в блок пайкрета, однако пуля не пробила блок, а срикошетила и продырявила штанину адмирала флота Эрнеста Кинга. К счастью, обошлось без травм. Тем не менее Маунтбэттен свою точку зрения доказал.

Вскоре Черчилль и Рузвельт пришли к соглашению о том, что необходимо построить самый большой в мире корабль. Однако к тому времени уменьшенная модель судна уже позволила сделать вывод, что для полномасштабного образца (длиной 2000 футов, высотой 190 футов и весом 1,8 миллиона тонн) потребуется более 280 тысяч блоков пайкрета и более 8 тысяч человек в течение восьми месяцев. Совершенно неожиданно «бесплатный» лед перестал быть бесплатным. Более того, образец подтвердил предположения некоторых исследователей, что «ледяной авианосец» в полную величину будет стоить дороже и потребует гораздо большего станочного времени для механообработки, чем весь имеющийся флот обычных авианосцев. Позднее тогдашний президент NRC МакКензи сказал, что британские руководители проекта так боялись Премьер-министра Черчилля, что не решились сразу доложить ему о провале и придержали эту информацию до следующего визита канадцев в Британию.

Американские ВМС также в конце концов пришли к выводу, что «Аввакум» провалился. Одним из аргументов стало то, что гигантское количество стали, необходимое для оборудования, которое должно замораживать пайкрет, оказалось больше, чем потребовалось бы стали для

постройки обычного авианосца. Кроме того, они понимали, что из-за технических проблем ледовые корабли не будут готовы до 1945 года, а к этому времени парк обычных авианосцев будет достаточно большим, чтобы снять потребность в ледовых авианосцах.

Да и вообще, со временем наземные самолеты достигали все больших дальностей благодаря новым конструкциям баков с горючим, число кораблей сопровождения конвоев росло, а США приобретали многочисленные островные базы в Тихом океане – все это способствовало снижению потребности в огромном, дорогом и неповоротливом, плавучем аэродроме.

В конце концов, Черчилль также отказался от проекта, когда понял, что стоимость «авианосца» превысит шесть миллионов фунтов стерлингов.

Хотя канадские инженеры и сумели сохранить модель замороженной в течение всего лета 1943 года, тем не менее в том же году все холодильное оборудование было демонтировано и модель была затоплена. В 1970-х годах ее останки были найдены и изучены, а в 1989 году на берегу озера установили мемориальную доску в память о необычном корабле. Остатки модели и сейчас теперь лежат на дне озера и доступны для спортсменов-дайверов.

На этой истории, однако, не заканчивается мой рассказ о достижениях канадских ученых, инженеров и энтузиастов. Завершить его я хочу кратким напоминанием (а для кого-то это может быть станет и неожиданным открытием) о некоторых замечательных изобретениях, коими мы все привыкли пользоваться и появлением которых мы обязаны именно Канаде.

Ну, например, знает ли читатель о том, что столь известный многим обычный валик для покраски был изобретен в 1940 году в Торонто Норманом Брейки (Norman Breakey), который придумал и изготовил первый экземпляр этого устройства для облегчения покрасочного процесса? Однако автор изобретения умер, не успев запатентовать его и заработать на нем что-либо. Первый же патент на валик был выдан чуть позже американцу Ричарду Крокстону Адамсу (Richard Croxton Adams), который несколько модифицировал изобретение Брейки и, самое главное, был более удачлив в маркетинге и финансировании проекта.

Современные полиэтиленовые мешки для мусора были изобретены в 1950 году в Виннипеге Гарри Василюком (Harry Wasylyk) и Ларри Хансенем (Larry Hansen). Примерно в то же время еще один канадец из Торонто Фрэнк Пломп (Frank Plomp) предложил похожий продукт, поэтому его часто называют соавтором изобретения.

Столь популярный до недавних времен телефонный пейджер был придуман в 1949 году Альфредом Гроссом (Alfred J. Gross) из Торонто. Гросса часто называют пионером беспроводной связи, и ему также приписывают изобретение воки-токи (карманных радиостанций для связи на небольших расстояниях). Часто первенство в этом изобретении он делит с канадцем Дональдом Хингсом (Donald Hings), предложившим идею двухсторонней радиосвязи в 1939 году. За Гроссом также закреплено первенство изобретения беспроводного телефона.

Любите ли вы арахисовое масло? Среднему европейцу этот продукт, возможно, не очень привычен, а вот в североамериканском меню он прописался основательно. И, вопреки распространенному заблуждению, что сей продукт был придуман американским ботаником Джорджем Вашингтоном Карвером (George Washington Carver), можно смело утверждать, что автором арахисового масла является канадский фармаколог Марселлус Гилмор Эдсон (Marcellus Gilmore Edson), предложивший его в 1884 году как альтернативное питание для людей, испытывающих трудности с употреблением твердой пищи.

Дорожной разметкой человечество также обязано Канаде. Сейчас это может кому-то показаться странным, но тем не менее до 1930 года дорожной разметки не существовало вовсе. В 1930 году инженер Джон Миллар (John D. Millar), работавший в Департаменте Транспорта провинции Онтарио, предложил идею разграничительных линий на автодорогах. Первая дорожная разметка появилась на участке шоссе на границе между Онтарио и Квебеком. Через

три года белые дорожные линии были уже стандартом во всей Северной Америке. Со временем двойные, прерывистые, желтые и другие виды линий были добавлены в коллекцию, передавая тем самым самую разную информацию автомобилистам по всему миру.

Первый интернет-поисковик Арчи (Archie) был создан Аланом Эмтажем (Alan Emtage) примерно в 1988 году в университете МакГилла. Устав от ежедневной рутинной ручной процедуры поиска, Эмтаж разработал набор программных инструкций для ночного поиска требуемой информации по FTP-архивам. В 1990 году поисковик был открыт для широкого круга пользователей. Кстати, из моего собственного опыта: я помню, как в конце 80-х нам в лабораторию института машиноведения Академии Наук – тогда еще СССР – передавали длинные распечатки-«простыни» с сотнями названий и аннотаций научных публикаций, присланных из США. Получали мы их из какой-то московской академической структуры, которая была, видимо, подключена к первому кабельному интернет-соединению с Америкой (впрочем, само слово «интернет» я услышал несколько позднее). Так вот, моей задачей было просмотреть все эти сотни названий, выбрать нужные и передать «простыню» с пометками обратно. Через какое-то время приходили копии уже самих выбранных статей. Таким образом и осуществлялся интернет-поиск в то время (до изобретения, предложенного Эмтажем), а я выполнял роль интернет-поисковика для своей лаборатории.

Продолжая тему компьютеров, упомянем и уроженца Альберты Джеймса Гослинга (James Gosling), который, будучи сотрудником калифорнийской компании «Sun Microsystems», вместе со своими коллегами Майком Шериданом (Mike Sheridan) и Патриком Нойтоном (Patrick Naughton) в начале 1990-х годов разработал язык программирования Java, выпустив его первую версию в 1995 году. С тех пор этот язык остается одним из самых используемых языков в области программирования.

АЙМАКС (IMAX) – кто не знает нынче эту кинотехнологию с гигантским экраном и амфитеатром зрительских рядов, круто спускающимся к его подножию! Изобретена эта технология была в 1967 году троицей кинопродюсеров из Канады: Грэмом Фергюсоном (Graeme Ferguson), Романом Кройтором (Roman Kroitor) и Робертом Керром (Robert Kerr). Когда организаторы Международной выставки ЭКСПО'67 обратились к ним с просьбой снять фильм для большого экрана, режиссеры поняли, что им для съемок потребуется принципиально новое оборудование. Снятые ими по заказу фильмы еще не были тем IMAX, который мы знаем сейчас, хотя уже и отличались от стандартной кинопродукции: показывались фильмы одновременно на одиннадцати экранах, а зрители как бы находились в самом центре событий (кстати, примерно в это же время в Москве тоже уже можно было увидеть на ВДНХ так называемые «панорамные» фильмы). Когда же режиссерам три года спустя предложили снять «большеэкранный» фильм уже для ЭКСПО'70 в Японии, для его создания они зарегистрировали новую компанию «Multiscreen Corporation», в финансировании которой приняла участия известная компания «Fuji». Фергюссон, Кройтер и Керр наняли инженера Уильяма Шоу (William Shaw) для помощи в создании специальных камер, необходимых для съемок «максимального изображения» (Image MAXimum – IMAX). «Детеныш тигра» (Tiger Child), показанный на ЭКСПО'70, стал первым в истории кинематографа фильмом, снятым в технике IMAX.

Первый подкожный кардиостимулятор был изготовлен в 1949 году канадским инженером Джоном Хоппсом (John Hopps) в сотрудничестве с двумя кардиохирургами из Торонто Уилфридом Бигелов (Wilfred Bigelow) и Джоном Каллаганом (John Callaghan). Сначала кардиостимулятор использовался при операциях на открытом сердце, а в 1958 году был разработан первый имплантируемый образец. Хотя этот образец успешно выполнял свою функцию, он требовал частой перезарядки, что серьезно ограничивало его практическое применение. Поэтому изобретателем первого «практического» кардиостимулятора считается американец Уилсон Грейтбатч (Wilson Greatbatch), использовавший для своего устройства более долговечную батарею на ртутной и литиево-йодной основе.

Продолжая тему медицинских достижений, нельзя обойти вниманием такую важную вещь как инсулин, который был открыт в 1921 году в Торонто доктором Фредериком Бантингом (Frederick Banting) и в дальнейшем исследован в Университете Торонто самим Бантингом и его сотрудниками Чарльзом Бестом (Charles Best), Джоном Маклеодом (John Macleod) и Бертрамом Коллипом (Bertram Collip). Два года спустя за это открытие Бантинг и Маклеод удостоились Нобелевской премии в области физиологии и медицины.

Закончить тему первенства Канады я хочу удивительным, на мой взгляд, фактом. Оказывается, столь знакомый нам всем баскетбол (а для жителей Соединенных Штатов так и вовсе чуть ли не самая популярная национальная игра) был придуман... канадцем! Джеймс Нейсмит (James Naismith), родившийся в Онтарио и отучившийся в Университете МакГилла в Монреале, изобрел игру в 1891 году, когда работал тренером в спортзале YMCA в Массачусетсе. Он составил книгу правил для нее, а когда позже переехал в Канзас, стал первым тренером по баскетболу в Университете Канзаса.

Пожалуй, на этом я завершу свой обзор канадских достижений в категории «самое первое», хотя следует признать, что список можно еще продолжать и продолжать. Однако пора перейти к следующей важной теме...

Призрак ходит по Квебеку, призрак сепаратизма...

Как-то один канадский юморист заметил: «Мы над своими политиками шутим, американцы своих отстреливают!» Что ж, как известно, в каждой шутке есть доля шутки. Но речь сейчас не об этом. Дело в том, что это высказывание относится не ко всей Канаде, а только к ее англоязычной части. В Квебеке юмористы политику не трогают. И политиков тоже. Очень уж это скользкое дело – шутить над квебекским политическим бомондом. Ведь он и обидеться может, и кто его знает, до чего эта обида доведет! Очень политически некорректно может получиться. Особенно, если окажется задетой национальная гордость.

Кстати, политические убийства в Канаде случались, и самое первое было совершено именно на национальной почве. В апреле 1868 года в Оттаве был застрелен Томас Д'Арси МакГи (Thomas D'Arcy McGee), премьер-министр и поэт, отец конфедерации. Убил его выходец из Ирландии, член радикальной ирландской группировки, в отместку за резкие выступления МакГи против независимости Ирландии. Спустя 137 лет пистолет, из которого застрелили премьер-министра и который с тех пор хранился в семье одного из полицейских, принимавших участие в аресте убийцы, был выставлен на аукционе. Впрочем, Ирландия от Канады далеко, и за прошедшие годы острота вопроса несколько притупилась.

А вот несколько ранее уже была упомянута тема французского национализма в Монреале, точнее его видимого отсутствия, и хотелось бы остановиться на ней чуть подробнее.

Итак, октябрь 2003 года. В Москве разворачивается «Дело Ходорковского», а в Канаде... Точнее, в Квебеке. Здесь Национальная ассамблея Квебека единодушно принимает резолюцию о том, что квебекцы – это нация! Но буквально в те же дни подобная резолюция не прошла в Федеральном парламенте в Оттаве, где ее внесли на голосование в палату общин депутаты от Блока Квебекуа (Bloc Quebecois).

Наверное, старшее поколение еще помнит, что в Конституции СССР застойных времен была провозглашена «единая нация – советский народ». Вот и здесь то же самое: вроде как существует единая нация – канадский народ, ан нет, находятся, понимаешь, бузотеры, которым нейдет, и они все норовят отгородить добропорядочных квебекуа от остальной Канады. Ну и прочей Америки заодно! Причем дебаты в главном законодательном органе страны прошли в его лучших традициях. Если понаблюдать за подобными дискуссиями по телевизору, просто диву даешься – ни дать, ни взять, типичный рынок. Не в смысле – рынок, к которому все последние десятилетия усиленно стремилась российская экономика, а в смысле – банальный базар, где депутаты порой прикладывают неимоверные усилия не для того, чтобы убедить оппонента, а для того, чтобы просто перекричать его! А ежели перекричать слабó, то в ход идут красноречивые жесты! В том числе и самый известный из принятых в Канаде (равно как и во всей Северной Америке) – выставленный вверх средний палец.

Именно этот рукотворный аргумент и был пущен в ход депутатом от Блока Квебекуа Бернаром Бигра, не нашедшим более достойного ответа тогдашнему министру иммиграции Денису Кодерру (Denis Coderre), кстати, будущему мэру Монреала с 2013 по 2017 годы. Тем не менее, взращенные на идеях политкорректности политики все свои телодвижения стремятся осуществлять предельно политкорректно, а посему палец был показан несколько смущенно, так, что сам адресат ничего и не заметил. Лишь дотошные журналисты да некоторые «добродоты» обратили внимание на сей всплеск «красноречия», а посему министр так и остался бы в неведении о степени невоспитанности оппонента, если бы ему не сообщили о намерении обидчика извиниться. Извинения были приняты, а инцидент исчерпан. Тем не менее, резолюция, как уже было сказано, у федералов не прошла, в отличие от законодателей франкоязычной провинции. Однако на самом деле либералы Квебека провели у себя несколько иную формулировку, пытаясь, что называется «и в кресло сесть, и рыбку съесть», а именно, «нация в составе

канадской нации». Причем за резолюцию эту проголосовали не только правящие тогда в Квебеке либералы, но и оппозиция. Удивительное единодушие!

Хотя настолько ли удивительное?

Пожалуй, не очень, если вспомнить, что в октябре исполнилась очередная годовщина «октябрьского кризиса» – попытки сепаратистского переворота в провинции Квебек, кульминация которого как раз и пришлась на первую половину октября 1970 года. Но начиналось все гораздо раньше – задолго до упомянутых событий!

Есть в Монреале станция метро под названием Лионель Гру (Lionel-Groulx). Ничем особенно не примечательная, если не считать того, что это одна из самых больших станций, поскольку является пересадочным узлом между двумя самыми длинными линиями монреальского метро. Однако в данном случае нас интересует не ее функциональная значимость, а название. Ибо носит станция (а также находящаяся неподалеку улица) имя одной из наиболее ярких фигур в истории Квебека.

Лионель-Адольф Гру родился в 1878 году неподалеку от Монреала. Учился в семинарии, в 1903 году стал священником, но собственного прихода так и не получил. Затем учился в Риме, Фрибурге (Fribourg, Switzerland) и Париже, более тридцати лет преподавал историю Канады в Монреальском университете. В 1946 году основал Институт истории французской Америки, был первым редактором журнала «Обзор истории французской Америки». Но главное заключалось не в этом. Лионель Гру оказался горячим сторонником поддержки и развития национального движения в Квебеке. Гру чувствовал необходимость создания образа национального героя, такого, как у французов, имевших столь яркий символ в лице народной героини Жанны Д'Арк. И в этом он всей душой завидовал французам. Гру приложил все силы, чтобы сделать подобного героя из Доллара дез Ормо (Dollard des Ormeaux), отличившегося в битве с ирокезами в местечке Лонг Сол в 1660 году. Считая Доллара героическим примером настоящего квебекского духа, он возвеличил его в нескольких своих книгах.

Хотя политические взгляды Гру склонялись к ультраправым (он восхвалял Муссолини и Салазара), и придерживался он консервативной позиции, труды его вдохновляли самые разные слои квебекских националистов: консерваторов, социалистов, сепаратистов, сторонников простой автономии. В 1950—1952 годах Гру издал многотомный труд по истории Канады, где описывал самобытность ее французской части и постоянную борьбу за выживание против Англии с ее имперскими замашками. В этих книгах и была заложена идеология квебекского национализма. Через десять лет после смерти Лионеля Гру (а это произошло в 1967 году) популярный квебекский политик Рене Левек (Rene Levesque) превратил идеи историка и философа в политический манифест. Вот почему сегодня мы вправе считать Лионеля Гру основоположником квебекского сепаратизма.

Однако, теория теорией, но практические пути ее реализации принимают порой весьма сомнительные формы. В том числе, как это ни прискорбно, форму террора и насилия.

Еще в начале 60-х годов члены экстремистского Фронта освобождения Квебека (Front de Liberation du Quebec) начали кампанию террора, осуществив серию взрывов и захватов заложников. Будучи приверженцами леворадикальной социалистическо-анархической идеологии, террористы планировали совершить силовой переворот в духе колониальных национально-освободительных движений. Одним из руководителей Фронта был бельгийский анархист Жорж Шоэтер. По свидетельствам канадской прессы, как минимум двое членов Фронта прошли в свое время террористическую подготовку в лагерях палестинских спецслужб в Иордании. Причем в качестве главного врага идеологи Фронта рассматривали США и даже планировали взрыв статуи Свободы, однако были вовремя арестованы. В 1966 году активисты

Фронта составили секретную программу действий, целью которой стало разжигание национальной революции путем экспроприации банков, насилия, терактов, похищений политиков.

В течение долгих восьми лет Фронт освобождения Квебека держал в страхе жителей Монреаля: в ход пускались бутылки с «коктейлем Молотова», бомбы в почтовых посылках, мины-ловушки. Мишенями радикалов стали офисы правительственных структур, налоговой службы, почта, средства массовой информации, полиция и так далее. В апреле 1963 года погибла первая жертва террористов – 65-летняя женщина, работавшая ночным сторожем на вербовочном пункте канадской армии. Еще через месяц военный сапер потерял руку и оказался парализованным в результате разминирования десяти почтовых ящиков в одном из престижных районов Монреаля. В течение нескольких недель после этого полиции удалось арестовать лидеров Фронта, что дало ей основание отрапортовать об успешной ликвидации организации. Однако уже в следующем году кровавый счет продолжился. При попытке ограбления членами Фронта оружейного магазина погибли два его сотрудника. В 1969 году террористы перешли к активным действиям с целью спровоцировать кризис, чтобы в условиях неминуемого хаоса захватить власть. В феврале того года в результате взрыва на монреальской бирже 27 человек получили ранения, в сентябре сработало взрывное устройство в доме тогдашнего мэра Монреаля, а в мае следующего (1970) года произошел мощный взрыв в Торговой палате. Еще через два месяца после этого саперам удалось обезвредить самое крупное взрывное устройство весом около 70 килограммов, заложенное в автомобиле на стоянке возле банка в центре города.

В общей сложности за шесть лет в период с 1962 по 1967 год террористами было установлено 35 взрывных устройств, а с 1968 по 1970 год их было уже 50! К осени 1970 года на их счету числились шесть человек погибших и десятки раненых, не считая длинного ряда других серьезных преступлений – ограблений, взломов, поджогов, уничтожения имущества.

В период разгула сепаратистского террора в Квебеке, в 1967 году масла в огонь подлил Шарль де Голль (Charles de Gaulle), бывший в то время президентом Французской Республики. Генерал прибыл в Квебек 23 июля 1967 года с запланированным визитом по приглашению премьер-министра Квебека Даниэля Джонсона (Daniel Johnson) в связи с открытием выставки «Экспо-1967». 24 июля он вышел на балкон Монреальской ратуши в компании с мэром Монреаля Жаном Драпо (Jean Drapeau) поприветствовать собравшихся на площади перед ратушей людей. Никаких речей запланировано не было, однако, вдохновленный энтузиазмом собравшихся горожан, де Голль совершенно неожиданно для всех изъявил желание произнести речь, и остановить его никто не пытался. Речь была короткой, но весьма страстной. В заключении генерал воскликнул «Да здравствует Квебек!» (Vive le Québec!). И после короткой паузы добавил: «Да здравствует свободный Квебек!» (Vive le Québec libre!). Эта речь вызвала не только рев возбужденной толпы, но серьезный международный скандал, вынудив де Голля закончить свой визит раньше запланированного и покинуть Канаду 26 июля. Канадское правительство восприняло речь де Голля как провокацию, отношения между двумя странами были надолго испорчены. А квебекские сепаратисты подхватили лозунг, брошенный генералом, и сделали его своим девизом на многие годы.

Первая полоса «Монреаль Стар» после скандального выступления де Голя

5 октября 1970 года «фронтовики» похитили торгового представителя Великобритании Джеймса Кросса (James Cross) прямо из его дома в престижном районе Монреаля Вестмаунт (Westmount). Они потребовали освобождения 23 «политических» заключенных – осужденных членов Фронта – и возможности беспрепятственно покинуть Канаду. Среди требований похитителей были и другие: выдать агента полиции, действовавшего в рядах террористов; полмиллиона долларов золотом; опубликовать в средствах массовой информации основной документ Фронта под названием «Манифест», где звучали призывы к использованию террористических методов с целью выхода из состава Канады. И на самом деле «Манифест», авторы которого называли себя «группой рабочих», был зачитан по каналу Радио-Канада (Radio-Canada) и опубликован в некоторых газетах.

В «Манифесте» его авторы обосновывали свое «право» экспроприировать собственность крупного бизнеса, в первую очередь финансового, обвиняя последнего в лоббировании совместно с «марионеточным правительством провинции» интересов «иностранных оккупантов» Квебека. По мнению «манифестантов», подобная экспроприация должна была помочь в деле борьбы за освобождение Квебека от «демократии для богатых» и «англо-саксонских капиталистов». Прозвучали обвинения правительства страны в поддержке импорта, ведущего к обогащению верхушки и разорению простых тружеников. Проехались радикалы даже по пиву одной из двух ведущих пивных компаний Канады – «Молсон» («Molson»), обозвав его «собачьим пивом». И в заключение «Манифест» призвал «всех тех, кого оскорбительно именуют несчастными французами-пьяницами, подняться на борьбу по всему Квебеку против врагов свободы и справедливости, всех этих профессиональных жуликов и бандитов – банкиров, бизнесменов, судей, продажных политиков». «Да здравствует свободный Квебек, да здравствует революция в Квебеке!» – концовка объявляла власти беспощадную войну. Поначалу власти Квебека попытались предотвратить кризис мирными средствами. 10 октября министр юстиции провинции пообещал террористам свободный выезд в любую страну мира в обмен на освобождение Кросса. Однако события продолжали стремительно разворачиваться – в тот же день, когда выступил министр, ровно через час после истечения срока ультиматума боевики Фронта похитили министра иммиграции и труда провинции Квебек Пьера Лапорта (Pierre Laporte), который, как и Джеймс Кросс, был захвачен в собственном доме.

Через четыре дня после второго похищения в поддержку террористов выступили некоторые известные и популярные политики-сепаратисты из Квебека, включая будущих премьеров провинции Рене Левека и Жака Паризо (Jacques Parizeau), которые провели пресс-конференцию. На ней они призвали федеральное правительство выполнить требования террористов и освободить 23 членов Фронта освобождения Квебека, осужденных за различные преступления. И несмотря на то, что в те дни Рене Левек обратился через газету к террористам с призывом отказаться от насилия, эта пресс-конференция лишь усилила опасения федеральных властей относительно поддержки террористов со стороны ряда легитимных политиков провинции, подтолкнув Оттаву к более решительным и жестким ответным мерам.

Следует отметить, что занимавший тогда пост премьер-министра Канады Пьер Трюдо (Pierre Trudeau) имел все основания опасаться восстания в Монреале, где увлеченные идеями сепаратизма квебекские студенты и школьники к тому времени уже всюду митинговали в поддержку Фронта. Если бы федеральное правительство чуть задержалось с ответными действиями, ему бы пришлось воевать уже не с террористической организацией, повинной во множестве жестоких преступлений, а с восставшим населением провинции. Ведь даже в своем «Манифесте» Фронт обещал, как минимум, сто тысяч вооруженных и организованных революционных рабочих.

В то же время официальным властям Квебека не улыбалась перспектива социалистической революции на подведомственной им территории. Премьер либерального правительства Робер Бурасса (Robert Bourassa) обратился за помощью к Трюдо, призвав последнего ввести войска для оказания помощи местной полиции. 16 октября 1970 года в провинции было объявлено чрезвычайное положение в соответствии с Актом о военных мерах (War Measures Act). Кстати, сам Акт был принят еще в 1914 году и октябрьский кризис в Квебеке стал первым и единственным случаем его применения во внутреннем кризисе самой Канады. Он также применялся во время Первой и Второй мировых войн, когда были подвергнуты преследованиям, арестам и конфискации имущества канадцы, происходившие родом из стран, против которых Канада вела боевые действия. Так, в годы Первой мировой войны гонениям подверглись граждане Канады германского и славянского происхождения (в частности, украинского), а во время Второй мировой войны серьезно пострадали граждане японского происхождения. Лишь в 80-х годах XX века государство принесло официальные извинения всем пострадавшим от несправедливых преследований и выплатило им денежную компенсацию.

На этот раз введенные войска взяли под охрану возможные цели террористов в Монреале и Оттаве, такие, как правительственные учреждения, банки, вокзалы, а также дома известных политиков. Чрезвычайное положение позволяло задерживать без санкции суда любого человека, которого подозревали в принадлежности к Фронту национального освобождения, и содержать его под стражей без официального предъявления обвинений. Сам же Фронт освобождения Квебека был запрещен.

17 октября тело Пьера Лапорта было найдено в багажнике автомобиля неподалеку от аэропорта Сен-Юбер (St-Hubert). Это на Южном берегу реки Сен-Лоран, недалеко от Монреала – там, где сейчас находится комплекс Канадского космического агентства. По одной из версий, заложника убили в ответ на введение чрезвычайного положения, по другой – при попытке к бегству в ходе его борьбы с похитителями. Впрочем, в одной из телевизионных передач предлагалась также версия, что убийство стало результатом трагического стечения обстоятельств, когда террористы почувствовали себя загнанными в угол и в результате сильного нервного напряжения уже были не в состоянии контролировать свои действия и адекватно реагировать на происходящие вокруг события.

В начале декабря полиции удалось выйти на след группы, похитившей Джеймса Кросса. Британца, содержавшегося в заключении на протяжении 60 дней, отпустили в обмен на возможность для похитителей и членов их семей беспрепятственно выехать на Кубу, откуда неко-

торые из них в последствии перебрались во Францию. Хотя канадское правительство и отказалось амнистировать их за совершенные преступления, а министр юстиции страны заявил, что террористы никогда не получат права вернуться в Канаду, тем не менее в 80-е годы они по соглашению с правительством вернулись в Квебек, где были приговорены к символическим наказаниям. Кстати, по сообщениям канадских газет, в то время у полиции существовали подозрения, что коммунистический режим Фиделя Кастро оказывал помощь террористам в их деятельности в Квебеке. Через четыре недели после освобождения британского заложника была раскрыта и арестована вторая группа, членов которой суд признал виновными в похищении и убийстве Пьера Лапорта.

Всего же за время чрезвычайного положения в Квебеке были арестованы около пятисот человек, большая часть из которых впоследствии была отпущена без предъявления каких-либо обвинений, а 62 человека предстали перед судом.

В декабре 1970 года чрезвычайное положение по Акту о военных мерах было заменено на аналогичные меры, но уже в соответствии с Актом об общественном порядке. Однако 30 апреля следующего (1971) года чрезвычайное положение было отменено полностью. Еще в середине декабря 1970 года, когда пик кризиса был уже позади, решение Трюдо о вводе войск в провинцию и объявлении чрезвычайного положения получило одобрение 89% англоязычных канадцев и 86% франкоязычных. И хотя через год после описываемых событий в Монреале состоялась демонстрация сторонников сепаратизма, в которой приняли участие около трех с половиной тысяч человек, было уже ясно – квебекское экстремистское сепаратистское движение разгромлено. Более того, сильное давление было оказано и на сепаратистскую партию Блок Квебекуа, которая открыто поддерживала политическую часть программы Фронта освобождения Квебека.

По сегодняшний день некоторые полагают, что федеральные власти намеренно спровоцировали выступления экстремистов с тем, чтобы одним ударом покончить с сепаратистскими тенденциями в Квебеке. В качестве доказательства приводится тот факт, что у полиции были свои агенты среди членов Фронта, хотя это совсем не означает, что власти контролировали ситуацию в организации. И все же во время судебных слушаний участница одной из группировок заявила, что, будучи агентом полиции, она неоднократно информировала руководство о готовящихся акциях, но эти сообщения оставались без внимания, и активисты движения не были арестованы.

Когда Государственная комиссия расследовала октябрьские события 1970 года, всплыли еще некоторые интересные факты. В частности, по сообщениям канадских газет, прозвучали обвинения в причастности Пьера Лапорта к организованной преступности. Якобы именно поэтому он был похищен экстремистами, которые намеревались добиться от министра письменных признаний в связи между либеральным правительством и оргпреступностью, что позволило бы полностью дискредитировать квебекских либералов в глазах общественности и вызвать правительственный кризис. Лишь четыре года спустя в правительстве Квебека был подготовлен доклад, в котором эти обвинения назывались беспочвенными и утверждалось, что единственным поводом для них послужила предвыборная встреча Лапорта с представителями преступного мира, однако сам он якобы не имел представления о том, кем на самом деле являются его собеседники.

Как следствие всплеска сепаратистского движения и параллельно ему во франкоканадской среде ускорилось назревшее к этому времени движение за расширение прав автономии, а также возвращение французскому языку статуса единственного официального языка Квебека. Кроме того, усилилась борьба за отстранение английского меньшинства от монопольного управления экономикой Квебека. Все это в совокупности получило впоследствии обобщенное название «Тихая революция», во время которой в том числе произошло и серьезное сни-

жение роли религиозных традиций в жизни квебекцев. Церковь, которая до этого контролировала практически все стороны жизни общества, потеряла рычаги влияния и в дальнейшем так и не оправилась от потрясений, а провинция полностью перешла к светской модели общественного устройства.

Потребовалось еще почти четверть века, чтобы волна сепаратистских настроений вновь набрала силу, способную оторвать провинцию от Канады. Правда, на этот раз исключительно мирными средствами, которые, как оказалось, отнюдь не гарантировали спокойствие обывателю. Примером того может быть хотя бы тот факт, что разгул новых сепаратистских настроений в 80-х и 90-х годах прошлого века спровоцировал массовый отток бизнеса из Монреаля в Торонто и отъезд значительного количества активного населения. Достаточно упомянуть, что Монреаль в свое время считался столицей мехового бизнеса Канады. В 30-е годы XX века в городе насчитывалось более 600 компаний, торгующих мехом! К началу же нынешнего века от бывшего мехового величия остались лишь воспоминания. Я помню, как начале нулевых целый меховой квартал в центре города казался просто вымершим. Однако в октябре 1995 года на Всенародном референдуме в Квебеке сторонники независимости этой франкоязычной провинции с разницей всего в один процент голосов потерпели поражение. Казалось, референдум стал тем поворотным пунктом, после которого сепаратистское движение ощутимым образом пошло на спад, а в 2003 году оно потерпело очередной серьезный удар, когда избиратели вновь сменили сепаратистское правительство Партии Квебекуа (Parti Québécois – не путать с федеральным Блоком Квебекуа!) на либеральное.

Тем неожиданной оказалось сообщение канадской прессы в мае 2003 года, что квебекское движение Квебекский Альянс (Alliance Quebec), выступающее за права англоязычных жителей провинции, требует пересмотра результатов референдума 1995 года. Чего же добились англофоны из Alliance Quebec? Пересмотра результатов референдума в пользу сепаратистов? Нет, оказывается, наоборот: по их мнению, результаты должны быть пересмотрены в пользу увеличения числа голосов федералистов. По утверждению представителей Квебекского Альянса, организаторы референдума предвзято подошли к процессу подсчета результатов, из-за чего сторонники единства Канады потеряли не менее 86 тысяч голосов в свою поддержку, поскольку именно такое количество избирательных бюллетеней (а большинство, естественно, в поддержку федерализма) было признано недействительными без веских, по их мнению, на то оснований. Они считали, что если бы все эти голоса были учтены, то перевес сторонников единой Канады мог составить не один, а шесть-семь процентов. Не один год Квебекский Альянс добивался через суд права на проверку всех подозрительных бюллетеней, хотя и без особого успеха: ее представителям удалось проверить лишь 150 бюллетеней. Процесс этот вызывал раздражение у представителей Партии Квебекуа, так как им, вполне вероятно, пришлось бы появиться в суде в качестве свидетелей, и еще неизвестно, к чему бы это привело. Ведь в деле, переданном Квебекским Альянсом в суд и насчитывающем десять тысяч страниц, среди прочего содержались показания свидетеля, присутствовавшего на встрече представителей Партии Квебекуа, где в том числе обсуждались «особые меры» в отношении бюллетеней, поданных сторонниками федерализма. В конце концов, после продолжительной судебной тяжбы процесс утих сам собой после того как Альянс Квебек прекратил свое существование в 2005 году. А в 2008 году по решению суда все сомнительные бюллетени были уничтожены.

Эта история еще раз со всей очевидностью подтверждает простую истину: люди везде одинаковы, в какой бы стране, при каком бы строе, в каких бы экономических условиях они ни жили!

Осенью 2003 года, в очередную годовщину «красного октября» и восьмую годовщину референдума достоянием гласности стали новые факты восьмилетней давности. Точнее то, как могли бы повернуться события, если бы... Из печати вышла книга журналиста Лоренса Мартина (Laurence Martin) под названием «Железный человек, Своевольное правление Жана Кре-

тьена». В ней автор утверждает, что если бы сепаратисты выиграли референдум, то так просто суверенного Квебека они все равно не получили бы, потому как в случае их победы правительство Канады планировало применить армию для защиты федеральной собственности и финансовых активов. Причем автор утверждает, что наиболее активным сторонником жестких мер был министр обороны Дэвид Колинетт (David Colinet). Генеральный прокурор и многие другие члены Кабинета министров того времени также дали согласие на применение жестких мер. А сам Жан Кретъен (Jean Chretien) в интервью Мартину заявил, что никогда не признал бы результаты референдума, если бы сторонники суверенитета выиграли его со столь незначительным перевесом. В то же время бывший премьер Квебека Жак Паризо (Jacques Pariseau) уже в своей собственной книге заявил, что в случае непризнания итогов референдума федеральным правительством он готов был объявить независимость провинции в одностороннем порядке! А это неминуемо означало бы опасность начала гражданской войны, из которой Квебек вышел бы совсем не в тех границах, которые имеет сейчас, поскольку канадское правительство недвусмысленно дало понять, что если можно пересматривать границы Канады, то можно пересмотреть и границы Квебека!

Хотя квебекские избиратели на выборах 2003 года заменили правительство сепаратистов на сторонников федерализма, все же, по социологическим данным, около 40% жителей провинции продолжали поддерживать идею суверенитета. Источником этих статистических данных являлся так называемый Совет провинции Квебек по независимости, который полагал, что все возможности реформирования федеративного устройства Канады уже исчерпаны, и у Квебека остался лишь один выход – стать независимым государством.

Пока политики продолжали перетягивать канат то в одну, то в другую сторону, в дни годовщины «Великого Октября» 2003 года сепаратистские страсти в Монреале вновь вырвались на поверхность в виде граффити, которыми в конце знаменательного месяца были разукрашены стены одного из муниципальных зданий. Надо сказать, что искусство граффити, вообще, очень популярно в Канаде, в том числе и в Монреале, и совсем не обязательно только в политическом контексте, но и в качестве, так сказать, «чистого искусства». Однако на сей раз росписи состояли из лозунгов сепаратистского характера, символики Фронта освобождения Квебека, призывов в духе «Свободу Квебеку!» и «Канадцы, убирайтесь домой!», а также традиционного символического изображения «квебекца-освободителя» с мушкетом в руках. Ну, и само собой, нецензурных надписей, как же без них в любой мало-мальски солидной акции протеста! А для пущей убедительности рядом были оставлены три взрывных устройства. Впрочем, уже в тот же день были задержаны несколько подозреваемых, причем, по утверждениям местных жителей, полиция устроила скрытый наблюдательный пункт в этом районе за несколько часов до начала акции. Другими словами, «тайная вылазка» сепаратистов была тайной только для них самих, ибо полиция, похоже, оказалась прекрасно осведомлена о планах «художников» от внедренных в их ряды агентов.

В те же дни с весьма неожиданной стороны напомнили квебекцам о себе события тридцатилетней давности в истории с компанией «Sony». Компания приурочила к годовщине октябрьских событий выпуск новой игры для PlayStation 2 под названием «Syphon Filter: The Omega Station». Суть игры заключалась в охоте на террористов в тоннелях торонтской подземки. И все бы ничего, да только террористами по сюжету выступали... сепаратисты-экстремисты из Квебека! Эта «блестящая» маркетинговая находка электронного гиганта настолько поразила канадский истеблишмент, что верхняя палата канадского парламента – Сенат – потребовала от «Sony» отменить начавшийся уже было выпуск игры. Чтобы выйти из этой конфузной и скандальной ситуации, волей-неволей корпорации пришлось пойти навстречу и отложить на несколько месяцев выпуск игры на рынок, дабы вымарать из нее всякое упоминание о весьма щекотливой для канадцев теме.

Другой скандал произошел в сентябре 2003 года. Тогда во время официальной церемонии главный аэропорт Монреаля – Дорваль (Dorval) – переименовали в аэропорт имени Трюдо (Pierre-Elliott-Trudeau). При этом единственный представитель оппозиции, которому было послано официальное приглашение, лидер Квебекского Блока Жиль Дюсеп (Gilles Duceppe) от участия в церемонии отказался, объяснив это тем, что Трюдо больше навредил монреальским аэропортам, чем помог. Желание либерального правительства во главе с Жаном Кретье-ном увековечить память Трюдо возмутило и некоторых жителей города Мирабель (Mirabel), расположенного неподалеку от Монреаля, где находится другой крупный ультрамодерновый аэропорт. Ради его строительства горожане были вынуждены в свое время продать дома и освободить место, тем не менее, в конце концов, аэропорт оказался никому не нужен. Эти-то жители и пришли без всяких приглашений на церемонию, но не с цветами, а с транспарантами. Помимо того, некоторые квебекцы расценили присвоение монреальскому аэропорту имени Трюдо как своего рода мечь Квебеку со стороны Канады, поскольку именно Трюдо был наиболее яростным противником независимости провинции. Именно он ввел в Монреале в мирное время военное положение, за что многие предпочли бы вовсе вычеркнуть его имя из истории.

Чтобы завершить тему октябрьских событий в Квебеке – маленький эпизод из моих собственных наблюдений. Так получилось, что эту главу я писал для первого издания книги в начале ноября 2003 года, то есть сразу после годовщины введения чрезвычайного положения и парламентских дебатов о национальной принадлежности квебекцев. Буквально на следующий день, в воскресенье, я с друзьями отправился в Оттаву, которая находится в двух часах езды от Монреаля, чтобы провести там выходной. По дороге мы нагнали колонну из нескольких тягачей, выехавших так же, как и мы, из Монреаля. То, что мы увидели на платформах грузовиков, заставило нас буквально раскрыть рот от изумления. Ибо нашим глазам предстали во всей своей красе... несколько бронетранспортеров и танков! А также небольшой армейский джип с прицепом, вроде российского «уазика». Всю эту технику вывозили из города, где она, по всей видимости, находилась все то время, что шли «празднования» очередной годовщины! Чтобы была под рукой. Как говорится, на всякий пожарный...

Что ж, нас-то этим не удивишь! Какой же праздник без военного «парада»?

Сегодня Квебек как никогда спокоен. Я уже писал, что сепаратистские настроения постепенно сошли на нет, большая часть жителей Квебека отвернулась от самых непримиримых борцов за отделение провинции – Парти Квебекуа. Последняя практически исчезла с политического поля провинции. Конечно пришедшая ей на смену националистическая Коалиция за Будущее Квебека (Coalition Avenir Québec) проводит достаточно активную политику по утверждению национальной идентичности провинции, но тем не менее, она благоразумно обходит стороной вопрос об отделении от Канады, поскольку подобное требование сегодня не пользуется популярностью у населения провинции и способно лишь сильно навредить позициям партии, как это продемонстрировал опыт ее предшественницы. И, кстати, значительный вклад в снижение «сепаратистского процента» на выборах в последние годы, особенно в Большом Монреале, играет поток иммигрантов, прибывающих в Квебек. Ведь они, хотя и подают документы на въезд в эту провинцию, все же по большому счету приезжают в Канаду, и хотят видеть себя гражданами именно Канады, а не государства Квебек.

Ловкость рук и... никакого мошенничества!

Честно говоря, я не думал писать о мошенниках, когда принялся за очерки о Канаде. Говоря объективно, уровень преступности здесь ниже, чем в соседних США или в далекой России. Хотя, к сожалению, вовсе не нулевой. Это и упоминавшиеся уже «Ангелы Ада», долгое время державшие в своих руках рэкет и торговлю наркотиками, и обкурившиеся искатели приключений, и национальные бандитские группировки разных цветов кожи, квартирные воры, автогонщики, маньяки, педофилы, и просто уличная шпана.

К примеру, с наступлением теплого сезона в Торонто традиционно оживляются любители пробраться в чужой дом. Жара заставляет держать открытыми окна и двери патио. Весной 2003 года, как сообщала в те дни полиция, один преступник, воспользовавшись резким потеплением, влез среди ночи в квартиру и попытался напасть на мирно спавшую женщину. К счастью, она успела позвать мужа, после чего злоумышленник дал деру. Полиция регулярно напоминает, что подобные случаи, когда маньяки залезают чуть ли не в постель к супружеским парам, особенно характерны для теплого времени года, и призывают население принимать соответствующие меры безопасности.

Казалось бы, в стране с достаточно почтительным отношением населения к закону мошенников и обманщиков быть не должно, однако стоило мне приступить к работе над книгой, на глаза тут же стали попадаться бесконечные газетные заметки о самых разных представителях этой разновидности общества. Кстати, не только канадских, но и международных, которые облюбовали Канаду в качестве поля своей деятельности. Среди прочих проявились здесь и современные «дети лейтенанта Шмидта». Однако если в бессмертном произведении Ильфа и Петрова они охватили своей активностью почти всю территорию необъятной России, так что им пришлось даже заключить конвенцию о разделении сфер влияния, чтобы избежать встреч друг с другом (вспомните незабвенного Остапа и его новоявленного родственника), то современные «деткишки» орудуют по всему миру, всюду используя достижения современной цивилизации. И Канада также не избежала их пристального внимания.

О чем речь, спросите вы. Да о том самом знаменитом «нигерийском письме» и его вариациях, которые приносят своим изобретателям неплохой урожай зеленых. Хотя об этом очевидном мошенничестве не писал только ленивый, да и существует оно никак не менее двух десятков лет, люди продолжают попадаться на крючок к жуликам. Впрочем, удивительно ли это? Вспомните наших «наперсточников». Сколько про них писали, показывали по телевизору, разъясняли подробно механизм обмана, а все равно не иссякает поток любителей халявы, считающих себя умнее прочих!

В случае же с письмом механизм еще проще: потенциальной жертве приходит электронное письмо будто бы от имени вдовы видного нигерийского политика, которой необходима помощь в получении денег с зарубежных или нигерийских счетов ее покойного мужа. Поскольку это якобы невозможно сделать из Нигерии, «вдова» обращается к чувствительному сердцу незнакомого человека (а заодно и к его жадности), предлагая поделить деньги пополам. Это, кстати, может быть и не «вдова», а «сын» или «секретарь» умершего или убитого диктатора, или кто угодно еще. Другой вариант – письма присылают «адвокаты» из Южной Африки, ведущие дела несчастного белого фермера, убитого повстанцами, или западного специалиста, работавшего в этой стране и, к несчастью, «погибшего» в автокатастрофе вместе со всей своей семьей. Да мало ли что еще можно придумать! Верхом цинизма становятся письма от «служащих банков», где якобы находятся многомиллионные счета безвременно почивших клиентов этих финансовых учреждений, которые так прямо открыто и признаются в желании украсть осиротевшие миллионы, призывая вас поучаствовать в этом увлекательном приключении.

Короче говоря, вариантов может быть бесконечное множество, и их количество ограничено лишь фантазией авторов. Главное, что объединяет все эти письма – «наличие» многомиллионного бесхозного счета, с которого необходимо снять деньги. Веерной рассылкой через интернет письма уходят миллионам получателей. Редкий выпадает день, когда я сам не обнаруживаю одно-два таких предложения в своем собственном электронном почтовом ящике. Единственным условием для получения денег является необходимость предварительно внести несколько десятков тысяч долларов, чтобы подкупить коррумпированных нигерийских, южноафриканских или иных чиновников. Или что-то в этом роде.

Еще один вид «нигерийского письма» – когда получателю приходит по почте информация о крупном выигрыше в лотерею. Якобы крупная рекламная фирма разыгрывает приз среди нескольких миллионов электронных адресов. По правде сказать, выглядит довольно забавно, когда на протяжении одной только недели получаешь два-три письма о выигрыше от ста тысяч до миллиона долларов, и все в разных лотереях! В каждом письме непременно сообщается, что срок заявки на получение денег ограничен – до 18 ноября, например, или не позднее 15 декабря – мол, торопись, счастливец, а то приз уйдет! Хранить письмо следует в тайне, пока не получите свое кровное (ну, да, кабы кто не перехватил). И хотя письма написаны будто под копирку, словно писал их один человек, обратные адреса и имена почему-то разные... А чтобы перевести деньги, нужно-то всего ничего – номер вашего счета, да кое-какие личные данные.

Для чего в дальнейшем будет использоваться полученная информация, можно только догадываться. И хорошо, если только для «раздевания» вашего личного счета или проворачивания темных делишек от вашего имени! Известны случаи, когда некоторые жители стран Запада, передавшие преступникам требуемые суммы и отправившиеся по их приглашению в Нигерию, бесследно исчезали.

По сообщениям газет, несколько лет назад испанская полиция арестовала более сотни человек, входивших в организованную преступную группировку «нигерийских» мошенников, специализировавшуюся на жителях США и Канады, из которых они выкачали как минимум 46 миллионов долларов (в данном случае – американских). Но самое поразительное, что, по данным полиции, чаще всего на «нигерийское письмо» клюют бизнесмены 30–40 лет, которые, казалось бы, должны иметь наиболее трезвую голову и здоровый скепсис. Или алчность настолько застит глаза «акулам капитализма»? Если такое происходит здесь, то стоит ли удивляться чересчур доверчивому отношению россиян к разного рода и ранга мошенникам? Люди везде одинаковы.

В последнее время большое распространение получило электронное письмо-шантаж. В нем злоумышленник извещает потенциальную жертву о взломе ее компьютера и установки на него программы, позволяющей управлять компьютерной камерой, а также снимать всяческие неприглядные действия жертвы при посещении порносайтов. Излагается угроза отправить полученное видео всем контактам жертвы, если та не раскошелится на 300-500-800 долларов в форме ставших в последнее время весьма популярными биткоинов. Не беда, если адресат никогда не увлекался порносайтами, или у него камера заклеена скотчем, как это теперь делают многие, а то и вовсе отсутствует – авось кто-то особо пугливый и клюнет. Приходят подобные письма с той же частотой, с какой до этого появлялись разного рода «нигерийские письма».

Интересно, что на сайте моего университета даже открыли своего рода базу данных различных писем, чтобы любой желающий мог ознакомиться с новинками мира мошенников и тем самым подготовиться к потенциальной угрозе.

Мошенники просто заваливают граждан пачками подобных посланий, и поразительно, что некоторые представители развитого цивилизованного общества продолжают ловиться на эту удочку (в том числе в Канаде и, особенно, в Квебеке) – объем выкачанных средств продолжает расти год от года. По данным полиции, в 2002 году мошенникам удалось облегчить

карманы канадцев на 367 тысяч долларов, а за неполный 2003 – более 460 тысяч! И это только по известным случаям, так как далеко не каждый облапошенный обратится в полицию.

Вы можете сказать, что эти цифры устарели, а люди с тех пор значительно поумнели, или по крайней мере усвоили уроки. Ну так вот вам еще цифры, которые я легко нашел на официальном сайте канадского правительства в публикации от 28 февраля 2017 года под заголовком «Fraud Facts 2017»: с января 2014 по декабрь 2016 общие потери канадцев в результате мошенничеств оцениваются в размере более 290 миллионов долларов! Ну а по самым последним данным только в 2018 году мошенники разными способами выманили у канадцев от 100 до 120 миллионов долларов. Причем, в полицию сообщается только о 5% случаев мошенничества, а, следовательно, общая цифра годовых убытков может достигать двух, а то и больше, миллиардов! Для своих целей мошенники используют самые разные способы: электронную почту, телефон, личный контакт и социальные сети. На первом месте в тройке лидеров этого «бизнеса» находятся так называемые «романтические» мошенничества, использующие поддельные онлайн-профили на сайтах знакомств – не менее 22.5 миллионов долларов. Следом идут мошенничества, в которых преступники звонили своим жертвам и представлялись сотрудниками канадского налогового ведомства. Им удалось заполучить 6 миллионов. Третье место занимают аферы, связанные с онлайн-покупками; на их счету более 3.5 миллионов долларов.

Между прочим, гражданину Канады принадлежит своего рода мировой рекорд в таком виде «спорта», как мошенничество! Именно как крупнейшую в истории человечества финансовую аферу расценил британский суд деятельность 52-летнего канадца Майкла Сламажа (Michael Slamaj), переселившегося в страну кленового листа из Югославии в начале 70-х. Правда, оценили достижение «рекордсмена» всего в шесть лет, что ставит под некоторое сомнение его действительную значимость.

Повязали «героя» вместе с напарником, 69-летним английским дедушкой Грэммом Холксвортом (Graham Holksworth) после того, как канадец попытался обналчить ценные бумаги американского казначейства 1934 года выпуска на сумму 25 миллионов долларов. Бдительные сотрудники одного из банков в Торонто, где и происходила вся история, обратили внимание на мелочь, даже, я бы сказал, пустяк – на сертификатах было написано слово «dollar», вместо более подходящего к случаю множественного числа «dollars». Казалось бы, какая разница? Но дотошные банкиры (вот ведь «скруджи» – за каждый доллар будут держаться зубами!) провели экспертизу, показавшую, что бумажки были напечатаны на струйном принтере (!), который в далекие тридцатые, как выяснилось, изобрести еще не успели. Тогда-то полиция и вышла на след Холксворта, который оказался, ни больше, ни меньше, ведущим мировым экспертом-криминалистом! Он-то и дал предварительное подтверждение подлинности сертификатов, якобы направленных в свое время из Вашингтона на поддержку антикоммунистических сил в Китае под залог 120 тонн золота, но как бы потерянных в результате авиакатастрофы над Филиппинами, где их якобы и нашел в конце концов Сламаж. Полиция, правда, подтвердила, что сертификаты прибыли с Филиппин, но история их появления не столь романтична, так как изготовлены они были всего лишь местной мафией. Таким образом, задуманная афера века не состоялась, а мошенники в очередной раз получили урок: в школе надо было лучше учиться, и не прогуливать уроки английского языка!

Однако фантазии канадских мошенников вполне хватает на весьма занимательные формы обьегоривания клиентов и без помощи азиатской мафии. Однажды в Торонто накрыли шайку, занимавшуюся организацией дорожно-транспортных происшествий с целью получения страховок за якобы имевший место ущерб здоровью участников. Причем опять же поражает размах! Куда там московским «подрезалам» с их жалкими «наездами» на незадачливых владельцев «жигулят»! В процессе были задействованы более сорока пассажиров городского

автобуса. Массовка была заранее оплачена (по сто долларов на нос) и проинструктирована. На одной из остановок на автобус сзади налетел взятый в прокат мини-грузовик, и хотя ущерб ограничился несколькими царапинами, в страховые компании посыпались заявления от «пострадавших». Однако и в страховых компаниях сидели не простаки – они сразу же обратили внимание на то, что в момент столкновения в автобусе находилось почти в два раза больше людей, чем обычно! Началось расследование, которое и привело к уголовным делам против нескольких организаторов «театральной постановки», в том числе владельцев центров восстановления здоровья, которые и должны были стать получателями страховых выплат.

Но справедливости ради надо сказать, что большинство мошеннических проделок все же не столь изощренны. Очень популярными в наше время высоких технологий стали обыкновенные кражи и подделки банковских карточек или аферы с банковскими счетами. Например, осенью того же 2003 года из отделения Федерального агентства таможни и налогов (Federal Customs and Revenue Agency, а по-нашему – налоговая служба), которое находится в пригороде Монреаля Лавале (Laval), украли компьютер. Все бы ничего, кража компьютера – не столь уж редкое явление, но неординарными оказались данные, хранившиеся в нем – конфиденциальная информация на 120 тысяч канадских налогоплательщиков. Пришлось Агентству выпустить специальное обращение к жертвам его беспечности, рекомендуя тщательно проверять расходы на кредитных карточках, состояние банковского счета и предупредить кредитные бюро о возможных появлениях своих «двойников». Эта кража стала первой большой потерей данных в современной истории федерального правительства. Тем не менее, в деле предотвращения подобных случаев оно и дальше продолжает надеяться на охранную сигнализацию и на то, что все компьютерные сервера с важной информацией хранятся в сейфах. Проблема только в том, что и 4 сентября компьютеры должны были быть в сейфе, однако сотрудник перед уходом просто забыл поместить их туда. Во всяком случае, так утверждают власти...

Парадокс, но в наш век высокие технологии, которые должны облегчать жизнь человеку, стали новыми источниками невиданных доселе проблем. Например, несколько лет назад полиция распространила сообщение с предупреждением для клиентов Bank of Montreal и DeJardins Bank в провинции Квебек о том, что они могут стать мишенью аферы. Ряд владельцев счетов в этих банках получили электронные письма с предложениями посетить сайт того или иного банка для участия в лотерее. Кликнув по имеющейся в письме ссылке, владелец счета попадает на сайт, оформленный в соответствующем стиле и якобы принадлежащий банку, но на самом деле не имеющий к нему никакого отношения. Здесь потенциальной жертве для участия в лотерее предлагалось ввести пароль и номер кредитной карточки, в результате чего эти секретные данные и попадали в руки к мошенникам. По данным полиции, подобная афера появилась в Канаде впервые, а посему представители банков рекомендовали выходить на их сайты напрямую, а не через присылаемые в письмах ссылки. Впрочем, подобные рекомендации уже стали нормой, и любое уважающее себя финансовое учреждение теперь регулярно присылает своим клиентам такие напоминания.

Для чего я все это рассказываю, может поинтересоваться читатель. Только ли для того, чтобы развлечь? Обилием мошенников разных мастей никого не удивишь, в том числе и в Канаде. Да и в России их хватает сверх всякой меры! Все это так. Но есть одно отличие. Поскольку некоторые современные технологии на сегодняшний день по ряду объективных причин получили более широкое распространение в странах Запада, включая Канаду, чем в России, новые методы, которыми пользуются мошенники века технического прогресса, проявили себя в большей степени именно здесь, на просторах развитой рыночной экономики. Однако их появление в России лишь дело времени, и не очень долгого. Поэтому, собрав урожай на Западе, творческие идеи техножуликов неминуемо придут и на необъятный российский

рынок. А посему, будет очень неплохо, если российские граждане уже сейчас получают хотя бы начальные представления о новых возможных напастях, их поджидающих.

Конечно, в Канаде имеются и такие виды «предпринимательства», которые очень хорошо знакомы россиянам. Например, весьма распространенное в России примитивное «кидалово». В Монреале и все том же Лавале одно время орудовали мошенники, которые для этого вида бизнеса избрали лотерейные билеты. Но и здесь размах побольше, чем в аналогичных разводках в России, – в историях фигурировал лотерейный билет с выигрышем главного лота в 2.5 миллиона долларов. В основном, жертвами мошенников становились пожилые люди. Один из «игроков» представлялся иммигрантом-нелегалом, который не рискует заявить о выигрыше, так как его сразу же вышлют из страны на родину, где ему угрожает смертельная опасность. Поэтому он и предлагал «купить» лотерейный билет «всего» за 35 тысяч долларов. В разгар обсуждения откуда ни возьмись появлялись два господина, один из которых оказывался еще и адвокатом. Он и изъявлял желание перекупить у «счастливчика» билет. «Нет! Ни за что!» – кричала наивная жертва, у которой пытались столь нахальным образом увести честно «заработанные» миллионы, и, не разбирая дороги, неслась в банк, где и вручала торжественно своему «благодетелю» все, что удалось наскрести на счету. Тот с благодарностью удалялся, а разведенный оставался один упиваться своим счастьем...

Но, пожалуй, достаточно о мошенниках. Все же порядочных людей в Канаде больше, чему я могу только порадоваться. Ну, а от непорядочных каждый защищается, как может. К примеру, уже много лет в очень многих магазинах Монреала висят объявления: «100-долларовые купюры к оплате не принимаем!» Очевидно, во избежание подделок. И это притом, что официально их никто пока не отменял! Мало того, несколько лет назад все бумажные канадские купюры были заменены на пластиковые. Их и подделать намного труднее, и они долговечнее. Тем не менее, инертность мышления никуда не делась, так что кое-где запрет на 100-долларовые купюры до сих пор красуется возле касс.

Наша служба и опасна, и трудна...

Что ж, как можно понять, канадская полиция без работы не сидит. Хотя, когда я впервые увидел здесь полицейского, я был несколько озадачен. Случилось это в мой первый приезд в Канаду на конференцию в Торонто. Я возвращался с экскурсии на телебашню и проходил по какому-то длинному крытому переходу, ведущему к центру города. На одном из поворотов я и увидел его. Полисмен с явной скукой стоял и наблюдал за спешащими мимо людьми. На лице его было такое выражение, словно он совершенно не понимал, для чего его сюда поставили, и абсолютно не представлял, чем бы ему заняться. Признаться, меня, привыкшего к постоянным озабоченно-подозрительным взглядам московской милиции, вид торонтского блюстителя порядка весьма удивил. Видимо, относительно спокойная и неторопливая жизнь в этой стране накладывает свой отпечаток и на местных полицейских, решил я. В чем-то я был прав. И в дальнейшем, уже проживая в Монреале, я стал привыкать к их спокойствию.

В целом полицейских на улицах немного, особенно если сравнить с Москвой. Как правило, это патрули на автомобилях, хотя в центре можно встретить и пеших. С непривычки удивляло большое количество женщин-полицейских, которых если не половина, то ненамного меньше, чем мужчин. Как правило, встречные полицейские имеют вид мирный и доброжелательный, несмотря на внушительное снаряжение, которым они увешаны с ног до головы. А, кроме того, права человека в Канаде – вещь серьезная, и полицейские приучены с уважением относиться к личности любого гражданина. Именно поэтому граждане без опаски заговаривают с ними, шутят – вид полицейского у законопослушного канадца не вызывает безотчетного страха и желания перейти на противоположную сторону улицы.

И все же, все относительно, и миролюбие полицейских в том числе. Это меня с непривычки удивляло бросающееся в глаза отличие блюстителей порядка монреальских от их московских коллег. У некоторых монреальцев отношение к местной полиции гораздо болезненней. Особенно у молодежи, которая время от времени даже устраивает марши против грубости и произвола полиции. Что интересно, бывает, что подобные марши выливаются в настоящие погромы с битьем витрин и поджогом автомашин. Правда почему-то замечены за этим были не «грубые» полицейские, а пылающие праведным гневом демонстранты.

Спокойный и размеренный образ жизни квебекцев и способы их времяпрепровождения принимают порой весьма неординарные формы. Ну, например, молодежные «вечеринки» в городских парках. Здесь удивительным образом сочетается «оторванность» и бесшабашность нетрезвых посиделок с размеренным ходом городской жизни. Как-то раз вечером в конце марта я проходил через довольно большой парк возле станции метро Ангриньон. Занесло нас с сыном туда совершенно случайно, и, собственно, в самом парке делать нам было нечего, я просто искал кратчайший сквозной проход от метро к домам на другой стороне. Не сказать, чтобы было очень поздно – около десяти вечера, однако в Монреале в начале весны это не самое светлое время суток. В пустынном парке было достаточно неуютно, но раз уж мы туда попали, сворачивать и искать другой путь уже не хотелось. В самой глубине леса (а это парк именно лесного типа) мы обратили внимание на два небольших строения неопределенного назначения. Вероятно, летом они служат беседками или чем-то вроде этого. Оба строения располагались неподалеку от пешеходной и вело- дорожек, а расстояние между ними составляло около полукилометра. И обе были облюбованы группами молодежи для вечерних посиделок. Что интересно, возле первой конструкции слышалась английская речь, возле второй общались исключительно по-французски, точнее по-квебекски. К этой второй, квебекской, компании мы и свернули с целью расспросить о ближайшем выходе за ограду парка к домам, огни которых уже просвечивали между деревьями.

Компания была довольно большая – человек десять или около того, и все явно «под парами». Шумный разговор, звон битья бутылок (да-да, именно так, прямо тут же во время заседания этого «клуба по интересам») – то есть именно то поведение, от которого за годы проживания в Канаде я успел отвыкнуть. Первое, что отличало ситуацию от московской, это то, что там дома мне никогда в голову не пришло бы подойти к подобной компании даже на городской улице, не то, что в лесу поздно вечером. Легко может оказаться себе дороже. Если в Канаде такая компания занята исключительно собой, то в России очень вероятно, что она ищет приключений, и частенько не столько для себя, сколько для окружающих.

Оно и здесь-то, наверное, не самая лучшая идея общаться со столь шумной компанией в пустынном темном парке, однако ребята вполне доброжелательно и с готовностью объяснили нам, где и как можно пройти.

Второе отличие от России, это то, что в это сомнительное время через парк продолжали время от времени проходить одинокие прохожие, в том числе пожилые люди, и даже юные девушки, которых, похоже, не очень смущала ни темнота, ни присутствие на пути весьма неоднозначных возбужденных компаний. Там, за океаном, у себя дома, мне такое представить было бы нелегко.

Тут самое место вспомнить об одном моем приятеле, с которым я познакомился где-то в середине нулевых. Он приехал из Казахстана, одной из бывших республик Советского Союза, ныне независимого государства. Судя по его собственным рассказам, жизнь на родине моего нового знакомого не была безмятежной и регулярно поставляла ему в вены изрядные дозы адреналина. Столь часто, что, приехав в Монреаль, ему еще долгое время не хватало острых ощущений.

Вот один из его рассказов: «Представляешь, вышел я вчера вечером на улицу, пошел в парк Лафонтен. На всякий случай ножницы себе в карман сунул. Пришел туда, а там компания тусуется на скамеечках. Ну я раз обошел их вокруг, второй, третий... А они все так же просто разговаривают между собой, пиво пьют, а на меня – ноль внимания! То есть вообще никакого! Так и ушел домой!»

В другой раз: «Я подхожу к группе ребят, стреляю у них сигарету. Они дают. Я тут же у них на глазах выбрасываю сигарету в мусорный бак, а им хоть бы что! Никаких эмоций! Что за жизнь!»

Интересная ситуация, не правда ли? Так сказать, стресс от отсутствия стресса.

Но вернемся к блюстителям порядка.

Полиция Квебека и, в частности, Монреаля – одна из старейших в стране. Еще в 1709 году в нашем городе (тогда он назывался Вилла-Мария) из добровольцев был создан отряд полиции, следивший за общественным порядком и безопасностью и работавший на общественных началах, то есть бесплатно.

Первые муниципальные полицейские части были образованы в 1838 году, насчитывавшие в то время 121 человека и четыре патрульных коня, и просуществовали практически в неизменном виде ровно сто лет. Только в 1853 году полицейским разрешили носить огнестрельное оружие, причем оно не закреплялось за отдельными сотрудниками, а до 1899 года находилось во всеобщем пользовании. В 1885 году был создан отряд конных полицейских в составе шести человек с целью патрулирования двух крупнейших парков Монреаля. Кстати, и до сих пор в крупнейшем городском парке Мон Роял можно встретить конный полицейский патруль. А также увидеть старинную каменную поилку для лошадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.